

история / география / этнография

Частная жизнь
русской женщины XVIII века

Наталья Пушкарева

Ч

астная жизнь
русской женщины
XVIII века

Наталья Пушкарева

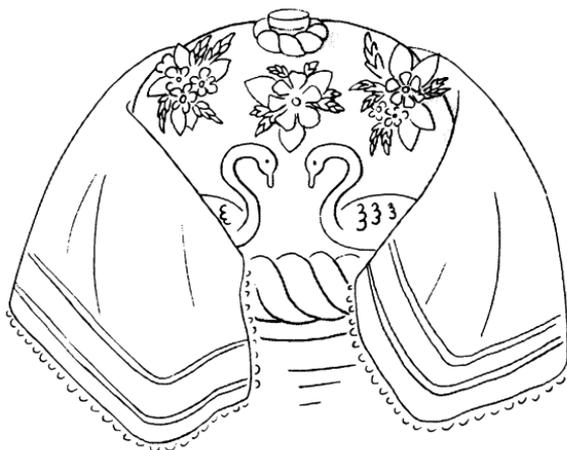

Ломоносовъ
издательство

Наталья Пушкарёва

Частная жизнь
русской женщины
XVIII века

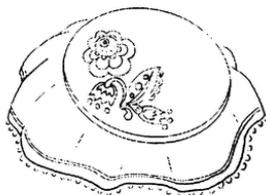

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2012

УДК 396
ББК 63.3.(2)4
П91

*Славянская
Визуальная
Культура*

Иллюстрации М. Васильевой

ISBN 978-5-91678-137-3

© Н. Пушкарева, 2012
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2012

Кардинальные преобразования всего уклада российской жизни, которыми начался XVIII век, изменили быт и образ мыслей большинства россиянок.

Иностранцы, побывавшие в Восточной Европе накануне петровских реформ — Самуил Коллинз, Яков Стрейтс, Яков Рейтенфельс¹, — еще писали о России как стране «теремного затворничества» девушек и женщин, во всем зависящих от отцов и мужей, не имевших права ни показаться на людях, ни проявить как-нибудь свои желания². Но в дневниках и путевых записках тех западных наблюдателей российского быта, которым посчастливилось стать очевидцами решительных действий Петра I, взявшегося, по его словам, за «народное полирование», — отразились совсем иные впечатления.

Немецкий путешественник Г. Шлейссингер, описавший Россию начала XVIII в., назвал «пустой басней» утверждение своих предшественников о том, что русские девушки «вообще не смеют показаться публично». Описывая большой рынок, находившийся перед стенами Московского Кремля, он заметил, что среди торговцев было немало женщин разного возраста. Это подтвердил и чешский иезуит Иржи Давид: «... женщины появляются, где много публики и притом в большом количестве, — записал он, прибыв в Москву в 1699 г. — Сидят на лавках, продают шелка, ленты и так далее, разгуливают в шубах, плавно шествуют в высоких башмаках...»³

Стоит, однако, учесть, что эти наблюдения иностранцев фиксировали образ жизни отнюдь не представительниц московской аристократии. Между тем именно им — княжнам и дочерям боярским — пришлось испытать на себе все «прелести» воспитания и времяпрепровождения в недоступных постороннему взору теремах. Поэтому при сопоставлении семейно-бытового статуса женщин допетровского времени и Петровской эпохи большее значение имеет сообщение секретаря австрийского посольства в Москве И. Корба. 1 марта 1699 г., отметил он, на пиру и последовавшем за ним празднике в честь бранденбургского посла впервые участвовали женщины, в том числе «принцесса Наталья» (Алексеевна, сестра царя). Правда, по его же словам, они пока еще только «смотрели на танцы и шумные забавы, раздвинув немного занавеси», разделявшие две комнаты. И все же И. Корб полагал, что «этот день сильно ослабил суровость обычаев русских, которые не допускали доселе женский пол на общественные собрания и веселые пиршества». Он же отметил, что «теперь... некоторым было позволено принять участие не только в пиршестве, но и в последовавших затем танцах...»⁴

Ломка традиционных представлений о женщине, ее правах, роли, значимости и месте в семье происходила одновременно с первыми шагами по реформированию повседневного быта верхушки российского общества. Первым следствием реформ для женщин привилегированного сословия было *внешнее изменение* их облика. Указами Петра I 1700–1701 гг. было велено носить одежду европейского кроя. К 1 декабря

1701 г. женщинам предписывалось сменить весь гардероб и заменить его «венгерским и немецким костюмом». С тех, кто не подчинится указу царя, было велено «брать пошлину деньгами, а платью (старомодное. — *Н. П.*) резать и драть»⁵. Просторные наряды княгинь и боярынь, дававшие, по словам Б. И. Куракина «полную свободу раздаваться в толщину»⁶, было приказано сменить на «образцовые немецкие женские портища», то есть платья с корсетом и юбками до шиколоток, а вместо венцов и кик украшать головы фонтанжами и корнетами.

Следующим шагом было реформирование *модели поведения*. Законодательные предписания 1696—1704 гг. о публичных празднествах вводили новые формы общения: обязательность участия в торжествах и празднествах всех россиян, в том числе «женского пола». Поначалу эти акты государя были восприняты настороженно самими женщинами⁷. Но не прошло и нескольких лет, как российские дворянки осознали все преимущества «удовольствий общества», которые с осуждением описал князь М. М. Щербатов в своем знаменитом сочинении «О повреждении нравов в России» (1789 г.): «Приятно было теперь женскому полу, бывшему до сего невольницами в домах своих, пользоваться всеми удовольствиями общества»⁸.

Указ 1718 г. с той же безапелляционностью, что и предыдущие законы и распоряжения царя-реформатора, ввел для российских дворянок обязательность участия в ассамблеях — «собраниях не только для забав, но и для дела, куда всякому вольно прийти, как мужскому полу, так и женскому». В 1725 г. аналогичное распоряжение было сделано царем относительно ночных балов⁹. Дж. Перри в своих «Записках о бытности в России» полагал, что своеобразные идеи русского государя были вызваны его заботой о том, чтобы «было приятно русским господам»: «Во время... увеселений русские господа скоро примирились с английским платьем, так как заметили, что оно делало их тем более приятными и привлекательными»¹⁰. И действительно: дамам на ассамблеях и балах (которые велено было устраивать преимущественно в зимнее время, и каждый столичный вельможа хоть раз в сезон принимал у себя светское общество¹¹) не только

позволялось, но и предписывалось оставаться до утра¹², танцевать «без разбору». Любой присутствующий мог пригласить на танец и знатную даму, и государыню, и царевен Анну и Елизавету. «Особенно дамы танцевали с большим удовольствием», — свидетельствовал в 1722 г. очевидец подобных балов камер-юнкер Ф. В. Берхгольц, отмечая одновременно, что многие из них весьма «любезны и образованны»¹³.

Совместные для обоих полов «веселья» по личному указу Петра устраивались во дворце и просто на улицах или за городом. Помещениями для ассамблей могли служить лишь вместительные дома знати. «В комнате, где дамы и где танцуют, курят табак и играют в шашки, отчего бывает вонь и стукотня, вовсе неуместная при дамах и при музыке...»¹⁴ Позже, с 1785 г., балы нередко устраивали в Дворянском собрании.

«Девушек на выданье» Петр распорядился вывозить «в свет» в сопровождении старших родственников. Таким образом, разительно переменялись *формы знакомства* молодежи из зажиточных семейств. Юные барышни могли теперь встретить будущих избранников не только на традиционных «вечерках», но и на балах, ассамблеях, во время торжественных празднеств, уличных гуляний. Да и замужние женщины перестали считать зазорным совместное гостеванье с лицами мужского пола¹⁵. Ф. В. Берхгольц отмечал, например, в своем «Дневнике», что на одном из празднеств насчитал «до тридцати хорошеньких дам, из которых многия мало уступали нашим в приветливости, хороших манерах и красоте». Ниже он упомянул о хорошем знании многими из них иностранных языков — прежде всего любезного его сердцу немецкого «...старшая Головкина была одна из тех, которые довольно свободно и хорошо говорят по-немецки...»¹⁶.

В средних слоях столичного населения, например в среде гвардейского офицерства, танцевальные вечера с 30-х гг. XVIII в. стали организовываться вскладчину. Мужчин на них пускали за определенную плату, для женщин же был вход свободный¹⁷. Сказывались отсутствие средств у женской части молодежи, медленное утверждение привычки к светским развлечениям, живучесть старой традиции замкнутости и «домашности» женского мира, а также недостаток женского населения в столице¹⁸. Однако вплоть до конца

XVIII столетия в среде провинциального российского дворянства танцевать на вечерах считалось более подобающим лишь незамужним «юницам». «Одни только девицы и танцевали, а замужние женщины — очень немногия, вдовы — никогда. Вдовы, впрочем, редко и ездили на балы», — вспоминала о нравах конца 90-х гг. XVIII в. писала Е. П. Янькова¹⁹.

Тем не менее участие в танцевальных вечерах стало в восемнадцатом столетии структурным элементом дворянского (особенно столичного) быта, а без «дам» ни один бал, разумеется, не мог состояться. Кроме того, со второй половины XVIII в. все более или менее состоятельные горожанки — и не только дворянки, хотя по преимуществу именно они — стали постоянными посетительницами театров²⁰. Всего несколько десятилетий назад в придворной «комедийной хоромине» женщины могли смотреть спектакли лишь из специальной ложи с окошком, чтобы быть незаметными присутствующим²¹.

Однако и старые представления о разрешенном и запрещенном давали себя знать: многие «благовоспитанные» барышни в 30-е гг. XVIII в. пытались себя «сохранить от излишнего гулянья» (Н. Б. Долгорукая), «наблюдать честь»²² — но уже в середине столетия это выглядело анахронизмом. Балы и танцы стали излюбленной формой досуга зажиточной части российского общества — как столичной, так и провинциальной. Описания балов сохранились во многих воспоминаниях русских дворянок — большинство из них, вспоминая молодость, отмечали, что каждый бал таил в себе возможность новых встреч, решения судеб и каждый из них «ожидался с нетерпением»²³ — особенно молодежью. В Малороссии балы дворянской молодежи часто предварялись дневными пикниками, на которые свозились «ковры, разные фрукты, кислое молоко и чай» и на которые отправлялись «кто в экипаже, кто верхом, кто на лодках»²⁴.

Большую роль, нежели столетием раньше, стали играть в дозамужней жизни россиянок свахи — от их участия и умения зачастую зависела женская судьба. Сваху «необходимо нужно было иметь» в особенности купеческим дочкам, поскольку отцы их доверяли в первую очередь именно «сва-туньям» («первобытной, миллион раз осмеянной и все-таки

очень живучей форме брачной конторы»), а не подсказкам жен, родственниц и самих девушек²⁵. Обращение к свахам не было принято в дворянском сословии (хотя, например, М. В. Данилов женился как раз с помощью свахи), но было нормой в среде мещанской и купеческой: «В те времена для сватовства, в особенности у купцов, необходимо нужно было иметь сваху... Но дед сердился, когда являлись устроительницы браков: “Если моим дочерям будет счастье, они сами замуж выйдут, а то в монастыре места много...”»²⁶

Умение «знакомить между собой подходящие семьи, которые без этого бы никогда бы не сошлись», держать на примете «подходящих» невест, быть осведомленными об их приданом, добиваться (за скромную плату) согласования сторон — все это отвечало именно женским умениям, женским чертам характера, особым навыкам. В России профессия сватуны (свахи) была профессией сугубо женской. По обычаю, родители невесты должны были хотя бы раз отказать свахе, отговариваясь тем, что «невеста не доросла до замужества» или что «приданое еще не готово». Иногда сватовство тянулось месяцами, а порой — и «более года», но в этой долговременности был свой резон. Жених и невеста знакомились друг с другом — когда по рассказам, а когда и «вживую», встречались в многолюдных местах и наедине²⁷.

В начале XIX в. новые формы времяпрепровождения россиянок, казавшиеся поначалу лишь игрой в европейскую жизнь, постепенно стали нормой. Впрочем, в семейно-бытовом укладе российских аристократов оставалось немало и традиционного, выработанного столетиями.

Глава I «Какие нонче браки бывают...»

Условия и порядок
заключения брака

Венчальный брак в XVIII — начале XIX в. стал основной формой заключения брачных уз в России. Это не означало, конечно, что нецерковные замужества девушек, браки «убегом» и «уводом» исчезли вовсе. Если в центральном районе России «браки уводом или тайком бывали крайне редко»²⁸, то в среде простецов в отдаленных от центрах сибирских губерниях, где действовали нормы не столько писаного, сколько обычного права, невенчанное замужество и «беглые свадьбы» были весьма частыми²⁹. Обычай «скрадывания девки» символизировал условное нежелание родителей «своими руками» отдавать дочь в чужую

семью; у раскольников побег дочери с женихом вообще считался обязательным. При этом далеко не всегда «скрадывание» девушки происходило с ее согласия³⁰.

И все же когда в России XVIII столетия говорилось о замужестве по всем правилам («замужестве добром»), то имелись в виду венчальный брак и соблюдение всех условий и обрядов по «большому чину».

Как и в допетровскую эпоху, при выборе спутника жизни огромное значение для девушки имела воля родителей. Однако ее «укрывание» от жениха, «неизвестность» стали во всех сословиях, а уж тем более в сословии «благородном» — не более чем ритуалом. Это хорошо почувствовал уже в начале XVIII в. Г. Шлейссингер. «Жених видит свою невесту повседневно и знает ее очень хорошо, — писал он. — И вообще церемония сватовства происходит так же, как у других народов, разве только невеста в это время укрывается в отдельной горнице или в другом месте». В то же время, как пережиток старой традиции «укрывания» невесты, в дворянских семьях существовало неписаное правило, по которому родители препятствовали слишком частым свиданиям юноши и девушки до венчания: «...в тогдашнее время не такое было обхождение, в свете примечали поступки молодых девушек... тогда не можно было так мыкаться, как в нынешний век», — вспоминала по этому поводу требовательная к себе и к окружающим Наталья Долгорукова³¹.

Ее современница М. С. Николаева, подтверждая ее слова, записала (рассказывая о 10-х гг. XIX в.), что «по понятиям того времени, вести переписку невесте с женихом» в дворянских семьях «не считалось строго приличным». Такие воззрения были широко распространены в середине XVIII в., об одной невесте говорится: «Она умела только читать, а писать ее не учили. Не учили писать вообще всех девиц, чтоб, выросши, не могли переписываться с мужчинами...»³² В семьях непривилегированных сословий (например, у капиталистских крестьян) представления о том, что «пристало» девушке, а что — нет, были еще более строгими. Например, крестьянский сын Н. Шипов, написавший воспоминания о своем детстве в 10-е гг. XIX в., отметил, что «тогда существовал в крестьянском быту старинный обы-

чай: девушка на возрасте, особенно невеста, не могла в родительском доме видеть лицом к лицу чужого мужчину, а была обязана, как скоро увидит гостя, идущего к ним во двор, закрыться платком, выбежать в другую избу или даже запрятаться под перину...»³³. Таков был обычай. Но в действительности возможности добрачного знакомства были у девочек и девушек из крестьянских семей весьма широкими. Все они вели напряженную трудовую жизнь, участвовали в полевых работах, промыслах, «встречались на улице (у дома, в поле, на погосте), в праздники — на хороводах и играх, зимой... на посиделках»³⁴, «виделись каждый день, но мимолетно»³⁵.

В петровское время родители-дворяне стали больше учитывать желания и личные склонности вступающей в брак, тем более что ее согласие на него стало иногда фиксироваться в тексте брачного договора. Петр I, распорядившийся делать это, руководствовался в данном вопросе больше не эмоциональными факторами, но соображениями государственной пользы («...не любящиеся между собою соупружествуют... и по сицевому началу житие тех мужа и жены бывает бедно и... детей бесприжитно...»³⁶). Традиция приоритета родительского решения, согласия родителей невесты на ее брачный выбор³⁷ сохранялась с исключительной твердостью — в форме ритуала «родительского благословения»³⁸, без которого брак не считался «добропорядочным»³⁹. Для девушки особенно значимым было благословение матери, но информаторы, описывавшие крестьянский быт по поручению РГО в середине XIX в., отмечали, что «большинство родителей из жалости и боязни за судьбу детей благословляли и таких из них, которые поступали против их воли».

И все же требование обязательности благословения, сопряженное с малолетством вступающих в брак девушек, обеспечивало укрепление власти старших — сначала родителей, а после замужества — мужа. Примечательно, что матери, готовя дочерей к выполнению ими роли жен, недвусмысленно наставляли их повиноваться воле мужей. «Ты уж не от меня будешь зависеть, а от мужа и от свекрови, которым ты должна беспредельным повиновением и истинною любовью, — наставляла в 1772 г. юную А. Е. Лабзину ее мать. — Люби мужа твоего чистой и горячей любовью, повинуйся

ему во всем...» Примечательно, что в тех случаях, когда совета и благословения спросить было не у кого, девушки с большой тревогой и сомнениями решались на замужество, как бы ошущая непоправимость возможной ошибки⁴⁰.

Традиция повиновения дочерей родителям, а жен мужьям, которая вырабатывалась православной моралью в течение столетий, привилась в конечном счете прочно. Дела о браках без согласия родителей оставались подсудными патриаршему, а с появлением Синода — общему духовному суду: «Ближние сродники все отступились, дальние и пуше не имели резону. Бабка родная умерла. Итак я осталась без призрения, сам Бог давал меня замуж...»⁴¹

Позже браки без согласия старших родственников или родителей влекли за собой не столько церковные взыскания, сколько, главным образом, высокую конфликтность отношений между «старой» и «молодой» семьями. Об этом, в частности, рассказывала своей знакомой англичанке К. Вильмот Е. Р. Дашкова, ссылаясь на опыт своей свекрови, вышедшей замуж за князя Дашкова без согласия его родственников и, главное, его матери. К. Вильмот весьма образно заключила, что «радужные перспективы» молодой пары, отравленные постоянными ссорами свекрови с невесткой, превратились в «надгробный памятник» браку послушников традиции⁴².

Однако закрепившаяся в умонастроениях россиян традиция приоритета родительского решения в вопросе о браке вступила в Петровскую эпоху в противоречие с некоторыми социальными побуждениями. Это противоречие и породило ранее не существовавшую традицию предварительного обручения новобрачных, призванную заменить⁴³ прежний брачный сговор⁴⁴ (сговор продолжал бытовать, но только в крестьянской среде, и сговорные записи заменились устным соглашением родителей с обеих сторон). Законодательно обоснованный порядок обручения просуществовал с 1702 до 1775 г. С конца же XVIII в. обручение как особый юридический акт перестало существовать, превратившись в необязательный обрядово-этический ритуал: рядные и сговорные, характерные для допетровского времени, теряли свою силу и заменялись собственноручно подписан-

ными обеими сторонами актами «об обручении». Законодатель уже не упоминал о неустойке, ранее гарантировавшей заключение брачного соглашения. Прежний, сугубо имущественный характер сделки, затушевывался⁴⁵. Период между обручением и собственно венчанием мог быть от нескольких недель до полугода⁴⁶.

Петр I, для которого понятие «государственной пользы» стояло выше всех остальных, запретил специальными указами (1700, 1702 и 1724 гг.) насильственную выдачу замуж и женитьбу⁴⁷. Вполне вероятно, что к такому решению Петра побудил его собственный «фальстарт» — неудачный первый брак с Евдокией Лопухиной, навязанный будущему императору родственниками. Так или иначе, но он повелел, чтобы каждому венчанию не менее чем за шесть недель предшествовал особый период, «дабы жених и невеста могли распознать друг друга». Если же за это время, говорилось в указе, «жених невесты взять не похочет, или невеста за жениха замуж идти не похочет», как бы на том ни настаивали родители, «в том быть свободе»: в 1715 г. дворянин М. Г. Собакин и девица Т. Я. Новокшенова подали прошение о расторжении их помолвки: «...и впредь тому брачному договору по общему нашему совету не быть и о том нам друг на друга также и о неустойке... не бить челом...»⁴⁸. С 1702 г. самой невесте (а не только ее родственникам) предоставлялось формальное право расторгнуть обручение и расстроить сговоренный брак, причем ни одна из сторон не имела права «о неустойке челом бить»⁴⁹.

Брак по любви получил, таким образом, значительно больше шансов состояться.

Тем не менее современник этих указов Ф. В. Берхгольц записал, что когда во время одного венчания в 1722 г. священник задал вопрос молодым: «желают ли они вступить друг с другом в брак и добровольно ли согласились на него», то «во всей церкви раздался громкий смех». На расспросы автора о причине веселья ему ответили, что «жених оба раза отвечал и за себя, и за невесту»⁵⁰. Осуждая неблагопристойность подобного поведения и жениха, и гостей, Ф. В. Берхгольц невольно зафиксировал формальность церемонии получения согласия новобрачной.

В действительность распоряжений, касающихся ненасильственности брака, не слишком верил, однако, даже сам умудренный житейским опытом император. Незадолго до своей смерти, чтобы быть последовательным в решениях, Петр дополнил церемонию бракосочетания еще одной формальностью: родители должны были клятвой подтвердить, что выдают дочерей замуж не «неволею» (1724 г.). Порядок этот распространялся на знатных персон, шляхетство и разночинцев в городах⁵¹. Это ничуть не противоречило морали и педагогическим замыслам составителей церковных проповедей того времени. Еще в 1693 г. патриарх Адриан потребовал, чтобы священники «накрепко допрашивали» молодых при венчании, по добром ли согласию вступают они в брак, «а не от насилия или неволи каковы», у «стыдливой невесты допрашивать у родителей»⁵². Не было никаких расхождений и с воззрениями передовых сподвижников и просто современников Петра⁵³.

Однако вскоре после смерти императора решение о «тяжком штрафовании» родителей, «детей своих к брачному сочетанию нудивших» и «брачивших без самопроизвольного их желания», довольно быстро забылось, и принудительные браки во всех — даже в дворянском — сословиях продолжали оставаться весьма распространенными, особенно когда матримониальные планы родственников были увязаны с материальными расчетами. В 1775 г. петровский указ был отменен⁵⁴.

Насильственные браки крепостных оставались на протяжении всего периода рядовым явлением. Многие мемуаристки и мемуаристы XVII—XIX вв. отмечали, что для представительниц непривилегированных сословий весьма часто «доказанное преступное деяние... наказывалось выдачею несчастная преступницы в замужество за какого-нибудь урода...»⁵⁵. А. Н. Радищев называл насильственные браки «изрядным опытом самовластья дворянского над крестьянами» и сокрушался: «Они же (крепостные), друг друга ненавидя, властью господина своего влекутся на казнь». М. В. Ломоносов дополнял его: «Где любви нет — ненадежно и плодородие»⁵⁶. Однако интересы «государственной пользы» заставляли законодателей думать о воспроизводстве населения.

Государственные указы 1722, 1758 и 1796 гг., регулировавшие брачную жизнь крепостных, меньше всего учитывали интересы вступающих в брак женщин. Все они определялись лишь рациональными соображениями. Помещики обязывались выдавать крепостных девушек замуж, чтобы не «засиживались в девках до 20 лет»⁵⁷. Детализируя и конкретизируя положения официального законодательства применительно к своим вотчинным правам, А. П. Волынский рассчитывал действовать методом поощрения («давать от двух до пяти рублей, дабы женихи таких девок лучше охотилися брать»), а князь М. М. Щербатов⁵⁸ и граф Н. П. Шереметев — напротив, более испытанным методом устрашения: крепостных девок, «коим минет 17 лет», «а замуж не пойдут» — «таковых всех высылать на жнитво и молотьбу казенного хлеба сверх тягловых работ отцов и братьев и высылкою на работы отнюдь никого не обходить...»⁵⁹. В имениях же князя А. Б. Куракина в 90-е гг. XVIII в. разрешено было штрафовать «девок», не вступивших в брак не к 20 (как предписывалось законом 1796 г.), а к 13—15 годам (из расчета 5 рублей в год)⁶⁰; с солдатской прямоотой решал брачный вопрос своих крепостных и граф А. В. Суворов, также понизивший брачный возраст «девок» до 15 лет, невзирая на жалобы крестьян на то, что таким способом «все будут женаты не по любви, а по неволе»⁶¹.

В конце XVIII в. крестьянские браки в пределах одной вотчины вполне могли быть заключены под влиянием личной склонности. Но любовь крепостного и девушки, принадлежавшей другому помещику, рождала, за редким исключением, одни трагедии⁶². Редкие владельцы крепостных душ (вроде П. А. Румянцева) позволяли крестьянским девушкам выходить замуж «по собственному произволению»⁶³. Большинство разрешало заключать браки только в пределах собственных вотчин⁶⁴. «Вдов и девок на вывод не давать под жестоким наказанием, понеже оттого крестьяня в нишету приходят, все свои пожитки выдают в приданные и тем богатыся чужие деревни», — мотивировал подобные действия помещиков В. Н. Татишев⁶⁵. К десятым годам XIX в. стремление выходить замуж (и жениться) в пределах своего села или ближайших деревень превратилось в стойкий обычай

(в то время как в допетровское время требование избегать близкородственных браков находило отражение в пожелании «искать невесту за семь деревень»⁶⁶). Информаторы РГО сообщали в середине XIX в., что «выдавать на сторону замуж девицу означало что-то неладное»: скрытые пороки жениха, его семьи или его родителей⁶⁷.

Тем не менее со временем тенденция согласования интересов родителей, родственников и близких с мнением самих вступающих в брак все-таки усилилась. Мелкопоместный дворянин Г. С. Винский в мемуарах, названных «Мое время» (середина XVIII в.), отмечал, что его родители заключили брак «по взаимной сердечной склонности», и видел в последней причину «прочного членоустройства, чистой крови и здоровых соков» их детей. Старшая современница Г. С. Винского графиня В. Н. Головина (урожденная Голицына) вспоминала, что ей «несколько раз делали предложение, но каждую партию» она «тотчас отвергала», пока ей не встретился ее избранник. Известная мемуаристка XVIII в. Н. Б. Долгорукова, хотя и следовала поначалу мнению родственников, нашедших для нее удачного жениха, в дальнейшем пошла наперекор их советам. «...Когда он был велик — так я с радостью за него шла, а когда он стал несчастлив, отказать ему? Я такому бессовестному совету согласиться не могла»⁶⁸. Однако стоит учесть последствия для девушки столь явного проявления самостоятельности: в решающий для ее судьбы момент — отъезд в Сибирь с опальным мужем — все ее родственники (кровные и по свойству) отвернулись от нее, никто не только не помог материально, но и не пришел проводить⁶⁹.

В «Дневнике» купеческой девушки начала XIX в. (точнее, в мемуарах, литературно стилизованных под дневник) можно отметить новый «шаг» в становлении женского права на самостоятельный выбор будущего спутника жизни. В нем содержится подробное изложение переписки («тайных цидулок»), «мечтаний о нем» и добрачных отношений с будущим супругом — абсолютно платонических, но свидетельствующих о глубине и остроте переживаний⁷⁰. В некоторых мемуарах дворянок и купеческих дочек можно найти описание «хитростей», к которым прибегали девушки,

чтобы избежать деспотической непреклонности родителей в вопросе о замужестве и тем самым обеспечить себе брак «по выбору сердца»: «Деспотизм в особенности был тяжел для ее дочерей; но они, однако, все вышли замуж по выбору сердца, а не по ее выбору. Каждая из них показывала вид, что не только холодна к избраннику своей души, но что если выйдет за него замуж, то сделает это только в угодность матери. Деспотизм всегда побуждает ко лжи и развращает людей, испытывающих его гнет...»⁷¹ С 10-х гг. XIX в., если судить по мемуарам, юные дворянки хотя и полагались в решении своей судьбы на волю родителей, тем не менее имели немало «веры в собственные силы и свою звезду на пути сердечного романа»⁷².

Конечно, во многих дворянских семьях, а тем более в купеческих (отличавшихся грубостью нравов) вопрос о замужестве и брачном партнере по-прежнему решался по старинке — родителями и родственниками будущей невесты: «Мы решили тебя выдать замуж, благо жених хороший сватается». — «Я не пойду замуж», — ответила я, стараясь быть спокойной. «Об этом тебя никто и спрашивать не станет. Возьмем да выдадим... Ну, нечего выть-то, Москва слезам не верит!..» Хотела сказать ему прямо в глаза, что насильно замуж выдают за него. Но не посмела, боюсь папеньки. Убьет...»⁷³ Иногда полагались на «совет людей искусных, а паче надежных родственников и свойственников»⁷⁴. Это отметил в своем дневнике и Ф. В. Берхгольц⁷⁵, и живший в конце XVIII — начале XIX в. мемуарист Е. Ф. Комаровский, который посватался в рекомендованные ему «дом и семью», был «обласкан» будущей тещей, но «дочери ея» вплоть до последних дней перед свадьбой «не видал». Его современник, купец И. А. Толченев, выбрал сыну невесту, позволив ему лишь трижды увидеться с нею до свадьбы, причем от первых «смотрин» до венчанья «по соизволенью и убеждению родителя» прошло чуть более недели. Трудно сказать, насколько близкими душевно могли стать отношения между потенциальными супругами, едва знавшими друг друга до свадьбы, однако определяющую роль играла в них традиция, обязывающая полюбить избранника или избранницу. «Любила я его очень, хотя я никакого знакомства прежде не

имела, нежели он мне женихом стал», — вспоминала о своем отношении к будущему мужу — «Иванушке» (Долгорукому) Н. Б. Шереметева.

Весьма характерно в этом смысле поведение первой невесты Г. Р. Державина — Екатерины Бастидоновой. До 34 лет поэт не был женат, хотя его окружало немало знатных и богатых невест, и лишь в 1743 г., пораженный красотой девушки (дочери португальца), решил посвататься к ней. Описывая тот день и себя самого (в третьем лице), Г. Р. Державин вспоминал: «Любовник жадными очами пожирал все приятности, его обворожившие, и осматривал комнату, прибор, одежду и весь быт хозяев». Сочтя недостаточным согласия матери Екатерины, он решил переговорить с самой девушкой, но добился от нее лишь признания, что вопрос об их совместном будущем целиком в руках ее «матушки» («от нея зависит») ⁷⁶.

Об определяющей роли родителей в решении вопроса о замужестве пишут и другие авторы мемуаров (в том числе более поздних). Вот что писала, скажем, А. Е. Лабзина: «Мать моя отговаривалась моей молодостью... Он дал поручение своей племяннице-девушке, чтоб она меня спросила, с удовольствием ли я бы пошла за него и не противен ли он мне... Лета мои (тогда были. — *Н. П.*) таковы, что об этом мне думать (было) нельзя. И в совершенные лета не позволила бы себе думать о замужестве... А мое сердце словно билось и тосковало, видя их тайные переговоры... И так дело было решено без меня... Мать лишь сказала: “Необходимость меня заставляет сие сделать (она была при смерти. — *Н. П.*). Будь же спокойна и знай, что без воли Божьей ничего не делается...”» ⁷⁷ Совершенно схожие воспоминания мы найдем и у таких мемуаристов, как М. В. Данилов ⁷⁸, А. П. Керн («...был Керн. Этот доблестный генерал был мне так противен, что я не могла говорить с ним. Имея виды на него, батюшка мой отказывал всем просившим моей руки и пришел в неописанный восторг, когда услышал, что герой ста сражений восхотел посвататься за меня и искал случая объясниться со мною... Когда нас свели и он меня спросил: “Не противен ли я вам?” — я отвечала *нет* и убежала, а он пошел к родителям и сделался женихом...») ⁷⁹, Н. В. Басаргин ⁸⁰, англичанка Марта Вильмот ⁸¹.

«Не сказав ни слова» будущей супруге, урожденной А. П. Буниной (во втором браке Елагиной — известной хозяйке литературного салона второй трети XIX в.), посватался в 1805 г. к родителям невесты В. И. Киреевский⁸². М. А. Дмитриев (1796—1866) в своих мемуарах отметил, что решение главы семьи, касающееся замужества и женитьбы, могло перевесить и доводы разума, и надежды на карьеру: достаточно было одного соображения отца, что дочь выдается «за хорошего человека и богатого дворянина», чтобы бракосочетание состоялось, и скорейшим образом⁸³.

Выбирая для дочерей спутников жизни, родители прежде всего полагались на собственный жизненный опыт: на человека без состояния они часто смотрели как на «бьющего баклуши», «пустого» и порой жестоко таким образом просчитывались. Именно так обстояло дело с неудачным сватовством к Грушеньке Яньковой графа Ф. П. Толстого, ставшего впоследствии и тайным советником, и вице-президентом Академии художеств, но поначалу, в молодости (ему было около 30), не произведшего впечатления на родственников девушки. Меж тем «Грушеньке он очень нравился», вспоминала позже мать⁸⁴.

Иногда матери препятствовали браку симпатизировавших друг другу молодых людей исключительно по причине сохранения традиции «очередности» выдачи замуж («могу ли я отдать меньшую, когда старшие две сестры не замужем?»). Таким образом, некоторые матушки могли «терзать» — по словам мемуаристки — молодых людей годами, не позволяя даже «проптать на мать или пугнуть ее»⁸⁵.

Аналогичный пример — в котором роль препятствия принадлежала уже старшей сестре — приводит в своих воспоминаниях С. В. Скалон. В крестьянском быту традиция выдавать замуж по старшинству трансформировалась в обычай одевать младших сестер хуже, чем старших, даже «не пускать по воду до выдачи старшей замуж». Традиция очередности выдачи замуж нашла косвенное отражение и в поговорках («Через сноп не молотят, через старшую молодку не дают»)⁸⁶, а также в сюжетах русских сказок, где младшая дочь (как и младший сын) представлены обычно (особенно в завязке сюжета) плохо одетыми, незаметными, непримечательными.

Несогласие в вопросе о замужестве с мнением родителей заставляло многих юных девушек совершать неожиданные и предосудительные — с точки зрения господствующих представлений о морали — поступки. Так, например, семейное предание семьи Державиных сохранило историю младшей сестры Д. А. Дьяковой (жены поэта) — Марьи Алексеевны Дьяковой, которую родители не хотели выдавать замуж за Н. А. Львова, впоследствии ставшего талантливым архитектором. Семейный биограф Державиных И. Хрушов писал впоследствии, что девушка «вышла к Николаю Александровичу (Львову. — *Н. П.*) тайком через окно, поехала за женихом, да и обвенчалась с ним, тайком же вернулась к родителям прямо из церкви и стала жить у них по-прежнему, до поры до времени не объясняя о случившемся браке...»⁸⁷. Аналогичную историю любви и тайного венчанья (из-за несогласия матерей жениха и невесты) князя А. Ф. Щербатова и княжны В. П. Оболенской (конец XVIII в.) рассказал П. А. Вяземский⁸⁸. О возможности непризнания подобного «тайного брака» офицера и юной барышни упомянула в своих мемуарах М. С. Муханова: «Офицер гвардии... подкупил старую няню, водившую девиц в церковь, и таким образом похитил одну из них. Новобрачных застали за столом после брака, который признан был незаконным и расторгнут...»⁸⁹ Однако примеров подобных браков «супротив воли» родителей и родственников все же было немало⁹⁰, хотя многие из них кончались весьма драматически для молодых неопытных девиц. Так, скажем, Е. П. Янькова привела в своих воспоминаниях случай «времен императора Павла» с одной юной девицей, склоненной молодым офицером к заключению тайного брака и побегу из родительского дома. После рождения ребенка офицер, оказавшись женатым и лишь инсценировавший тайное венчание, бросил девушку. «Не известно, помирилась ли она со своими родными», но — согласно ее прошению на имя императора — офицер-обманщик был разжалован и насильно пострижен в монахи⁹¹.

В начале XVIII в. была сделана попытка отойти от старой традиции низкого брачного возраста невест: Указ о единонаследии 1714 г. определял 17 лет как возрастной ценз

девушек при вступлении в брак⁹². Однако обычай выдавать замуж рано, в 12 лет, когда девочки были несамостоятельными и зависимыми не только от воли, но и от житейского опыта родителей, продолжал сохраняться, несмотря ни на какие указы. Церковные правила по-прежнему обязывали «сродичей» женить девочек и вообще детей без задержки, едва те «войдут в возраст»: «Всякому родителю подобает сына своего женить, егда скончается возрасту его 15 лет, а дочери 12 лет»⁹³. Таким образом, указ о повышении брачного возраста невест до 17 лет нарушал не только традицию, но и церковную (византийскую) норму права. Как и в XVII в.⁹⁴, в петровское время законодательные установления о брачном возрасте невест мало кем соблюдались.

В середине, а особенно в конце XVIII в.⁹⁵ несовпадение живучей традиции и законодательства стало особенно явным. Указ Синода 1774 г. вернулся к старой практике, понизив брачный возраст девушек до 13 лет⁹⁶. Судя по мемуарам, большинство дворян в начале XVIII в. выбирало себе 12–13-летних жен. Известный мемуарист Андрей Болотов сообщил, что он сватался к 12-летней невесте и сыграл свадьбу через год после сватовства. Князь Юрий Долгорукий женился на одиннадцатилетней девочке. Датский посол Юст Юль отметил в своих записках, что жене воеводы, у которого он гостил, не было и 12 лет⁹⁷. Аналогичное сообщение можно найти в письме секретаря английского посольства Л. Вейсброта⁹⁸. Сам Петр I объявил о совершеннолетиии своей дочери Елизаветы (будущей правительницы России), когда ей исполнилось 12 лет. В том же «нежном» возрасте, в 1772 г., вышла замуж за известного ученого А. М. Карамышева А. Е. Лабзина. «Сказывали мне, что матушкина мать княжна Мещерская была двенадцати лет, когда выходила замуж», — записал рассказ бабушки (Е. П. Яньковой) внук Д. Д. Благово в начале XIX в. Известная преподавательница Смольного института Лафрон была выдана замуж в 15 лет (событие состоялось приблизительно во второй половине XVIII в.). Тогда же на 15-летней девочке женился 26-летний дворянин Г. С. Винский⁹⁹. Их современница Е. Р. Дашкова писала, что «в 15 лет полюбила и вышла замуж», родив в том же возрасте первого ребенка, в 16 лет — второго, а в 22 уже

овдовев (мать Екатерины Романовны тоже, кстати, выходила замуж за князя Дашкова 15-летней)¹⁰⁰.

К началу XIX столетия брачный возраст девушек определялся законом в 16 лет, но это по-прежнему не всегда совпадало с брачной практикой. В этом смысле любопытно сообщение С. Т. Аксакова о том, что его дед, ужаснувшись несчастливому браку своей воспитанницы и опекаемой, выданной хитростью замуж за «проходимца» М. М. Куролева, «погрозил, что разведет Парашу с мужем по ее несовершеннолетию» (девушке было 14 лет). И лишь подложное метрическое свидетельство, показанное ему священником, в котором говорилось, что «Прасковье Ивановне семнадцатый год», «лишило его всякой надежды на расторжение ненавистного ему брака»¹⁰¹.

Тем не менее в начале XIX в. в дворянской среде обнаружилась тенденция к повышению брачного возраста. Родители Г. С. Винского обвенчались когда им было соответственно матери 16 лет, а отцу — 21 год. П. Г. Березина, по воспоминаниям ее дочери, вышла замуж в 19 лет (1793 г.). В. Н. Головина стала невестой в 20 лет (1786 г.), в том же возрасте была выдана замуж и сестра М. В. Данилова Анна. В начале XIX в. юные дворянки и вообще представительницы привилегированного сословия выходили замуж, как правило, в возрасте от 17 до 23 лет и старше¹⁰², хотя бывали исключения¹⁰³. Во всяком случае, при упоминании возраста незамужней девушки в мемуарах стало употребляться словосочетание «ей было уже 17 лет» — когда речь шла о возрасте совершеннолетия¹⁰⁴. Кстати сказать, мемуары купеческих девушек тоже позволяют отметить повышение брачного возраста в начале XIX столетия¹⁰⁵.

Девушки в крестьянских семьях XVIII — начала XIX в., как правило, выдавались замуж не позднее 18–20 лет. Любопытно, что именно в XIX в. была записана пословица «Мука — не тесто, пока не перемесится, девка — не невеста, пока не перебесится»¹⁰⁶, свидетельствующая о том, что одна из ранее существовавших причин ранних замужеств (стремление сохранить «девство») стала не столь определяющей. Разница в возрасте между невестами и их будущими супругами составляла, как правило, от одного до трех лет (старше обыч-

но оказывался мужчиной)¹⁰⁷. В то же время брачные партнеры дворянских и купеческих дочек могли быть пожилыми, а то и просто старыми (как то отразилось на известной картине В. В. Пукирева «Неравный брак», 1849 г.). Ф. В. Берхгольц еще в 20-е гг. XVIII в. упомянул о свадьбе пожившего и много повидавшего князя Ю. Ю. Трубецкого («имеющего внучат восьми и девяти лет») и 20-летней барышни. Один из «птенцов гнезда Петрова» — фельдмаршал Б. П. Шереметев женился на 25-летней вдове с двумя детьми — А. П. Нарышкиной (урожд. Салтыковой), когда ему исполнился 61 год, а его старшая дочь от первого брака была 40-летней матерью нескольких детей. О таком же несоответствии возрастов жениха (ему исполнился 51 год) и невесты (едва достигшей 17-летия) написала в своих записках и Н. Н. Мордвинова (правда, немолодой возраст супруга не помешал этой паре иметь 11 детей, из которых 8 дожили до совершеннолетия и создали собственные семьи). Знаменитый государственный деятель Екатерининской эпохи И. И. Бецкой «перед заходом солнца» (ему было 75 лет) всерьез увлекся юной выпускницей созданного по его же инициативе Смольного института — 18-летней Глашей Алымовой (Г. И. Ржевской), надеялся на брак с нею, а когда узнал, что она влюблена в А. А. Ржевского, просил «хотя бы на два года» отложить свадьбу, но жить в его доме. Примеры могут быть умножены¹⁰⁸.

Примечательно, однако, что — несмотря на распространенность браков пожилых мужчин с молоденькими барышнями — общественное мнение все-таки полагало их «неравными». «Серьезные» брачные намерения, а тем более любовные интриги между «юницами» и теми, кто «по возрасту годился в отцы не только» им, но и их «старшим сестрам», одинаково считались предосудительными («При неравенстве лет может ли быть взаимное чувств услаждение? — Скажите мне, мужья-старички, скажите по совести, стоите ли вы названия мужа? Вы можете только возжечь любовный огонь, но не в состоянии утушить его...»¹⁰⁹). Это отношение было общераспространенным, кроме исключительных случаев, когда болезнь или физический недостаток одного из супругов требовал заботы и содержания со стороны другого¹¹⁰. В то же время в законах XVIII в. был зафиксирован (на

основе Кормчей книги) и максимальный возраст для вступления в брак — 60 лет. Крестьяне считали «уместным» брак мужчин «не старше» 50 лет, женщин — 45¹¹¹.

Описанная тенденция — брачности пожилых мужчин и молодых, а порою даже юных женщин — сохранялась и позднее. Например, Д. А. Дьякова вышла в 1795 г. замуж за 52-летнего Г. Р. Державина, когда ей не исполнилось тридцати («соединение должно основываться более на дружбе и благопристойной жизни, нежели на нежном, страстном сопряжении, — полагал поэт и признавался, что он «совокупил судьбу не пламенную романтическую любовью, но благоразумием, уважением и крепким союзом дружбы»¹¹²). «Хорошенькая собой, с большими карими глазами и чудными густыми ресницами девица Кудрявцева», «едва вышедшая из пансиона» (следовательно, ей было не более 16–17 лет. — *Н. П.*), выйдя замуж за князя А. А. Трошинского, «казалась скорее дочерью его, чем женой», и «странно было видеть, как она прибежала — истинно как дитя — и спрашивала у него позволения идти гулять или надеть платье...». Спустя десятилетие 17-летняя А. П. Полторацкая была выдана отцом замуж за 52-летнего генерала Керна, который, по ее словам, был ей «так противен», что она «не могла даже говорить с ним»¹¹³.

Иначе сложились отношения в семье Ф. П. Львова — двоюродного брата архитектора Н. А. Львова: несмотря на то что юная жена была моложе вдовца с несколькими детьми на 22 года, она сумела заменить им мать. Аналогично: счастливый брак ожидал «немолодого, некрасивого и ничем не примечательного князя Щербатова» с Е. Нарышкиной — «замечательно красивой, кокетливой и весьма легкомысленной» девочкой-девушкой, бывшей моложе его более чем вдвое. В те же годы 18-летняя купеческая дочь Татьяна Полилова была выдана замуж за квартирмейстера Павловского полка Ф. И. Григорьева, которому шел 38-й год, и была счастлива в этом браке¹¹⁴.

Обратная ситуация — брачности немолодых женщин с молодыми мужчинами — практически не просматривается в дворянском сословии. Единственный пример несоответствия в возрасте подобного рода — замужество 34-летней

С. В. Капнист (причем замужество первое!) с 28-летним преподавателем Полтавского кадетского корпуса В. А. Скалоном. Любопытно, что — несмотря на подробное изложение мельчайших деталей в воспоминаниях С. В. Капнист-Скалон — она обошла вниманием и этот факт, и само описание позднего замужества, ограничившись лишь будничным: «устроилась и моя судьба»¹¹⁵. (Вероятно, вопрос о замужестве долго был мучительным для мемуаристки, ведь в то же время 20–22-летние дворянки считались уже перестарками, привередницами¹¹⁶, а в крестьянском быту их звали прокисшими невестами, однокосками, вековушами.)

Отношение к брачному возрасту в непривилегированных сословиях за рассматриваемое столетие также претерпело существенные изменения. Уже к 1711 г. (когда проводилась одна из переписей населения) ранние браки в деревне случались все реже. Крестьяне, выдавая дочек замуж, руководствовались больше хозяйственными мотивами, нежели эмоциями: управиться с тяжелыми полевыми работами, уходом за скотиной, многими домашними промыслами могли лишь те, кто был достаточно зрел и обладал физической силой¹¹⁷. Иной вопрос — о праве родственников или родителей (а тем более помещика) выдавать девушек замуж за кого угодно и в каком угодно возрасте. В 1761 г. М. В. Ломоносов с негодованием писал о том, что «в обычай вошло... малых ребят, к супружеской должности неспособных» женить «на девках взрослых, и часто жена по летам могла бы быть матерью своего мужа»¹¹⁸. Не случайно появление в фольклоре сюжета о жене, которая носила своего мужа в переднике, отбивала от уличных мальчишек¹¹⁹, а также присловий типа «Вот те, бабушка, наука, не ходи замуж по внука!» или «Не ходи сорок за двадцать!»¹²⁰. Подобные ситуации, типичные по мнению русских юристов XIX в.¹²¹, вызывали гневное возмущение А. Н. Радищева¹²².

Следствием возрастных несоответствий в крестьянских браках было распространение снохачества, описанного англичанином У. Коксом в 1778 г., в том числе в его «обратном варианте» (сожительстве тещ с зятьями), описанном С. Текели: «Во многих семьях отец женит своего 8- или 9-летнего сына на девушке гораздо старше его с целью иметь лишнюю

работницу; между тем сам сожительствует со своей снохой и нередко имеет от нея детей...»¹²³ Даже в середине XIX в. попытки снох жаловаться на старших мужиков в семье, заставлявших вступать с ними в интимные отношения, заканчивались в лучшем случае ничем, а в худшем — наказанием пострадавшей (якобы «за клевету»)¹²⁴. Сам крестьянский мир реагировал на снохачество равнодушно и просто: «Говорили: “сноху любит”»¹²⁵.

Что касается других условий замужества, помимо описанных выше, то они мало трансформировались за рассматриваемое столетие. Так, священники по-прежнему требовали подтверждения отсутствия кровного родства между женихом и невестой, ибо никто не отменял церковное правило, утвержденное «Уставом о брацах» в XV в.¹²⁶, о воспрещении браков между людьми, приходящимися друг другу свойственниками или родными (вплоть до шестого колена). Известны случаи, когда Синод категорически воспрещал браки между родственниками пятой (запрещенной) степени родства¹²⁷. Во всяком случае, он решительно настаивал на соблюдении епископами обязанности определять степени родства вступающих в брак, даже если «искусные люди» умело скрывали их. Лишь в 1752 г. вышел именной указ императрицы не допускать браков только в «действительно возбранных степенях родства» и наметилось стремление к ослаблению брачных запретов¹²⁸.

Мемуарная литература XVIII — начала XIX в. позволяет усомниться в действенности запрета близкородственных браков (а тем более внебрачных связей между двоюродными и троюродными «сродниками»!¹²⁹), равно как и браков между людьми, связанными свойством. Так, А. Е. Лабзина в первом браке была замужем за воспитанником («благоприобретенное родство»!) своего отца — А. М. Кармышевым, который в открытую, у нее на глазах, сожительствовал со своей племянницей; А. П. Керн вспоминала, описывая свое детство в первые годы XIX в. о браке писателя Ф. П. Львова с его кузиной («Какие нонче браки бывают... Известный нам всем Ф. П. Львов женился на своей двоюродной сестре Львовой, имея 10-х детей от первой жены...»). Известно дело, рассматриваемое в 1776 г. Синодом, о просьбе не расторгать

брак с двоюродной сестрой умершей жены, и это супружество было признано¹³⁰.

В некоторых источниках встречаются упоминания о том, что наличие родства становилось тяжелейшим нравственным препятствием при возникновении сердечных привязанностей. Впрочем, в случае обращения к митрополиту за разрешением близкородственного брака прошения такого рода — особенно от «уважаемых лиц» — чаще всего удовлетворялись. Так, в 1812 г. митрополит Филарет разрешил брак пожилого П. С. Протопова с его двоюродной племянницей, воспитывавшейся им в собственном доме («...избавите молодую пару от греха, а сего господина сохраните от самоубийства...»)¹³¹. В народе же в отношении девушек, приходящихся дальними родственницами женихам, действовало правило: «Четвертое колено — из ряду вон, к венцу вези смело!»¹³². Иронизируя над церковным запретом близкородственных браков, крестьяне сочинили немало поговорок, отражавших допустимость браков между людьми, связанными дальним родством¹³³. Однако близкие родственники, в том числе троюродные сестры-братья и люди, связанные духовным родством, обычно не «брачились»: «Аще кто со сродники плод сотворит — то чадо не здраво же будет»¹³⁴.

Как и в допетровское время, имелись ограничения на количество замужеств, и четвертый брак считался недействительным. Формально продолжало действовать правило о двухгодичной (в случае повторного брака) и трехгодичной (в случае замужества в третий раз) епитимье, но как часто она налагалась и насколько была строгой — сказать трудно. В исключительных случаях — вроде описанного М. М. Щербатовым¹³⁵ — на третий брак требовалось специальное разрешение, например, от высшей церковной власти или от императора. Не стоит, однако, думать, что подобных примеров почти не было.

Хроника рода Мариных сохранила историю Марфы Антипьевны Мариной, родившейся в конце XVII в., прожившей 130 лет и бывшей замужем четыре раза — «с разрешения митрополита». Упоминания о столь почтенном для женщины возрасте встречались и в других мемуарах. Например, Е. П. Янькова отметила, что «княгиня Наталья Пет-

ровна (Голицына. — *Н. П.*)... умерла почти ста лет от роду. Родившись в царствование Елизаветы Петровны, она видела царский двор при пяти императрицах и будучи старожилкою, немудрено, что считала всех молодежью...»¹³⁶. В письмах Марты Вильмот из России рассказывается о посещении ею старухи — «матери священника, которой 120 лет». «Если не считать зрения, — удивлялась англичанка, — она вполне здорова, сохранила и память и связную речь...»¹³⁷

В фольклоре сохранилось присловье «Да она уже третьего мужа донашивает», свидетельствующее о том, что замужества по третьему разу бывали не только в «образованном сословии», где дворянки могли испросить письменного разрешения церковных властей¹³⁸. Чаше, впрочем, можно встретить известия не о втором, третьем и т. д. замужествах, а о женитьбе во второй или в третий раз. Например, Ф. П. Печерин, оставивший воспоминания, охватывающие более полувека, упоминает не раз о вторых и третьих браках родственников, и каждый раз о женитьбах мужчин¹³⁹.

Ограничение количества женитьб и замужеств, рожденное православной концепцией, полагавшей каждый новый брак уступкой человеческой «слабости» (неспособности оставаться верным памяти первого мужа или жены), вступало в противоречие с естественным ходом вещей. Решившиеся на заключение повторного брака часто делали это тайно, причиняя «несносное огорчение и несогласие между семействами». Поэтому глубоко верующий и искренне любивший свою первую жену Г. Р. Державин, женившийся повторно через полгода после смерти своей «Плениры», счел должным объяснить свой поступок — по словам М. А. Дмитриева — следующим: «...не могли быть спокойным о домашних недостатках и по службе неприятностях, чтоб от скуки не уклониться в какой разврат». Весьма часто необходимость вторичного замужества мотивировалась невозможностью прокормить детей от первого брака или конфликтами с родственниками умершего мужа¹⁴⁰.

Новый брак, новое замужество считались предпочтительнее внебрачных связей — и уже не только духовными идеологами, но и самим русским обществом. Однако примечательно, что русское образованное общество признало

одновременно и ценностность «неискусобрачия». Именно такой термин был выбран Г. С. Винским для определения причин «истинного благородства и счастья» детей, рожденных в супружеских союзах «молодых, здоровых родителей» («Дети порочной любви редко бывают добрыми существами», — резонерствовал он ниже)¹⁴¹.

Как свидетельствуют документы Духовной консистории Синода, в течение XVIII — начале XIX в. по-прежнему строго соблюдалось правило, по которому нельзя было вступать в брак «от живого супруга» (то есть, скрывшись от одного, венчаться с другим). Духовный регламент 1721 г. предписывал «без утайки» доносить о всех «сомнительных» браках в «духовный коллегиум». Если обвенчанные скрывали, что один из них уже женат, то брак — как и в случае заключения его в четвертый раз — считался недействительным. Большое число документов, рассказывающих о таких личных драмах, говорит об их распространенности¹⁴².

Не менее строго, чем в допетровское время, соблюдался в России XVIII — начала XIX в. и сословный характер брака. После введения в действие Табели о рангах (1722 г.) социальный статус женщины стал определяться чином ее отца (если она была не замужем) или мужа. Поэтому в документах XVIII — начала XIX в. появились слова «полковница», «бригадирша», «статская советница», «тайная советница». Женщины, находящиеся в придворной службе (число их было очень незначительно), стали обладательницами придворных званий (рангов) и даже получили возможность надеяться на «служебный» рост, вплоть до высшего женского придворного чина — обер-гофмейстерины, бывшей в ранге фельд-маршала¹⁴³.

Несмотря на то что сам Петр I женился на неразведенной жене шведского солдата, да еще с сомнительным прошлым¹⁴⁴, все его указы 1702–1723 гг. ставили целью привязать подданных к своим сословиям¹⁴⁵. Требование ненарушения сословных границ одновременно обеспечивало поддержание традиции имущественного равенства будущих супругов. Одной принадлежности обоим потенциальных брачных партнеров к «аристократическим фамилиям» было, как правило, недостаточно, так как и их родители, и они сами мечтали «устро-

ить дела так, чтобы нужда не отравила обоюдного счастья». Поэтому избранник юной дворянки, как правило, принадлежал к тому же социальному слою, что и она сама, и был обеспечен примерно так же, как и ее родня (юношам рекомендовалось искать «себе равных или паче низше себя»). «...Неравные браки не были... часты, — вспоминала о конце XVIII в. Е. П. Янькова, — каждый жил в своем кругу, имел общение с людьми равными себе по рождению и по воспитанию и не братался со встречным и с поперечным...»¹⁴⁶

Муж, как и в допетровские времена, «сообщал» жене свое состояние: лишь в 1815 г. был отменен порядок, по которому свободная женщина, вышедшая замуж за крепостного, не утрачивала свою свободу и сохраняла свой социальный статус¹⁴⁷. Неравные браки приобретали законную силу лишь в исключительных случаях¹⁴⁸. Современники Петра разделяли точку зрения государя на принципиальную недопустимость браков «подлых» людей с «благородными», да и в отношении людей своего же социального слоя рассуждали с известной осторожностью: «Не ищи честнее (знатнее. — *Н. П.*) себя, наипаче же богатой беги»¹⁴⁹.

«Несовпадение» сословного статуса потенциальных жениха и невесты приводило, как правило, к тому, что «кратковременные любовные шашни на том и кончались» (Г. Р. Державин). Женщина низкого происхождения, резонерствовал М. В. Данилов, «которая в любовницах хотя кажется и приятна, в женах быть не годится за низостью своего рода». Тем не менее по закону жена-недворянка, выйдя замуж за дворянина, могла в принципе дворянкой стать¹⁵⁰. Не известно, правда, насколько частыми были браки, подобные браку графа Шереметьева со своей крепостной актрисой Прасковьей Ковалевой-Жемчуговой. Портрет ее кисти И. П. Аргунова запечатлел измученное лицо крестьянки, ставшей графиней, носящей наследника шереметевских миллионов и тем не менее несчастной¹⁵¹.

Обратная ситуация была редка в еще большей степени. Дворянин, «будучи небольшого чина и небогат», не мог рассчитывать на брак с обладательницей большого состояния, а если она к тому же была красавицей — и подавно. Тем более не могла ничем кончиться любовная связь дворян-

ки и простолюдина. Выйдя за него замуж, дворянка должна была потерять свой высокий социальный статус. Екатерина II отменила это правило: дворянка в любом случае могла сохранить за собой свое дворянское происхождение, но не могла «передать» его ни мужу, ни ребенку, который не мог наследовать матери в недвижимости¹⁵² (рожденный от крепостного, он оставался крепостным¹⁵³). Исключения случались, но крайне редко¹⁵⁴. Напротив, бастарды, рожденные от отца-дворянина и матери-простолюдинки, могли получить в жизни многое — от имущественных пожалований до дворянского титула¹⁵⁵.

Разумеется, жизнь постоянно рождала личные драмы, связанные с различием социального, сословного и имущественного статуса. Так, А. Т. Болотов, влюбившись без памяти в бесприданницу, благоразумно отказался от брака с ней, «делая себе превеличайшее насилие и со слезами почти на глазах выгоняя из головы лестные и приятные воспоминания». Аналогичное душевное переживание было знакомо и поэту Антиоху Кантемиру. Избранница его сердца, в отличие от случая с А. Т. Болотовым, княжна Варвара Черкасская была сказочно богата, и мать девушки «ждала кого-нибудь из сынов Юпитера», иронизировал Кантемир, «чтобы выбрать себе зятя, достойного ее чрезмерного тщеславия»¹⁵⁶. (Старания матери, к слову сказать, увенчались-таки успехом!¹⁵⁷)

Обедневшие дворяне, принадлежавшие к «старым» фамилиям, вынуждены были искать себе невест «с хорошим состоянием» и одновременно с «большим родством». Сплошь и рядом удачная женитьба на девушке со связями обещала успешную карьеру¹⁵⁸. Карьера А. П. Волынского — не слишком высокородного по происхождению, но весьма дальновидного и ловкого (судя по взлету по службе) — была обусловлена браком с двоюродной сестрой Петра I — Александрой Львовной Нарышкиной. Но это же родство сослужило ему и плохую службу: не только он сам погиб в конце концов мучительной смертью за попытку политического переворота, но и его детей — двух дочерей и сына — как лиц, «которые могли бы занять русский императорский престол», сослали в вечную ссылку... М. В. Данилов — незаурядная личность, артиллерийский офицер, не лишенный литературного дара

и немало рассуждавший о «счастьи», — к своему браку побрел тореным путем. Трезво подсчитав доходы предполагаемой невесты, он отметил, что она ему «понравилась... заочно, потому что богата» и принадлежит к его «кругу»¹⁵⁹ (ср.: «Более приданое, нежели человека ищут, несмотря на пословицу: приданое на грядке, а урод на руках»¹⁶⁰). Примерно так же рассуждали и родители дочерей, подыскивая им женихов, «по рождению и состоянию удовлетворявших их честолюбию». Мемуарная литература XVIII в. позволяет утверждать, что в основе традиции сословного равенства в браке лежал принцип «немалой пользы» социального и материального «баланса» двух породнившихся фамилий, облегчавший адаптацию невесты в новой семье. В противном же случае отношение к невесте и ее родственникам «из подлых» было в лучшем случае пренебрежительным («родственники за подлость неприятны и зазрение или поношение приносят»¹⁶¹).

Брак дворянина-аристократа с представительницей купеческого сословия, хотя и бы очень богатой, почитался мезальянсом. В 1742 г. был издан даже специальный указ, запрещающий «женам купеческим», «похотевшим» замуж «за иных чинов людей», законно венчаться с ними. Е. Р. Дашкова «чуть не упала в обморок», когда получила известие о том, что сын женился — не спросясь ее совета! — на некой А. С. Алферовой, «не отличавшейся ни красотой, ни умом, ни воспитанием». Избранница сына президента двух Российских академий, родовитой княгини, была дочерью купца, вышедшего из приказчиков. Брак Алферовой и Дашкова состоялся «на одной из отрядных стоянок» (М. И. Дашков служил), о чем, к сожалению княгини, «знал весь Петербург». Правда, мемуаристка признавалась, что ее пытались успокоить «на сей предмет» многие влиятельные знакомые, в том числе граф П. А. Румянцев-Задунайский, «который толковал о предрассудках, касающихся происхождения, о непрочности богатства, о его недостаточности для счастья...»¹⁶². В 1804 г. заезжая англичанка резюмировала: «Как и во Франции перед революцией, дворяне ломают все кастовые барьеры и женятся на купеческих дочерях...»¹⁶³

Значимость и важность для дворянского брака не только богатства (богатыми могли быть и купцы), но и «родо-

витости», знатности, семейной поддержки в случае брака с «ровней» (по социальному статусу) с резковатой прямоотой выразила образованнейшая женщина своего времени княгиня Мария Кантемир — духовная наставница своего младшего брата Матвея и сестра поэта Антиоха Кантемира. Она практически советовала воспитаннику жениться на женщине «пожилой и даже бедной», но со связями, чтобы «всегда иметь покровителя». Именно так удалось жениться Г. Р. Державину: первый брак с Е. Бастидоновой, которую он звал Миленой, не принес ему богатого приданого, но зато обеспечил влиятельными знакомыми через тещу — кормилицу наследника престола Павла Петровича. Дед С. Т. Аксакова женился на «небogatой девице», но «из старинного дворянского рода», так как «ставил свое семисотлетнее дворянство выше всякого богатства и чинов»¹⁶⁴. Однако о том, что думали женщины, дававшие согласие на замужество (или, точнее, которых выдавали замуж) с учетом информации о знатности претендентов, — судить трудно: в «женских» мемуарах это почти не отразилось.

Крестьянские девушки также, как правило, выдавались замуж за женихов из семей, равных по достатку и статусу. На бедных женились от безысходности, понимая, что соседи этому не позавидуют («Из холопства взять — будут пересмежать»), но и мезальянс с богатой невестой таил в себе опасность будущих несогласий («Знатную взять — не сумеет к работе пристать», «Богатую взять — будет попрекать»)¹⁶⁵. Требование замужества на «ровне» отразилось во множестве поговорок, пословиц и присловий, сводимых к меткому наблюдению «Равныя обычаи — крепкая любовь»¹⁶⁶.

В то же время в числе условий заключения брака появилось в XVIII столетии немало нового. Это «новое» во многом перечеркивало старания священнослужителей представлять сочетание супружескими узами как божественный промысел, да и само таинство венчания при соблюдении разных и весьма многочисленных требований приобретало характер фарса. Не случайно многие указы императора-реформатора вызывали протесты у церковников (а с 30-х гг. были частично отменены).

С 10-х гг. XVIII в. каждый вступающий в брак — и мужского полу, и женского — по закону обязан был получить

мало-мальское образование: «Нельзя желать быть родителями детей и в ту же пору не знать, в чем их следует наставлять». Отсюда возникло требование знания обязательного «церковного минимума» для прихожан и прихожанок: главных молитв («Верую во единого», «Отче наш», «Богородице дево») и десяти заповедей¹⁶⁷. По указу 1722 г. запрещалось выдавать девушек замуж «за дураков — то бишь тех, кто ни в науку, ни на службу не годится». Кроме того, специальным добавлением к указу Петр предписал: тех неграмотных дворянок, которые не могут подписать своей фамилии, «замуж итит не допускать»¹⁶⁸.

Соображениями государственной пользы, которыми руководствовался Петр, обуславливая брак образовательным «цензом», объяснялись и новшества, связанные с единством вероисповедания, точнее — его отсутствием. Если в X—XVI вв. церковь препятствовала заключению браков православных с иноверцами¹⁶⁹, то в первой четверти XVIII в. смешанные в этническом и конфессиональном отношении браки были объявлены не только «дозволенными», но и «похвальными», так как они «клонются ко благу государства». В то же время в своих воспоминаниях С. В. Скалон отметила, что брак ее отца-малоросса с А. А. Дьяковой (дочерью обер-прокурора Сената) не был принят на родине отца; мать мемуаристки все, в том числе свекровь, долго презрительно называли «московкой»¹⁷⁰.

Священники по-прежнему настаивали на едином вероисповедании вступающих в брак, но если конфессии были различными (прецедент был создан браком царевича Алексея с немецкой принцессой Шарлоттой, отказавшейся перейти в православие¹⁷¹) — требовали лишь обязательного крещения в православие будущих детей¹⁷² (указ 1721 г. подкрепил это требование, объявив, что «брак лица верного с неверным правильный и законный есть»¹⁷³). Поначалу власти стали разрешать браки с «еретиками» дворянам, а со временем и людям низкого происхождения¹⁷⁴. Материалы Петербургской духовной консистории свидетельствуют, однако, что в этнически и конфессионально смешанных браках преобладали браки русских с иноверками¹⁷⁵; обратные ситуации — браки русских женщин с представителями других конфес-

сий — случались (по крайней мере, поначалу) значительно реже¹⁷⁶. Так, скажем, В. Н. Татишев, осуществлявший надзор за Уральскими горными заводами, писал, что у многих поселившихся там и работавших на заводах шведов «жен поотняли: своя веры жены достать тамо не может, а русской не дают...». В ответ на запрос В. Н. Татишева пришло распоряжение с дозволением шведам «жениться на русских девах и вдовах без пременения веры» и с условием не принуждать жен перекрещиваться в конфессию супруга. Однако на рубеже XVIII и XIX вв. мемуары все чаще фиксируют такие супружеские союзы¹⁷⁷.

Ход свадебной церемонии почти не отразился в мемуарах XVIII — начала XIX в. В воспоминаниях мужчин сам факт бракосочетания упоминался, как правило, вскользь. В «своеручных записках» женщин обручения и свадьбы иногда описаны сравнительно подробно, однако подробности эти касаются не столько хода церемонии, сколько круга приглашенных и подарков¹⁷⁸. Тем не менее даже весьма скупые описания свадебных обычаев и ритуалов в мемуарах русских дворянок XVIII — начала XIX столетия позволяют отметить некоторые изменения.

Так, в свадебном обряде всех сословий усилилась роль его церковной части. Выше уже говорилось, что указом 1702 г. законодатель провозгласил обряд обручения в храме актом религиозной значимости. Кроме того, по распоряжению Синода в течение нескольких десятилетий запрещалось венчать девушек без так называемых «венечных памятей», где указывались все их «анкетные данные». Суммы денег, собираемые за составление «венечных памятей», шли в доход государства, а именно — на содержание госпиталей для солдат и богаделен для незаконнорожденных младенцев¹⁷⁹. В 1765 г. Екатерина II отменила практику «венечных соборов», справедливо полагая, что она усложняет процедуру вступления в брак¹⁸⁰. В то же время с большей строгостью, нежели в допетровское время, стали следить за фиксацией фактов венчания в «книгах о супружестве» — метрических церковных книгах¹⁸¹.

Весьма требовательно следили и за проведением процедуры оглашения намерения вступить в брак¹⁸². Венчать ново-

брачных позволялось только в церкви¹⁸³, причем в определенные дни это делать запрещалось¹⁸⁴. Тайные венчания церковный закон осуждал, требуя это делать «при множайших людях». Тем самым предвосхищалась возможность выдачи замуж женщины, уже состоящей в браке или имеющей кровное родство с женихом, и одновременно пресекались разные уловки и «хитрости».

Если в домосковское и раннемосковское время свадьба четко делилась на веселие и почти не связанные с ним церковные ритуалы, то в XVIII в., а тем более в начале XIX, венчание стало не просто органичной, но центральной частью свадьбы. Ни одно из воспоминаний русской дворянки не обошлось без упоминания о венчании; описания же каких-либо обрядовых действий (предсвадебной бани, обряда чесания волос, игровых действий, песен — всего того, без чего не обходилась свадьба крестьянская) не встречаются¹⁸⁵. По всей вероятности, на ход свадебной церемонии в привилегированных сословиях большое влияние оказала привнесенная европейская традиция подобных торжеств.

Сопоставляя свадебные обычаи России и своей родины, англичанка Марта Вильмот отметила как типично русский «обычай готовить *le dot* (приданое. — *Н. П.*) почти с рождения девочки», а также обязательный перечень необходимых для молодой семьи предметов, которые в него входили: «столовое белье, простыни, столовое серебро (речь о дворянских семьях. — *Н. П.*), большое количество платья, постель», которые «укладываются в тюки». Немало поразил англичанку и обычай благословения приданого священником, который должен был «окропить собранные вещи водой». В тех же письмах М. Вильмот 1803—1804 гг. упоминается свадебный обычай взаимного одаривания подарками «примерно одного достоинства» родственников двух породняющихся семей¹⁸⁶.

«Чин венчания» — то есть необходимые молитвы при наложении венков в церкви — был в средневековой Руси очень длинным. Новобрачные и гости уставали стоять перед алтарем. В 1703 г. на венчании боярина И. Ф. Головина вечно спешивший царь Петр I приказал не дочитывать текст чина до конца¹⁸⁷. Царю не терпелось погулять на свадебном пиру¹⁸⁸. С тех пор практика расширения «веселья» за

счет сокращения обрядов церковного венчания стала быстро приживаться, а в 1724 г. Синод уже законодательным путем сократил некоторые ритуалы и текст молитв. Свадебный пир, «веселье» оставались обязательными элементами русской свадьбы и в зажиточных слоях, и в беднейших. Но упоминания о свадебном обеде («пирушке свадебной»¹⁸⁹) в мемуарах представительниц привилегированного сословия крайне редки. По всей вероятности, свадебное угощение (пользуясь лексикой княгини Н. Б. Долгоруковой — «свадебные конфеты») представлялось само собой разумеющейся частью праздника бракосочетания и, за исключением фиксаций примеров особо роскошных яств, редко описывалось образованными мемуаристками.

Православные ритуалы в XVIII столетии были неотъемлемой частью и народных, и дворянских свадеб. Благословение невесты иконой, крестом, появление в свадебном веселии обрядов, связанных с «освященным воском» (от свечи, которую невеста держала в церкви), — говорило о постепенном слиянии народных традиций с религиозными. При этом «слиянии» ритуалы, унижавшие женщину и идущие от христианской женофобии, так и не стали «обычными» и мало закрепились в обрядовой части свадьбы. В частности, обычай выставления сорочки новобрачной после первой брачной ночи Петр I запретил как «жестокий», а за следование ему приказал «наказывать и знатных»¹⁹⁰.

Ф. В. Берхгольц, будто в подтверждение известной поговорки того времени «Свадьба без пороку не бывает», пораженный одной из брачных церемоний, связанных с супружеским ложем, весьма подробно описал все ее ритуалы. Он обратил внимание на обилие символического хмеля и вина в подклете, упомянув об обычае пить на брачном ложе «водку из сосудов, имевших форму *partium genitalium* (для мужа — женского, для жены — мужского)», а также наличие «дыр» в стенах брачной подклети, «в которые можно было видеть, что делали молодые в своем опьянении». О традиции выставления свидетельств девственности новобрачной он не упомянул вовсе. Это не значило, однако, что ценность добрачной девственности в рассматриваемое время резко снизилась. Разумеется, при заключении брака предполага-

лось, что девушка вступает в него невинной, и Берхгольц присутствовал как раз на такой дворянской свадьбе. Но уже в конце XVIII в. нарочитое подчеркивание «сохранения девственности», по крайней мере в дворянских кругах, выглядело несколько комичным¹⁹¹.

В крестьянской среде на девственность новобрачной смотрели под особым углом зрения. Крепостные девушки-невесты часто становились объектами «зверских намерений молодых чудовищ» (А. Н. Радищев) — своих господ, пользовавшихся правом первой брачной ночи. Поскольку сами крестьянки чуть не привыкли к тому, что они лишь «твари, созданные на их (господ) угождение», постольку и в глазах деревенского мира подобное не считалось «обесчещением». Однако тот же А. Н. Радищев пишет, что одна крестьянка не взяла у него денег на свадьбу дочери, потому как «лихие люди мало ли что подумают», и это доказывает высокую ценность доброго имени девушки в деревне¹⁹².

Общие строгие правила и ценность девственности вполне уживались в крестьянском быту со сравнительной пространственностью добрачных интимных связей: «Потеря девственности не считается преступлением, об этом отзываются прервнодушно. Честных девушек из десяти одна или две...»¹⁹³ Подчас к ним толкала боязнь бесплодного брака, и, например, в западносибирском регионе такое добрачное сожительство жениха и невесты не осуждалось деревенским миром¹⁹⁴. Целомудрие, нравственная чистота — по словам одних информаторов РГО — «ставились выше (красоты) физической», а «губитель девичей красоты» (невинности) по неписанным нормам считался преступником и обязан был жениться на растленной¹⁹⁵ (поскольку действительное бесчестье грозило девушке не в случае утери девственности, а в случае, если ее после этого не брали замуж). Другие информаторы сообщали, что на утерю девственности смотрели как на простительное прегрешение, над которым, правда, подтрунивали: «Никто не бывал — а у девки дитя!» Сохранились данные (в том числе в фольклоре¹⁹⁶) и о бытовании ритуала обнародования девственности новобрачной, но «запятнанной» отсутствием целомудрия (если таковое открывалось) невеста себя не чувствовала¹⁹⁷.

Крестьянский быт XVIII — начала XIX в. в отношении свадебных обычаев вообще оставался, как известно, хранителем всего традиционного. В дворянском же быту из старых ритуалов особой «живучестью» отличались так называемые ритуалы «второго дня» (свадьбы). Одним из них, служившим обеспечению крепости семейно-родственных связей и взаимоуважению представителей разных поколений (в том числе многочисленных родственников!), оставался обычай объезжать родных на второй или третий день после церемонии, одаривать их подарками. О соблюдении его упомянула, в частности, Наталья Долгорукова, чье грустное бракосочетание (в связи с неожиданной опалой мужа) во многом отличалось от традиционного¹⁹⁸.

Таким образом, условия заключения брака, столетиями формировавшиеся русской православной церковью — главным регулятором всех дел, касающихся семейных отношений, — хотя и претерпели определенные изменения, оставались в XVIII — начале XIX в. для девушек и женщин различных сословий в целом прежними.

Таинство венчания все так же знаменовало для женщины создание освященного церковью пожизненного семейного союза. С правовой точки зрения он должен был держаться на «трех китах», трех принципах супружества: единой фамилии, общего местожительства и одного социального статуса.

Принцип единой семейной фамилии, по которому женщина, вступая в брак, брала фамилию мужа, веками не подвергался сомнению. В 1714 г. была сделана попытка отойти от него (было введено правило, по которому наследница недвижимости могла вступить в свои права лишь в случае, если ее муж взял бы ее родовую фамилию), но новшество просуществовало лишь семнадцать лет¹⁹⁹. Таким образом, петровские попытки отойти от старой патриархальной традиции потерпели поражение.

Общее правило-требование «о недопускании брачившихся жить порознь после бракосочетания» действовало как норма. Однако в эпоху петровского реформаторства было издано распоряжение, по которому мужу позволялось не следовать за женой в случае совершения ею преступления и избрания ссылки мерой пресечения. Следом вышло

аналогичное постановление, касавшееся женщин, которым разрешено было не отправляться в ссылку, а «работою кормиться на прежних жилищах своих». Однако англичанка Рондо, побывавшая в России в середине XVIII в., отметила, что «когда глава семейства впадает в немилость, то все семейство подвергается преследованию», хотя ее лично и удивляла «ссылка женщин и детей»²⁰⁰. Контроль за соблюдением принципа общего местожительства был возложен на Синод. Правда, и в мемуарной литературе, и в документальных источниках XVIII — начала XIX в. можно найти примеры раздельного проживания формально не разведенных супругов, но нормой это не было. Типичным было проживание молодой семьи по месту жительства мужа или мужа и его родственников. Проживание же молодой семьи по месту жительства родственников жены в глазах деревенского мира выглядело предосудительно. Самой мягкой кличкой для такого зятя была примак, а обычно их именовали влазнями («влазень в доме не настоящий хозяин, а пришлый, жена его считается полной хозяйкой»²⁰¹).

Наконец, и третий принцип супружества — единый социальный статус супругов — соблюдался, как уже говорилось, в рассматриваемое время далеко не всегда. Со времен Екатерины II число примеров его нарушения заметно возросло.

Как бы то ни было, обычно супруги после венчания — если не считать некоторых отступлений — носили единую фамилию (мужа), жили вместе и имели единый сословный статус. Их отношения в браке во многом определялись нравственной атмосферой общества. Не только законодательно закрепленные права мужа и жены, но и обычаи оказывали влияние на супружескую жизнь. Кроме того, немалое влияние на российский семейный быт XVIII — начала XIX в. оказало складывание нового взгляда на человека как творческую, деятельную натуру, активно утверждающую себя в жизни, способную понять красоту земных чувств и мира в целом²⁰².

Глава II «Дрожайшее сокровище мое!»

Любовь в браке и вне его

Реконструировать мир чувств человека XVIII — начала XIX в., а тем более — женщины, не так легко, как кажется на первый взгляд.

С одной стороны, это время действительно было во всей Европе «золотым веком частной жизни, веком приоритета индивидуальности»²⁰³. С другой — это утверждение верно в большей степени в отношении мира мужчин. И это при том, что именно в XVIII в. в России появились первые «женские» дневники и мемуары, отразившие и особенности женского видения мира, и женский повседневный быт, и его оценку глазами представительниц образованной части общества. Правда, сами женщины, оценивая впоследствии пройден-

ный ими жизненный путь и свои переживания, полагали, что «в те времена кратче разыгрывались роли на жизненной сцене. Не требовалось на то ни остроумия, ни измышлений или же каких анализов тех или других чувств...»²⁰⁴.

Тем не менее формирование женского мира, начавшееся в конце XVII в., пошло в XVIII столетии быстрыми темпами. И главное — началось осознание его целостности, самостоятельности и отличия от мира «мужского». В этом немалую роль сыграла литература, взявшая на себя — как и искусство в целом²⁰⁵ — роль практического руководителя в обучении «науке жизни».

В первой половине века, примерно до 60–70-х гг. XVIII в., большее значение в формировании отношения к женщине в обществе в целом и отношения самих женщин к себе и окружающим имела литература официальная: церковно-дидактическая и светская (можно сказать — государственная). Художественная же литература, лишённая поучающей функции, допускалась лишь как «безвредная забава». Со второй же половины XVIII в. художественная литература, независимая от прямых поучений церкви и государства, стала рупором новых идей. Противопоставив религиозно-символическому мышлению Средневековья безусловный материализм мироощущения²⁰⁶, любовная лирика (бывшая всего полстолетия назад чуть ли не под запретом — достаточно вспомнить положение придворного «пиита» Симеона Полоцкого) показала абсурдность порицания любви к женщине как греховного чувства. Благодаря новым литературным приемам и сюжетам в изобразительном искусстве в общественных умонастроениях появились новые, знакомые прежде понятия сильных и возвышенных чувств, возбуждаемых женщиной, страстей отнюдь не платонических, рыцарского отношения к «прекрасному полу». Стремительное развитие портретной живописи в XVIII в. способствовало эволюции «языка чувств», открыв изумленному взору современников изменчивую жизнь человеческого сердца, приучая к любезности и «учтивству» обхождения с женщиной и в то же время насаждая этикетные правила, непреступаемость норм благопристойности при изъявлении душевных движений, — правил, приобшавших образованных

и «культурных» столичных дворян к утонченной культуре европейского салона²⁰⁷.

Интимная привязанность к женщине, интимный индивидуальный выбор («дрожь пробежала по жилам моим...») стали все чаще изображаться в литературе и становиться действительной причиной желания вступить в брак и основой его впоследствии. «Какое побуждение было нашей любви? — риторически рассуждал «один крестецкий дворянин» (описание судьбы которого оставил А. Н. Радищев), отвечая сам себе: — Взаимное услаждение, услаждение плоти и духа»²⁰⁸.

Женщины под пером безымянных авторов русских повестей XVIII в. стали изображаться не только и не столько как порочные соблазнительницы, но как объект поклонения, а к концу столетия и в начале XIX в. — и вовсе как выразительницы положительных идеалов (в то время как мужчина воплощал социально типичные недостатки). Начиная с петровского времени женские литературные образы становились все объемнее и глубже. Все чаще женщины рисовались побуждающими своих избранников — Василия Кариотского, купца Иоанна, «кавалера Александра» и других — забыть обо всем, кроме «сладкой тирании любви» (В. К. Тредиаковский), переживать ее как «жестокую горячку», говорить с возлюбленными, «встав на коленки». Оговоримся: чувства героев русских повестей — дворян, матросов, купцов и т. д. — были обращены тогда только к иноземкам: в повестях не было ни одной истинно русской героини²⁰⁹. В. К. Тредиаковский, комментируя замысел написанного им сочинения «Езда в остров любви», отметил, что «отроки» находят «чувствительность и страсть», открывая «их для себя в прекрасной книге, которую составляют русские красавицы, каких очень мало в других местах»²¹⁰.

И действительно, многие дворяне, оставившие воспоминания, отметили в них, что обратили внимание на своих будущих спутниц жизни потому, что те были «милы», «хороши собой», «хорошенькие», «прелестной наружности»²¹¹, а многие дворянки отмечали, что их семейная жизнь была освещена светом особой любви к ним их мужей²¹². Переписка императора Петра I с государыней Екатериной Алексе-

евной дышит нежностью и далека от этикетных условностей. Достаточно красноречивы уже сами обращения Петра к жене: «Катеринушка!», «Друг мой!», «Друг мой сердешненькой!» и даже «Лапушка»²¹³. «Зело желаю вас видеть здесь, — признавался государь, “отписывая” супруге письмом из Амстердама. — Без вас скушнохонка, сама знаешь...»²¹⁴ Новые воззрения на чувственную сторону любовных переживаний породили и новое отношение к материальному быту, обеспечивающему интимность и удобство²¹⁵.

Вспоминая о своей влюбленности в будущую жену и первых годах совместной жизни, С. Г. Винский писал, имея в виду события середины века: «Я желал бы с нею быть, хотя непрестанно, ласкать и быть ласкаемому, делать ей все угодное, особенно удовлетворять ее нужды или прихоти...»²¹⁶ Подобное признание (о готовности во имя любви исполнять «прихоти» избранницы, и не любовницы — жены) немислимо найти в литературе или частной переписке XVII в.

Между тем в конце XVIII, а тем более в начале XIX в. подобное отношение к жене, которую муж «любил безумно», «обожал», «баловал, сколько мог», «любил страстно», перестало быть исключительным: все эти глаголы взяты из мемуаров людей, живших в то время. Вот что мы читаем в воспоминаниях: «Эта мысль заставила... его (дедушку мемуаристки. — *Н. П.*) еще сильнее привязаться к любимой женщине и окружать ее таким утонченным вниманием, от которого бабушка чувствовала себя вполне счастливой»; аналогичные свидетельства можно найти и в воспоминаниях Л. А. Ростопчиной («Муж писал ей неоднократно в сохранившихся у меня письмах: “Целую твои ножки, моя благодетельница... Мы были счастливы, жили в единении и согласии, а теперь когда мы увидимся? Целую тебя сердцем, полным твоими добродетелями и с надеждой на счастье... Возвращайся... к обожающему тебя и уважающему тебя превыше всякого выражения мужу...”») И сколько еще таких признаний! «Отец мой страстно любил жену, иначе не называл ее как “друг мой Катенька”, баловал, сколько мог...»²¹⁷

Женам — а не «милым подругам» вне брака — стали посвящать романсы (как то делал, скажем, Г. Р. Державин). Стихи-признание молодого жениха невесте дошло и от внука зна-

менитой Натальи Долгоруковой (предвосхитившей подвиг декабристок) — И. М. Дологорукова:

Все душевны восхишенья
Все внимание друзей,
Ласки нежной услажденья
Находил в жене моей
Она рай мне созидала
Бесподобный при себе
Цену жизни придавала
И красу моей судьбе...²¹⁸

Наконец, в начале XIX столетия мужа все чаще стали признаваться в своих воспоминаниях о том, что именно жены дали им возможность «вкусить истинное на земле счастье», а в письмах от мужей к женам нормой стала романтизированная нежность: «Целую твои ножки, моя благодетельница... целую тебя сердцем, полным твоими добродетелями...»²¹⁹

Восхищение женщиной, ее красотой и обаянием тесно сплеталось с надеждой на семью, «озвученную» голосами детей. И если вопрос о «нежнейших чувствованиях» к будущей супруге, об интимном влечении к избраннице почти не возникал в непривилегированных сословиях, то рациональные соображения, связанные со способностью женщины к деторождению, были равно понятны и близки и дворянину²²⁰, и крестьянину. Краски нормальной, здоровой чувственности проступают в письмах страстно влюбленного в жену Петра I (Екатерина долгое время не была официально признанной женой царя-реформатора, хотя и родила ему нескольких детей). В «эпистолиях» к Екатерине Петр, говоря о любви к ней, расспрашивал и размышлял, главным образом, о детях²²¹. Способность женщины к деторождению волновала отцов, назидавших сыновьям, что жениться надобно на «здоровых» («Первое узаконение — умножить род свой», — полагал В. Н. Татишев)²²².

Ту же мысль А. В. Суворов облек в форму афоризма: «Меня родил отец, и я должен родить. Богу не угодно, что не множатся люди». Мемуаристы, которым довелось в течение дол-

гой жизни быть женатыми не один раз, с равной теплотой вспоминали всех своих жен, в том числе умерших, — прежде всего в связи с детьми²²³.

Что касается крестьян, то у них тем более при выборе невесты обращалось внимание на те внешние характеристики девушки, которые могли бы свидетельствовать, что она сможет родить здоровое потомство («Муж любит жену здоровую, а брат сестру — богатую», «На что корова — была бы жена здорова»²²⁴). В сговорных и иных брачных документах середины XIX в. отразились традиционные крестьянские представления о здоровой невесте: ее высокий рост («есть, на что посмотреть»²²⁵), дородность (ассоциировавшаяся с красотой: «большая да толстая»), чистота (белизна, здоровье) кожи («кровь с молоком»)²²⁶, подвижность («Если идет тихо — “идет — не идет, как кислое молоко везет” — девушку называют растопчей, невыволокой; когда шибко — значит, расторопная...»). Даже «нравственные качества» порой ценились в невесте «после» (!) таких характеристик, как здоровье (сила), способность к работе и приданое²²⁷.

Таким образом, вступающие в брак руководствовались не только эмоциями. Это утверждение в равной степени верно и в отношении крестьянского мира, и в отношении «благородного сословия». Многие (если не большинство) образованных дворян XVIII в., сердце которых «было уже рождено с нежнейшими чувствованиями» (А. Т. Болотов), с легкостью жертвовали ими при трезвых подсчетах доходов будущей жены. «Нежные чувствования», воспитанные русскими и переводными романами и пребыванием в Европе, были не настолько глубоки, чтобы предпочесть любовь к бесприданнице браку с богатой вдовой. Старший современник А. Т. Болотова В. Н. Татишев поучал сына: «Главнейшее в жене — доброе состояние, разум и здравие». В этих словах чувствовался весьма прагматический подход к делам брачным. Оправдывая свой рациональный выбор, М. В. Данилов резонерствовал: «Красавиц выбирают только в полубовнищ, а жена должна быть добродетельна»²²⁸.

Оправдать надежды жениха, таким образом, могла лишь та претендентка на звание жены, которая имела предпосылки стать не только «отличной матерью» и «доброй женою»,

но и «поистине добродетельной женщиной» (этот перечень характеристик, и обычно именно в такой последовательности, встречается и в «женских» мемуарах²²⁹). Идеал «добродетельной» жены вполне вырисовывается по дворянским дневникам, письмам и мемуарам. Это — женщина обычной внешности из семьи среднего достатка. На красивую жену, если верить тому же М. В. Данилову, стали бы заглядываться другие, а от безобразной и сам муж сбежал бы к «лепшей». Родители учили детей находить таких жен, с которыми можно «в веселии век свой провести», а для того искать в женах «доброе свойство» — источник «немалой пользы».

Старый идеал «тихой, кроткой», к тому же (желательно) и «недурной собою» жены-полурабыни стал стремительно вытесняться на протяжении XVIII столетия новым. Лишь по-доброму консервативная народная мудрость уповала на существование идеальных жен — ангелов во плоти: «Смирна как агнец, делова, как пчела, красна, что райская птица, верна, что горлица»²³⁰. Дворяне же, выбирая себе спутниц жизни, все чаще стали искать в женах не столько подчинения²³¹, сколько умения понять и проникнуться их помыслами, поддержать советом в трудную минуту — то есть быть другом. «Главнейшее мое желание состояло в том, — признавался Андрей Болотов, — чтобы через женитьбу нажить себе такого товарища, с которым мог бы я разделять все свои душевные чувствования, радости и утехи, заботы и попечения...» Его современник Г. Р. Державин, описывая свою женитьбу, подчеркивал, что посватался к «девушке не без ума и не без ловкости, приятной в обращении», но главное — понравившейся ему «по здравому рассуждению». Впоследствии друзья семьи Державиных вспоминали, что супруга поэта «с живейшим участием принимала к сердцу все, что ни относилось до его благосостояния: авторская слава его, успехи, неудовольствия по службе были будто ее собственные...»²³²

Вторая жена Г. Р. Державина — Д. А. Дьякова — отличалась от первой тем, что ее «появление уже издали выводило ленивых из бездействия»: ее супруг, по его собственному признанию, «хозяйством не занимался», так что вопрос о материальном благосостоянии семьи целиком зависел от ее умений и деловой хватки²³³.

Практичность женщины, ее умение и желание хозяйствовать нередко оказывались факторами, привлекавшими к ней мужчин, искавших опору в делах «домашней экономики»²³⁴. Именно такой — «лучшим советником по кабинетским занятиям», «достойною подругою», «душою вечерних бесед в кругу друзей и знакомцев» и в то же время умницей, умеющей «облегчить мужа во всех заботах по хозяйству», стала для старшего современника Г. Р. Державина — поэта М. М. Хераскова его жена Елизавета Васильевна. О ней буквально все знакомые Херасковых вспоминали как о необычайно «доброй, умной, любезной»²³⁵, «ласковой»²³⁶; супруг же ценил в ней еще и рачительность. В крестьянской среде хозяйственные навыки невесты («работящость», «способность к работе») стояли — наряду со здоровьем — на первом месте²³⁷.

По-новому — в связи с изменившимся отношением к роли жены в браке — смотрели подчас российские дворяне XVIII — начала XIX в. и на соотношение жизненных ценностей. «Еще в стенах кадетского корпуса... не мечтал я ни о славе, ни о богатстве, ни о почестях, — писал С. Н. Глинка, — а мечтал просто о жизни семейной... мечтал о подруге и в мыслях говорил и себе и ей: “Пускай и свет забудет нас, я тем благополучней буду...”»²³⁸

Значили ли подобные признания российских помещиков, что наступили «новые времена» и, следовательно, дело шло к признанию равенства супругов в семье? Анализ мемуаров подсказывает отрицательный ответ. Сравнивая свою семейную жизнь со взаимоотношениями супругов «в старомодных сельских (то есть крестьянских. — *Н. П.*) семьях», мемуаристы XVIII в. порой замечали, что «сколько у них излишества, столько у нас (дворян. — *Н. П.*) недостатка в соразмерности власти мужей и подчинения жен»²³⁹. И не случайно в абсолютном большинстве мемуаров мужчин имена их жен упоминаются редко: чаще лишь в связи с сообщением о женитьбе. Защитников интересов женщин было в России гораздо меньше, нежели приверженцев старого быта. Всякий новый шаг к большей свободе женщин в семье и обществе рассматривался как «повреждение нравов». Эта идеология укреплялась отчасти и светской литературой. «Уничтожая подчинение

жены, уничтожается и сожигание мирное и приятное, — писал историк И. Т. Болтин, оценивая семейные “модели” столичной знати и по-своему откликаясь на галантно-романтические веяния нового времени. — Хотеть сделать мужа и жену равными — есть противоборствие порядку и природе, есть буйство, безличие, безобразие». Рассуждая о современных ему домашних нравах, И. Т. Болтин признавал тем не менее, что в некоторых «редких» семьях (причем семьях «благородных») «жена равна мужу... ему товарищ». Однако в большинстве домов столичного дворянства он видел одну ту же картину: «Жена мужу не подвластна, не подчинена, живет по своей воле», она — «владычица, начальница, а муж не что иное как первейший из ее рабов». Отвратительное новшество, по его мнению, не дошло лишь до провинциальных дворян, купцов и мещан (не говоря уже о крестьянах), в среде которых, как он думал, «еще несколько умеренности хранится»²⁴⁰.

Консервации старых взглядов на распределение семейных ролей и на отношение к женщине способствовали «народные картинки», лубки с сюжетами о «злых» и «добрых» женах. Общий смысл их мало разнился со старыми представлениями о месте женщины в семье и обществе. Находиться под каблуком у жены, доказывали лубки, равно позорно и царю, и простолюдину. Правда, «злые» жены на лубках XVIII в. стали изображаться как презревшие народные обычаи разряженные дамы в платье иноземного образца («модном»), бессовестно командующие мужьями. Последние для пушей наглядности рисовались опутанными цепями (символ рабства). Нередко в углу таких лубков можно было заметить фигурку зайца (символ трусости, подлюбострастия — в данном случае мужа перед женою)²⁴¹. «Нестроение» в доме «злой» жены отображалось беспорядком в посуде и вещах и пьянством мужа, заливающего горе водкой и льющего слезы. Наконец, безнравственность поведения непокорной супруги подчеркивали фривольные шутки по поводу ее неверности и любовных походов²⁴².

Не возникает никакого сомнения в том, что и авторами подписей, и художниками, работавшими над изобразительным рядом лубочных картинок, были мужчины. «Народ-

ные картинки» отобразили, таким образом, не народный, а именно мужской взгляд на проблему места и роли женщины в семье и обществе, существовавший в XVIII — начале XIX в.

Как относились к подобным высказываниям мужчин сами женщины? Стремилась ли они доказать свою «самость» — по крайней мере в отношениях с мужьями? Были ли для них, в том числе женщин-дворянок, оставивших документы личного происхождения (дневники, мемуары, переписку), характерны такие же мотивы вступления в брак, что и для мужчин? Могли ли они в перспективе улучшить — через замужество — свое материальное положение, повысить социальный статус? Насколько они сами были поглощены «нежнейшими чувствованиями»?

Мотивация, стремления, эмоции молодых российских дворянок XVIII — начала XIX в., отразившиеся в их письмах, дневниках, мемуарах, не дают однозначного ответа на поставленные вопросы. Читая воспоминания, написанные женщинами, редко можно найти признания в том, что они были безразличны к вопросу о замужестве, не любили мужей, не были, по крайней мере, к ним привязаны²⁴³. Выше уже говорилось, что далеко не все невесты-дворянки имели возможность хорошо узнать будущего супруга до свадьбы. Но после свадьбы большинство из них считало для себя необходимым (хотя бы в силу традиции) жить по любви, быть рядом с мужьями, какие бы невзгоды ни встречались на их жизненном пути.

Принципиальный пример чувства долга в браке явила княгиня Н. Б. Долгорукова. Судьбу, выпавшую на долю мужей, разделили графиня Е. И. Головкина²⁴⁴, Е. Е. Комаровская²⁴⁵, Наталья Лопухина, жена С. В. Лопухина, обвиненного в 1743 г. в государственной измене и сосланного в Сибирь, первая жена Н. В. Басаргина, ставшего впоследствии декабристом («Жена ответила, что идет не за дворянина, адъютанта или будущего генерала, а за человека, избранного ее сердцем, и что в каком бы положении человек этот ни находился, в палатах или в хижине, в Петербурге при дворе или в Сибири, судьба ее будет совершенно одинакова...»)²⁴⁶, героиня одной из глав «Путешествия...» А. Н. Радишева²⁴⁷ и др. В этой

самоотверженности были и дань традиции, и собственные нравственные побуждения. Общественное мнение видело в подобном поведении не столько знак любви, сколько «обреченность своею обязанностью, своею привязанностью к мужу» жертвовать собой во имя долга²⁴⁸.

Многие девушки, выйдя замуж совсем юными, находили в старших по возрасту мужьях «наставника и руководителя», «ангела-хранителя» и именно так воспринимали своего благоверного. «Я все в нем имела: и милостивого мужа, и отца, и учителя, и старателя о спасении моем», — признавалась в своих «своеручных записках» Наталья Долгокурова. Именно так рассматривала своего первого супруга, известного собирателя русского фольклора В. И. Киреевского, и юная А. П. Елагина (она вышла замуж в 15 лет, а в 24 осталась вдовой)²⁴⁹. Любя своих нареченных перед Богом и перед людьми или будучи к ним только привязанными, русские дворянки ожидали от своих супругов проявления положительных житейских и высоких нравственных качеств и, находя, ценили их. «Матушка много о нем (муже. — *Н. П.*) говорила с восторженной любовью. По ея рассказам, он был высокаго ума, покровитель всего хорошего, отец своих подданных и отличный хозяин»²⁵⁰, — вспоминала характеристику, данную матерью отцу, княгиня С. В. Мещерская. Часть молодых барышень вступали в брак, чтобы быть под чьим-то «руководством», защитой, находиться рядом с умным, честным, внимательным человеком, на которого можно рассчитывать как на покровителя.

Постепенно признавая «особенность» мира женских чувств, мемуаристы-мужчины все чаще пытались сравнить собственную оценку того или иного явления и отношение к нему своих возлюбленных, подруг, жен. О «зоркой догадливости» женщин, силе их интуиции, о компромиссности их характера как предпосылке умения находить решения в тупиковых жизненных ситуациях, когда у мужчин «леность усыпляет способности, а отчаяние, ближайший сосед уныния, увлекает Бог знает куда и во что», писал, характеризуя свою жену, например, С. Н. Глинка²⁵¹. То, что сильные эмоции женщины могут не только возбуждать, но и испытывать сами, причем более тонко и остро, нежели мужчины, с удив-

лением отметил другой его современник²⁵². В стихах и письмах поэта М. Н. Муравьева впервые прозвучала мысль о том, что женская натура может быть сложнее и глубже мужской в эмоциональном смысле, что женщина может быть «счастлива сердцем» не так, как мужчина, «отвлеченный своим правом и должностями»²⁵³. Писатели отмечали «взаимность горячности, услаждавшей чувства и душу», равным образом нежившую и их самих, и их избранниц²⁵⁴.

Сами женщины на страницах своих писем, дневников, мемуаров редко писали о том, как они любили своих супругов, а в признаниях — если таковые случались — более звучала тема необходимости, нежели всепобеждающего чувства («Я не имела такой привычки, чтоб сегодня любить одного, а завтра — другого. В нынешний век такая мода, а я доказала свету, что я в любви верна»). Примечательно, что мужчины — по крайней мере в записках, не предназначавшихся для обнародования, — чуть ли не первыми, вслед за романтическими литературными образцами, стали признаваться в «нежном» отношении к своим женам (этого требовали и нормы этикетного поведения дворянина того времени). Женщины же демонстрировали скованность, «самоограничение» (что порой чувствовали их мужья), самоуглубленность — запечатленную иногда в живописи. Тем самым они являли собственную зависимость: отчасти от условностей, отчасти — от религиозно-нравственных постулатов и веками выработанных традиций. Именно традиция вкупе с православными моральными нормами требовала от женщины такой любви, при которой бы супруг был «один в сердце» и не могла возникнуть любовь новая. Те же нравственные нормы формировали такие общественные унастроения, при которых от женщины ожидалось самопожертвование, готовность быть духовной опорой мужчине, «подкреплять» его (Н. Б. Долгорукова)²⁵⁵.

Воспитание сдержанности, умения не поддаваться эмоциям, а тем более страсти, по-прежнему во многом определяло содержание женского воспитания. «Публичная искренность этого времени» (Н. М. Карамзин)²⁵⁶ претила женской душе, более утонченной, нежели мужская. Отношение к чувственной любви как к «любви скотской», «мерзости» (та же

А. Е. Лабзина писала: «Сие воспитание было... что не все надо говорить, что думаешь, не верить слишком тем, которые ласкают много, ни с каким мужчиной не быть в тесной дружбе...»; «Я не знаю скотской любви, и Боже меня спаси знать ее, а я хочу любить чистой и непостыдной любовью») ²⁵⁷ было следствием многовекового внедрения негативного отношения ко всем неплатоническим отношениям со стороны православной церкви. Мужья, старшие, как правило по возрасту, — по воспоминаниям своих жен — выступали их «просветителями» в делах чувственных («Выкинь из головы предрасудки глупые, которые тебе вкоренены глупыми твоими наставниками. Нет греха в том, чтоб в жизни веселиться! Я тебя уверяю, что ты называешь грехом то, что только есть наслаждение натуральное!» ²⁵⁸).

Но еще в начале XIX в. в дворянской среде встречались семьи, в которых жена — руководимая моральными соображениями, то есть будучи «прюдка», как писала мемуаристка (от *pruderie* — стыд, *фр.*), — «спавши на одной кровати с мужем, укрывалась отдельно от него простынею и одеялом». Правда, именно в дворянских семьях конца XVIII — начала XIX в. совместное спанье мужа и жены на одной кровати стало считаться «глупой старой модой» (А. Н. Радишев). Для немногих столичных дам стремление к созданию собственных (отдельных от мужей) спален диктовалось — по словам того же Радишева — «стремлением к украденным утехам» с «полюбовниками». Но для значительного числа дворянок раздельные постели мужа и жены символизировали целомудрие, благочестие ²⁵⁹. В крестьянской среде осуществление подобной «модели поведения» было невозможно ни с практической, ни с моральной стороны. Но именно осознание собственного негативного отношения к физиологической стороне супружества лежало в основе того, что многие дворянки ощущали непреодолимый нравственный барьер, мешавший поверять бумаге искренние и естественные чувства. А ведь именно они должны были быть (и порой, вероятно, и были) причиной и основой брака.

Примечательно, что многие дворянки, ведя переписку с отсутствующими мужьями, надеялись на получение от последних не столько объективной информации о поло-

жении дел, сколько «добрых ведомостей», успокаивающих слов. Не все, вероятно, могли взять на себя психологическую ношу и разделять все беды своих избранников. «А что пишете, чтоб к вам всегда добрыя ведомости писать, и то я от сердца рад, да какие Бог даст», — оправдывался в одной из таких ситуаций перед супругой император Петр I²⁶⁰.

Но было бы, разумеется, наивным полагать, что переживания, далекие от платонических, не возникали в сердцах россиянок. Другой вопрос, что они лишь косвенно отразились в дошедших до нас эпистолярных и мемуарных источниках. Мемуаристки XVIII в. предпочитали писать не о пережитом на собственном опыте, а о чужих влюбленностях и страстях, и лишь в дневниках и письмах 10-х гг. XIX в. степень женской откровенности несколько возросла. Да и мужчины, оставившие мемуары, старались больше фиксировать переживания своих знакомых и родственниц, нежели пускать «чужих» в свой собственный внутренний мир. Г. С. Винский, рассказывая о том, как внезапно вспыхнувшая любовь заставила его сестру поступать «как истинная своевольница, чуждая не только нежных ощущений сердца (жалости к супругу. — *Н. П.*), (но) даже не повинующаяся и пристойности», внутренне осуждал ее за это, равно как и за ее житейскую ловкость (она сумела «загнать своего бедного мужа в Чернигов судействовать», а сама — по выражению брата — «закусила удила»). Оттенок осуждения звучал и в описанной графиней Эделинг истории взаимоотношений М. А. Нарышкиной и князя Гагарина («Они влюбились друг в друга и стали думать, как бы получить возможность удалиться от двора и от своих семейств и предаться взаимной страсти»), и в рассказе В. Н. Головиной о графине Радзивилл, которая «пренебрегала всеми приличиями по желанию и по влечению»²⁶¹.

Мир чувств русской женщины привилегированного сословия формировали в XVIII столетии не только традиции и литература, но и образ жизни императорского двора — суматошный, беспорядочный, «светский», — породивший особый социальный тип «модной жены»²⁶². Судя по мемуарам лиц, приближенных к российским императорам, «модные жены» (мужья которых, «как страусы, воспитывали

чужих детей») были окружены роем обожателей. Содержание любовниц тоже стало нормой великосветской жизни²⁶³. Но как ни возмущались резонеры вроде М. М. Щербатова подобным «повреждением нравов», эти изменения в области общественной морали имели не только отрицательные последствия. Светские львицы, решавшиеся на нестандартное поведение и насмежавшиеся (по словам М. М. Щербатова) «над святостью закона, и моральными правилами и благопристойностью»²⁶⁴, своим поведением изменяли представления о запрещенном и разрешенном, «раскрепощали» область чувств, в том числе чувств супружеских.

Достаточно даже поверхностного чтения воспоминаний, чтобы найти массу примеров исключительной супружеской любви, страстных сердечных порывов, обращенных к законным супругам. Романтическую, захватывающую историю знакомства и брака своих родителей поведала, например, Е. Я. Березина, мать которой, «переодевшись в мужское платье, под видом денщика, следовала за полком», в котором служил ее муж. Не допуская и мысли о расставании с любимым супругом хоть на день, она «произвела» дочь «на свет в кругу воинов в 1794 г.».

В документах частной переписки XVIII — начала XIX в. обычным было обращение жен к мужьям без подобострастия, но с любовью, дружественностью, нежностью («Дрожайшее сокровище мое!» или «Милый мой друг!», «Премного милый мой друг!», «Дружечик мой сердешнишкой!», «Радость моя!», «Мой свет!»). «Нужно представить себе семнадцатилетнюю, без памяти влюбленную женщину, с горячей головой, с живым воображением, не ведавшую другого счастья как любить и быть любимой, считавшую богатство и почести бременем, совершенно ненужным для счастья и спокойствия», — писала о своей любви к мужу (которого называла «мой обожаемый») Е. Р. Дашкова, в юности оставшаяся вдовой и хранившая память о недолгом супружеском счастье всю жизнь. Есть, конечно, основания думать, что все эти нежности были элементом ожидаемого от женщин (общепринятого, этикетного) поведения, отчасти выработанного «Письмовниками»²⁶⁵, но в немалой мере они отражали реальные чувства...²⁶⁶

Помимо любви, привязанности и чувства долга, многих женщин рассматриваемого времени — как и мужчин! — привлекала в замужестве возможность сохранить или повысить свой социальный статус и имущественное положение. Только признания в этом — в отличие от «мужских» мемуаров — у женщин сравнительно редки. В воспоминаниях графини В. Н. Головиной, например, прямо сказано о том, что в будущем спутнике жизни «высокое происхождение и богатство заставляли смотреть на него как на завидного жениха»²⁶⁷, однако многие современницы графини, которые, вероятно, также учитывали этот фактор, не были столь откровенны.

Что же касается «простых людей», то они не читали переводных романов, не пользовались «плодами просвещения» и не оставили «своеручных записок», в которых бы поверяли бумаге свои помыслы и чувства. Письма крестьян и крестьянок друг к другу — сравнительно редкая находка²⁶⁸. Но как бы ни было трудно судить о духовном мире тех, кто с утра и до вечера работал в поле, на огороде, на промыслах, — тем не менее реконструкция их системы жизненных ценностей и приоритетов возможна на основании фоклорных памятников, а также некоторых делопроизводственных и эпистолярных источников.

В крестьянских умонастроениях значительно сильнее, чем в менталитете дворянства, проявилось отношение к браку (замужеству в особенности) как к неизбежности («Суженого на коне не объедешь»), как к ответственному действию («Замуж выходи — в оба гляди»), переиначить которое практически невозможно («Женитьба есть — а разженитьбы нет», «Подруги косу плетут на часок, а сваха на век», «Выйти замуж не напасть, каб за мужем не пропасть»)²⁶⁹. Поэтому и к чувствам отношение у крестьянок было иное.

«Согласная жизнь... зависима от согласия самой пары и ласковости свекрови», — отмечали наблюдатели русского крестьянского быта центральных губерний России в середине XIX в., добавляя при этом, что «согласие самой пары возможно только при безусловном подчинении жены мужу». В большинстве случаев так оно и было. Тем интереснее и значительнее факты, свидетельствующие о чувствах глубокой и нежной привязанности между членами семьи: супругами,

родителями и детьми, старшими и младшими. Ведь именно они отчасти смягчали и облагораживали, а порой — эмоционально окрашивали монотонный, нелегкий повседневный быт. Такие примеры сохранили и пословицы («Полюбится — ум отступится», «Как полюбит девка свата — никому не виновата», «Не мать велела — сама захотела»)²⁷⁰.

Подлинным открытием для русских дворян XVIII в. была высказанная А. Н. Радишевым мысль о том, что крестьяне одарены такими же чувствами, как прочие люди. «Ты меня восхищаешь! Ты уж любить умеешь?!» — удивленно воскликнул он, приведя рассказ одной из крестьянок. Судебно-следственные документы XVIII в. позволяют подтвердить заключение писателя: вопрос о чувствах был весьма остр в крестьянских семьях, ранее ориентировавшихся на поговорку «Стерпится — слюбится». В «распросных речах» по поводу различных драм на семейно-бытовой почве крестьянки нередко признавались в глубоких переживаниях, заставивших их пойти на преступление моральных норм и закона: «любила», «всегда думала о нем», «радоватца желала», «духом моим с ним была»²⁷¹.

Редкие находки писем образованных крестьян того времени (как правило, сибирских) позволяют восстановить психологический микроклимат их семей, полный ласки, а не грубости, любви и согласия, а не ссор. «Премноголюбезной и предражайшей моей сожительнице, чести нашей хранительнице, здравия нашего покровительнице, общей нашей угоднице и дома нашего всечестнейшей правительнице Анне Васильевне посылаю поклон и слезное челобитие с чистосердечным к вам почтением...» — так писал богатый сибирский крестьянин Иван Худяков в своем письме к жене, жившей в Семипалатинском уезде (1797 г.). Жены отвечали отсутствующим супругам той же добротой и нежностью, признавались, что живут в разлуке с «любезными друзьями» и «прыятелями сердешными» — «в невсчасти»²⁷². В своих письмах крестьяне, не знакомые с этикетными формулами письмовников, фиксировали действительные чувства, говорили, что — «нестерпя необыкновенной тоски в разлуке» с женами — думали и «помышляли» только о них²⁷³, делились переполняющей их сердца нежностью: «Истопи

мне, жена, баню и выпарь меня, малого робенка, у себя на коленях... такова болшова толстова робенка»²⁷⁴). Эти чувства помогали жить: без взаимной доброты и привязанности, которые и женщины испытывали к своим мужьям, повседневность, наполненная тяжелым крестьянским трудом, была бы еще более нелегкой.

Разумеется, в разных семьях отношения между женами и мужьями складывались по-разному. Это утверждение верно для всех сословий тогдашнего русского общества, в том числе «благородного». Иной вопрос — насколько велика была вероятность фиксации различных семейных конфликтов в документах (если, конечно, это были не судебные иски). В памятниках личного происхождения (в том числе письмах) описаний семейных конфликтов почти нет. Традиция «не выносить сора из избы» действовала сильнее формальных запретов: «Безумный муж жену при людех бьет, а без людей дронит. Бей жену до детей, а детей до гостей...»²⁷⁵ Поэтому даже в воспоминаниях тех женщин, которые жили не в ладах со своими мужьями, редко можно найти конкретные указания на обстоятельства и мотивацию конфликтов. «Прасковья Ивановна постановила неизменным правилом не допускать до себя никаких рассуждений о своем муже», — писал об одной своей родственнице С. Т. Аксаков, объясняя ее скрытность в отношении жестокостей мужа, но в мемуарах самих женщин подобных объяснений не найти. Даже выросшие дети, вспоминая о раздорах между родителями, подчас не могли определить их причины. «Мы часто плакали от неприятностей, происходивших между родителями... Кто из них был прав, кто виноват — в нашу юность определить не хватало разума», — вспоминал Н. И. Цылов, описывая свои детские впечатления начала 10-х гг. XIX в. Он предположил, что причиной ссор и последовавшего разрыва родителей была ревность матери к отцу, который «по красоте своей и силе очень нравился женскому полу»²⁷⁶.

Ревность как естественное и часто наблюдаемое чувство, как оборотная сторона страсти все чаще становилась предметом размышлений современников, чаще всего писателей. Ревнивые переживания, зафиксированные перепиской высших особ царского семейства²⁷⁷, не были чужды и другим

сословиям. Англичанка М. Вильмот, проживавшая в доме княгини Е. Р. Дашковой, испытала шок, когда на нее налетела «в невероятном исступлении женщина (по одежде — крепостная)», «яростно сжимая кулаки, как бы собираясь драться»: крепостной почудилось, что ее муж (тоже крепостной!) неравнодушен к заезжей гостье, она действовала в забвении, будучи «возбуждена ревностью». «О ревность, ревность, порок несчастный! — восклицал Н. И. Цылов. — Люди женатые, будьте снисходительны друг к другу! Вы делаетесь причиной разрушения семейного счастья и гибели детей ваших». Купец Н. Вишняков, размышляя над отношениями своих родителей и называя ревность «неразлучной спутницей» любви, «отравившей» жизнь его матери, полагал, что ревность — «плод житейских разочарований, подозрительности и недоверчивости к людям», которые в его отце воспитала торговая профессия²⁷⁸.

Информацию о мотивации супружеских конфликтов современный исследователь может (да и то с трудом) получить лишь косвенно — из описаний женщинами семейной жизни своих соседей, подруг или родственниц. «...В доме она делала все, что хотела, — вспоминала, например, о жене соседа по имению, Д. П. Трошинского, С. В. Скалон. — Будучи обворожительной кокеткой, она в то же время до того измучила своего мужа ревностью, что, наконец, они совсем рассорились и князь, несмотря на любовь тестя и двух детей, должен был расстаться с ними и уехать из дому навсегда». О «несходстве характеров» и психологической непереносимости супругами друг друга как причине раздоров и ссор в семье упоминали многие мемуаристы²⁷⁹.

Вряд ли семейные конфликты, если они возникали, разрешались в то время одной только силой убеждения — об этом свидетельствуют дела, разбиравшиеся Сенатом и особенно Синодом, в первую очередь бракоразводные. Так, в 1731 г. жена бригадира Дмитрия Порецкого обратилась с жалобами на мужа, который, по ее словам, бил ее, оставлял без пищи, не допускал духовника. Другая бригадирша, Мария Потемкина, жаловалась четверть века спустя, что муж бьет ее, «нимало не смотря» на возраст 70 лет, и просила поскорее их развести. Однако оба дела оставили без внимания.

В одном из дел середины XVIII в. истицей была княгиня, которую — от побоев и жестокого обращения мужа — пытался защитить ее брат²⁸⁰. И вновь никакого решения принято не было. В 1741 г. некая Федосья Саламанова, жена поручика морского флота, пожаловалась в Синод на то, что муж ее бил, а затем выгнал из дома. Синод вынес несколько странное решение: разлучить и осудить на безбрачие супруга, если не пожелают помириться²⁸¹.

В воспоминаниях С. В. Скалон, повествующих о провинциальном российском быте конца XVIII в., упомянута семья ее дяди Н. В. Скалона, который, по словам мемуаристки, «был большим деспотом». Описывая часто виденные ею «случаи жестокого обращения» дяди с женою, автор с ужасом отмечала: «За малейший беспорядок в доме, за дурно изготовленное блюдо, он не только бранил ее самыми гнусными словами, но иногда... бил в присутствии всех». Резюмируя последствия подобного недостойного поведения дяди, С. В. Скалон писала, что жестокость мужа по отношению к жене родила неуважение к ней их детей, в том числе дочек, которые «впоследствии наносили ей страшные оскорбления». О битье жен в семьях представителей «благородного сословия» упоминали и другие мемуаристы. Ослушание женой мужа в доме Аксаковых, например, обернулось тем, что у нее «не стало косы, и она целый год ходила с пластырем на голове»²⁸².

Но в целом «благородные» предпочитали худо-бедно следовать Уставу благочиния, принятому в 1782 г. Он призывал, в частности, следовать нормам, постулированным еще Новым Заветом. «Муж да прилепится к своей жене в согласии и любви, — говорилось, в частности, в Уставе, — уважая, защищая и извиняя ее недостатки, облегчая ее немощи, доставляя ей пропитание и содержание по состоянию и возможности хозяина». От жены же ожидалось иное — покорность, терпение, пребывание «в любви, почтении и послушании к своему мужу...». В отличие от «благородных», на жалобы крестьянок с требованием образумить избивавших их мужей местные власти не реагировали. Информаторы РГО сообщали в середине XIX в., что «деревенские смотрели на расправу как на обыкновенное явление: “Свой муж, что хочет — то и воротит”, “Сколочена посуда два века

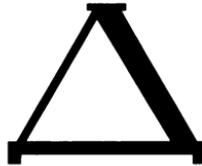
живет»²⁸³. Но дело принимало иной оборот, если в качестве истицы в суде выступала не сама избитая, а ее мать: зятя в семьях должны были быть «у тести и теши в полном повиновении и послушании»²⁸⁴, и когда теши замечали обратное, да еще усугубленное побоями их дочерей, то весьма успешно добивались наказания зятьев (от 15 до 20 розог). Не случайна бытовавшая в крестьянском быту поговорка: «Был у теши — да рад, утекши!»

Среди «простецов», малообразованных мешан, купцов ситуации семейных конфликтов были более многочисленны, а сами конфликты более жестоки. «Женский быт — всегда он бит!»²⁸⁵ — резюмировала пословица. «Жены давились, топились и резались от жестокости мужей, — негодовал протоиерей Д. Беликов, описавший крестьянский семейный быт XVII—XVIII столетий. — Не менее свирепо поступали с мужьями и женщины...»²⁸⁶ Практически во всех делах о семейных конфликтах в непривилегированных сословиях фигурировала «плеть» (которой крестьянин «наказывал недушевердно»), а зачастую и нож; часты упоминания о том, что в разгар ссоры муж таскал жену за волосы, «топтал ногами»²⁸⁷. Женщины отвечали на насилие, как могли: подавали прошения о разводе, решались на убийства и самоубийства, а чаще отвечали на побои побоями же. На Иртыше в середине XIX в. была записана поговорка: «Жена мужа бьет — не на худо учит»; в центральной части России бытовали схожие: «Жена мужа не бьет — под свой норов ведет», «Бранит жена мужа, а бить его не мужа»²⁸⁸. И все же грубый и откровенный произвол во внутрисемейных отношениях крестьян был не нормой, а исключением, а в «мире чувств» русской крестьянки преобладали не злоба и ненависть, а мир и лад.

Огромную роль в укреплении и одухотворении семьи — как дворянской, купеческой, так и крестьянской — играли дети. «На бездетных смотрят с сожалением», — констатировал корреспондент РГО в середине XIX в.²⁸⁹, фиксируя и свое собственное отношение к предмету и воззрения на него русского общества в целом.

Глава III «Чего не вынесет материнская любовь!»

Материнство
и материнское воспитание

аже при беглом чтении документов личного происхождения — писем, дневников, мемуаров XVIII — начала XIX в. — у исследователя складывается неоспоримое убеждение в том, что именно рождение и воспитание детей было содержанием жизни любой женщины — от статс-дамы Е. Р. Дашковой до безвестной сибирской крестьянки.

Западноевропейские веяния начала XVIII в., ориентировавшие женщин на светский образ жизни, при котором семья, хозяйство, воспитание детей оказывались как бы на втором плане по сравнению с участием в балах, празднествах и танцах. Они «задели» лишь вер-

хушечный слой столичных дам²⁹⁰, да и то не всех. Женщин, имевших возможность подражать образу жизни императриц и их окружению, было ничтожно мало.

Наполненные духом романтизма и Просвещения 70-е гг. XVIII в. принесли дыхание особого отношения к материнству. После Ж.-Ж. Руссо стало принятым стремиться к природе, «естественности» нравов и поведения. Новые идеи оказали прямое влияние на семью. По всей Европе кормить детей грудью стало признаком нравственности, чертой хорошей матери²⁹¹.

Эти новые идеи очень быстро и легко прижились в образованных сословиях России, так как совпали с национальной традицией. Источники личного происхождения второй половины XVIII — начала XIX в. дают убедительные доказательства того, что материнство оставалось для абсолютного большинства женщин ценностью вне моды и времени. Именно перспектива материнства, понимаемого как трудно выразимая на словах, но принимаемая сердцем обязанность рожать и воспитывать детей²⁹², в наибольшей степени (по сравнению с иными — в том числе эмоциональными — мотивами) заставляла девушек относиться к замужеству как к самому значительному, переломному рубежу, с которого начиналась новая жизненная фаза.

Мемуары, письма, дневники, написанные представительницами дворянского сословия, не позволили выявить ни одного случая добрачной беременности и рождения ребенка до замужества. Вполне вероятно, что такие случаи были, но остались незафиксированными. В сельской же среде рождение добрачных детей (их называли крапивниками) редкостью не являлось. Одной пословицей XVIII в. даже высмеивались незадачливые ухажеры, боявшиеся доводить легкий флирт до интимных отношений: «Страх причины — не задирай дивчины!» А в середине XIX в. были уже зафиксированы «частые случаи» выхода замуж с добрачным ребенком. Что касается непривилегированной части населения городов, то согласно петровским «артикулам» (1708 и 1720 гг.) в случае «прижития» ребенка до венчания предписывалось не «принуждать к женитьбе» мужчину (лишь «если захотят обе стороны — венчать»). Тем не менее виновный в растле-

нии обязывался законом дать определенную сумму денег «для содержания матери и младенца». Размер суммы определялся состоянием отца ребенка. Отказ от выплаты алиментов того, кто «о супружестве обещал, а потом бросил», карался наказанием плетьюми и тюрьмой»²⁹³. Среди дворян представление о «позорности» наживания детей до брака укрепилось, таким образом, прочнее, но, разумеется, в разных семьях бывало всякое.

Мемуары и дневники российских дворянок, равно как их письма XVIII — начала XIX в., не дают ответа на вопрос и о том, как относились их авторы к трудному периоду вынашивания детей. Меж тем в источниках личного происхождения говорится, что если беременная «беспременно больна душой и телом» — ребенок может родиться «худеньким и слабеньким»²⁹⁴. Скупые описания переживаний, связанных с беременностью и родами, можно найти в воспоминаниях княгини В. Н. Головиной, Е. Р. Дашковой, мемуарах Н. И. Цылова и С. Т. Аксакова²⁹⁵. Родовспоможение, как и вся медицина в целом, было в тот «просвещенный» век на весьма низком уровне²⁹⁶. Даже в дворянских семьях женщины верили подчас старинной примете «если роды будут в доме всем известны — то они будут тяжелыми» и не спешили звать повитух и лекарей, когда начинались схватки. О странном для иностранца обычае дарить родильнице червонец, «не то непременно умрет или мать, или дитя», упомянула, рассказывая о родах в дворянской семье, леди Рондо. Крестьянские поверья, касающиеся родов, причудливым образом соединяли мудрую наблюдательность и откровенное знахарство («Аще который человек родится, а перенесет мать во чреве — то без (с) частен, а которого недонесет — той велми таланен, аще не в доме зачнетя и не в доме родится — таковому век дому своего не видать и работы чужой не минут») ²⁹⁷, а обычаи, связанные с «родинами», по-детски наивно воспроизводили тяжесть этой «женской работы». «Средствами, облегчающими роды» считалось расплетение косы, развязывание всех узлов, открывание дверей, окон. Факт родов скрывали, поскольку считалось, «что за всякого знающего роженица должна будет лишнее проработать»²⁹⁸. В деревнях к родам относи-

лись по-будничному: «Жену слушать, что больно родит, — так на свете и людем не быть»²⁹⁹.

Успешность и последствия каждых родов даже в дворянских семьях были непредсказуемыми. А. Н. Радишев упомянул о смертях рожениц и уродствах детей, вызванных ношением женщинами корсетов («Плачь, мать ваша, следуя плачевной моде, ознаменованной смертью разрешающихся от бремени...»). Многие юные дворянки, проживавшие в холодом и сыром Петербурге, умирали после благополучных родов от «припатков (осложнений. — *Н. П.*) натуральной сей болезни» (то есть сами роды рассматривались как «натуральная болезнь»), а также от травм и даже обычных простуд³⁰⁰. В провинции опасность смерти после родов была еще более высока, причем это в равной степени касалось и дворянок, и простолюдинок. В России, писал М. В. Ломоносов, «молодых более умирает, нежели кои старее, так что едва сороковый человек до 30 лет доживает»³⁰¹.

Практически во всех мемуарах рассматриваемого времени, как в «мужских», так и в «женских», — как о будничном явлении! — говорилось о тяжелых детских болезнях и ранних смертях детей. Крестьянки, по словам информаторов середины XIX в., даже надеялись «може не будут жить» — так тяжело было бремя частых родов и многодетности и так ожидаема смерть. «По сто тысяч младенцев не свыше трех лет» — такой высчитал ежегодную смертность М. В. Ломоносов, отметивший, что матерей, «кои до 10, а то и до 16 детей родили, а в живых ни единого не осталось», было немало. Поразительно высокая детская смертность сохранялась в семьях буквально всех сословий XVIII в. Жена Андрея Болотова потеряла своего полугодовалого первенца, когда ей было четырнадцать лет. Смерть сына она восприняла как неизбежность и лишь надеялась, что новая беременность сможет помочь «забыть сие несчастье, буде се несчастьем назвать можно»³⁰². В семье Ивана Толченова — автора «Журнала или записки жизни и приключений» (конец XVIII в.) из девяти-десяти детей вскоре после рождения умерли семь³⁰³.

При трагическом исходе (смерти роженицы) вдовец старался возможно быстрее жениться вновь³⁰⁴, иногда даже «когда не исполнилась и година». В крестьянском быту

«вдовствовали исключительно старики, всех же остальных *заставляли* (выделено мною. — *Н. П.*) вступать в новый брак»³⁰⁵. Также поступали — когда из рациональных, а когда и из эмоциональных соображений — и оставшиеся вдовыми молодые матери, если неожиданно умирал отец ребенка. «Оставшись после мужа молодою вдовой, — вспоминала о А. И. Гагариной Е. П. Янькова, — она влюбилась в учителя своих падчериц, из духовного звания и сделала непростительную глупость — вышла за него замуж... Она поплатилась за свое увлечение. Удаленная от родных, которые осуждали ее за безрассудство, она претерпевала от семинариста самое грубое обращение...»³⁰⁶ Тем не менее фольклор зафиксировал приоритет наличия именно матери у ребенка: «Отца нет — полсироты, матери нет — круглый сирота!»³⁰⁷

Болезни и скоропостижные смерти рожениц были причиной того, что восприемницами, а затем воспитательницами детей часто бывали старшие сестры или тетки (сестры матерей)³⁰⁸ новорожденных. Вероятно, именно этот фактор и сыграл решающую роль в сохранении и умножении обрядов и ритуалов, связанных с крестинами. С одной стороны, они свидетельствовали об укоренении православных идей, с другой — о контаминации православной обрядности с народной. Опасение умереть непредвиденно рано, преждевременно заставляло родителей брать в крестные матери своим детям совсем юных девочек, зачастую — старших сестер: «Брат на пять лет меня моложе. Я чувствовала к нему что-то вроде материнской нежности и всячески пеклась о нем. Мое участие к нему началось с самого его рождения. Наклонившись над его колыбелью, я долго на него смотрела, и то невыразимое ощущение, которое я тогда испытала, осталось во мне живо и неизменно...»³⁰⁹ Эти сестры — и женщины, подобные им — и принимали на себя ответственность за воспитание крестниц в случае сиротства³¹⁰.

Бывали случаи удивительные. По воспоминаниям М. С. Николевой, родившейся в начале XIX в., ее бабушка, жена коменданта Нерчинска Я. И. Еремеева, умерла в родах, следом умер отец новорожденной, а девочку (мать мемуаристки) вскормил и воспитал денщик отца, «подкладывая ее к козе». Девочку он берег, как мог, пока не пристроил в дом

некой А. А. Николевой, жены губернатора Тобольска, воспитавшей сироту наравне с родными детьми³¹¹. Поступок «доброй и умной женщины», как охарактеризовала губернаторшу мемуаристка, был типичен для дворянок того времени. Сплошь и рядом в более зажиточных и знатных семьях воспитывались и дети бедных (а иногда и отнюдь не бедных!) родственников³¹², а то и вовсе посторонних людей. В XVIII в., когда была «мода» на крепостные театры, немало девочек из простых семей (признанных одаренными и способными к сцене) воспитывалось в семьях своих «господ»³¹³. В крестьянских семьях матери «по охоте», как тогда говорили, брали в семью подкидышей. Иногда мотивы подобного поступка (передачи ребенка на воспитание из одной семьи в другую) были морально-педагогические, в иных случаях — житейские, бытовые (здоровье ребенку было легче сохранить «под присмотром»). Например, отец А. П. Волынского в связи с тем, что его вторая жена — по позднему определению пасынка — была «женщина весьма непереносимого состояния», отдал сына на воспитание в семью родственника, С. А. Салтыкова. В других случаях взятие женщиной ребенка на воспитание (и чаще это касалось девочек!) диктовалось пониманием аксиомы: сохранить здоровье и жизнь ребенку легче в семье, нежели вне ее³¹⁴.

Чаще, разумеется, ребенок рос в родной семье. При этом многие дворянки в своих мемуарах признавались с недоумением и досадой, что их рождению не радовались — оттого только, что они не были мальчиками-первенцами (которым, кстати, в крестьянской среде нередко давали имя Ждан и про которых говорили: «Первые детки — соколятки, последние — воронятки»³¹⁵). Е. Ф. Комаровский записал в своих мемуарах о рождении первого сына: «28 мая 1803 года... Бог мне даровал первого сына графа Егора Ефграфовича. О рождении прочих моих детей записано в святцах, и потому помянуть здесь о том я нахожу излишним...» Примерно так же рассуждал и Иван Толченев, отметивший в своем «Журнале» день, когда он был «обрадован благополучным разрешением от бремени Анны Алексеевны. Родился сын» (на девятом году после бракосочетания). О других детях мемуарист упоминать не стал. «Дочери! Что в них проку! ведь они гля-

дят не в дом, а из дому», — рассуждал дед Сергея Аксакова, демонстрируя устойчивость старых, традиционных воззрений на дочерей и сыновей, которые в дворянской среде, казалось бы, должны были быть давно уже вытеснены новыми «чувствованиями»³¹⁶.

В возрасте между 30 и 40 годами дворянки рожали весьма часто; такие роды у них были, как правило, не первыми и часто протекали с осложнениями. К пятидесяти женщина считалась уже вышедшей из фертильного возраста (ср.: «В одной толпе старуха лет 50-ти...» — заметил как-то А. Н. Радищев)³¹⁷. На рождение новых детей в немолодом возрасте женщины смотрели как на тягость, на неизбежное зло. «Родители мои не чувствовали радости при моем появлении на свет, какую обыкновенно чувствуют при рождении первенцев, — признавалась на страницах своих воспоминаний некая А. Ш. — Они смотрели на меня как на новую обузу, которая свалилась им на шею...» С тем же чувством начинала свои мемуары и одна из первых выпускниц Института благородных девиц при Смольном монастыре Г. И. Ржевская. С горечью констатировав «нерадостность» события своего рождения для родителей, она привела рассказ о нем одного из родственников: «Огорченная мать не могла выносить присутствия своего бедного 19-го ребенка и удалила с глаз мою колыбель... О моем рождении — грустном происшествии — запрещено было разглашать... По прошествии года с трудом уговорили мать взглянуть на меня...»³¹⁸

Что и говорить о крестьянских семьях! «Каб вы, деточки, часто сеялись, да редко всходили!» — горестно восклицали матери-крестьянки (и тем не менее приговаривали: «Много бывает — а лишних не бывает»). По словам аббата Шаппа, побывавшего в России в Екатерининскую эпоху и общавшегося с императрицей, в среде крепостного крестьянства некоторое безразличие к детям объясняется тем, что «сии плоды законной любви» могут быть «похищены» у родителей в любую минуту хозяином-душевладельцем³¹⁹. Теневыми сторонами крестьянского быта, невозможностью прокормить большое число детей объяснялись случаи их заклада и продажи («А буде я, Василей, на тот срок денег не заплачу, волно ему, Андрею, той моей дочерью Овдотьей владеть

и на сторону продать и заложить...»). Однако среди найденных нами закладных на детей XVIII — начала XIX в. не встретилось ни одной написанной матерью: все — по инициативе и решению отцов³²⁰.

Многодетность могла быть вполне в порядке вещей не только в крестьянской среде («У кого детей много — тот не забыт от Бога»³²¹), но и в дворянской семье среднего достатка. М. С. Николева упоминала о семье соседа ее родителей Я. Ф. Бунакова, в которой был сын и девять дочерей³²². Семьи же с одним-двумя детьми попадались нечасто (за исключением тех, где столько детей выживало и доживало до совершеннолетия, в то время как остальные умирали во младенчестве)³²³. «Родилась я, шестая дочь... Нас было уже девять человек, и старшему моему брату шел 23 год, — пишет М. С. Николева. — Теперь бы такое приращение почли бы чуть не несчастьем. В то время так не думали: многочисленное семейство не считалось бременем, а благословением свыше. Вся семья встретила радостно мое появление на свет...»³²⁴

Аналогичные по тональности воспоминания о «великой радости» рождения ребенка (дочери!) можно найти и у А. Е. Лабзиной³²⁵. Н. Б. Долгорукова (урожд. Шереметева) тоже вспоминала, что «была дорога» своей матери, хотя была у нее уже четвертым ребенком, что день ее рождения «блажили, видя радующихся родителей... благодарящих Бога о рождении дочери...». Мать, писала мемуаристка, «льстилась мною веселиться, представляла себе, когда приду в совершенные леты, буду добрый товарищ во всяких случаях и в печали, и в радости... пребезмерно меня любила...»³²⁶. В эпистолярном наследии русских государей также можно найти примеры исключительной радости родителей, связанной с рождением именно — как ни странно! — дочерей³²⁷.

Мальчиков-первенцев (а тем более единственных!) ожидали с еще большим, множно сказать — благоговейным нетерпением и старались спасти от возможных хворей. Чего только не предпринимали! «Помянутый сын их был первым от их брака, в младенчестве был весьма мал, слаб и сух, так что... по тогдашнему обычаю народному, должно было его запекать в хлебе, дабы получил он живости...» — записал

Г. Р. Державин³²⁸ («слезы радости потекли из глаз родителей моих при виде нетерпеливо ожидаемого младенца»; ср.: «...как единственный сын, он был всеми в семействе любим и балован до крайности, в особенности матерью, которая, находя в нем одно свое утешение, исполняла все прихоти его и ни в чем не отказывала»). Если была необходимость выбора между сыном и дочкой — невольно (или преднамеренно?) предпочитали спасти и выходить в первую очередь мальчика³²⁹. Судя по воспоминаниям Е. Р. Дашковой, она особенно берегла сына (по сравнению со старшим ребенком, девочкой). Мальчик с детства рос болезненным ребенком: обнаружившийся рахит и склонность к чахотке (нередкие для Петербурга заболевания) заставили бывшую статс-даму «переменить климат» и отправиться в длительное путешествие «для поправки здоровья детей». Мемуаристка не скрывала, что предполагала сделать все для того, чтобы «имущество мужа целиком перешло к... сыну...», поэтому каждая болезнь сына, особенно инфекционная, «смертельно» ее пугала. Но были и семьи, где столь же ревностно оберегали дочерей и для матерей «не существовало разницы между сыном и дочерью»³³⁰.

В одном из мемуаров конца XVIII в. приводится описание казавшегося необычным поведения выдающегося русского фельдмаршала А. В. Суворова, который вместе с зятем, Н. А. Зубовым, тревожно ожидал рождения первого внука и сына. По словам мемуаристов, он постоянно крестил живот дочки — Н. А. Зубовой (урожд. Суворовой), когда она в первый раз «была в тягости»³³¹. Другой мемуарист, А. Т. Болотов, вспоминая о детстве, записал, что его «воспитывали с особливим старанием и берегли, как порох в глазе», так как мать его была уже «не гораздо молода и детей родить уже не надеялась, а сына еще ни одного живого не имела, все бывшие умирали в младенчестве...». Аналогичная ситуация сложилась в то время в семьях современников Болотова — Кудрявцевых, Паниных³³². В мемуарах российских дворянок начала XIX в., часто описывавших «здоровую» жизнь в деревне и «светскую» в столице (причем последняя требовала участия в балах, ношения легких, тонких платьев, не приспособленных к сырой петербургской погоде), часто проскаль-

звали упоминания о простудах и похожих на нее болезнях, которые «в несколько месяцев страданий, попечений и тревоги»³³³ сжигали жизни юных девочек и женщин.

Высокая детская смертность существовала в семьях всех сословий. Безвременно погибали и отпрыски императорской семьи, и дети простолюдинок: «Дочь императрицы стала предметом ее страсти и постоянных забот. Ее уединенная жизнь стала для нее счастьем, как только она вставала, она отправлялась к своему ребенку и не оставляла его почти весь день. Но это счастье продолжалось только 18 месяцев...»³³⁴ Купчиха из семьи Полиловых-Северцевых вспоминала о своем деде, жившем на рубеже XVIII—XIX вв., что «семья его была большая: четыре сына и четыре дочери» (имеются в виду достигшие отрочества или совершеннолетия), но «умерло больше, чем выжило» (в то время как самому деду было всего 40 лет). В книге этой мемуаристки, равно как в воспоминаниях ее современниц, можно найти многочисленные примеры мертворождений, младенческих и детских смертей от гриппа, отравлений, рахита, чахотки, детских и взрослых инфекционных болезней³³⁵, прежде всего оспы³³⁶. Сообщениями о детских нездоровьях пестрят и строки писем женщин XVIII — начала XIX в.³³⁷ Даже грудное вскармливание новорожденных матерями-дворянками, бывшее весьма распространенным в семьях среднего достатка («Кормить меня грудью мать моя начала было сама, но, сделавшись нездорова, перепоручила дворовой женщине...»³³⁸) и являвшееся нормой в крестьянском быту, не спасало от опасностей первого года жизни.

На матерях во всех российских семьях по-прежнему лежала обязанность выхаживания больных детей. Поэтому даже в письмах государынь своим мужьям «детская тема» — это прежде всего тема состояния здоровья детей³³⁹. Пронзительные по боли и сочувствию строки о том, как жена пыталась выходить сразу двух заболевших корью младенцев, из которых один все же умер, содержатся в «Журнале» Ивана Толченова за 1787 г.³⁴⁰ «Все печали», которые им с женой пришлось тогда пережить, «судить может только одно родительское сердце», резюмировал автор «Журнала». Дневники матерей-дворянок содержат немало записей рецептов домашних

лекарств от разных болезней, а также от ушибов («Ушибы с внутренними кровоизлияниями (гематомами) часто бывали причинами детских увечий и даже смертей. Таким образом погибли несколько детей Н. А. Кудрявцева — правителя Казанского края в петровскую эпоху»)³⁴¹, переломов, растяжений и иных недомоганий. Судя по дневнику одной валдайской помещицы 1812 г., к ее больным детям сумели вызвать полкового лекаря лишь один раз за многие годы; в остальных же случаях мать довольствовалась собственными примитивными медицинскими знаниями, которые получила, вероятно, в юности и которые мало расширились позже («к затылку шпанскую муху...», то же средство — «шпанские мухи» наряду с «горчичниками к икрам» и «черный хлеб с укусом к вискам» упоминает как средство от жара и С. Т. Аксаков³⁴²). Сходную картину можно было наблюдать зачастую и в столичных семьях: матери лечили и детей, и мужей, и родственников, как умели и как могли³⁴³.

Мемуары русских женщин из дворянского и купеческого сословий позволяют утверждать, что не только вынашивание и рождение детей, не только забота об их здоровье, но и обязанности «матери и наставницы» в широком смысле слова — повседневная эмоциональная поддержка, воспитание, обучение — рассматривались ими в качестве жизненно-определяющих. С. В. Скалон, в частности, вспоминала, что ее «мать одна, с помощью одной лишь старшей дочери занималась нашим (т. е. младших детей. — *Н. П.*) воспитанием»³⁴⁴.

Средства и методы воспитания девочек и вообще детей в семьях крестьянских, купеческих и дворянских существенно отличались. В крестьянских семьях все задачи трудового и нравственного воспитания решались, главным образом, силой собственного примера: «Чево себе не угодно, тово и людем не творите». Эффективным средством воспитания были в руках родителей-крестьян пословицы и поговорки, сказки, предания, былички, создаваемые не только в познавательных и идейно-эстетических, но и дидактических целях («Покояй мать свою волю Божию творит», «Не оставь матери на старости лет — Бог тебя не оставит», «Матернее сердце в детках», «Отцов много — мать одна», «Матерни побои не болят», «Мать и бия не бьет», «Добра,

да не как мать» и др.). В фольклоре (и позже в сообщениях информаторов РГО) зафиксирован факт большей мягкости материнского воспитания по сравнению с отцовским³⁴⁵.

Воспитание в купеческих и дворянских семьях проходило на тех же моральных основаниях, но на дворянок в большей мере воздействовали педагогические идеи, сформулированные в литературе. В одних дворянских семьях матери (и шире воспитательницы) изрядно баловали и хвалили своих детей³⁴⁶ — равно как это зафиксировали пословицы: «Хороша дочь Аннушка, коль хвалит мать да бабушка!», «Всякому свое дитя милее», «Каков ни будь сын — все своих черев урывочек», «Дитя хоть и криво, да матери мило». В иных семьях не гнушались и «стращать», «насмехаться» над ними (что было в целом типично для крестьянского воспитания³⁴⁷), а порой не брезговали — как и крестьянки! — и физическими методами воздействия. «...Умеренная строгость не лучше ли неупотребления телесного наказания?» — рассуждал в своих воспоминаниях Л. Н. Энгельгардт, полагая, что необходимо, чтобы дети «с юности попривыкли даже и к несправедливостям»³⁴⁸. Родительский произвол узаконивался правилом 1775 г., по которому отец и мать могли помешать строптивых детей в смирительные дома. В крестьянском быту родители (одна мать — крайне редко³⁴⁹) подчас публично наказывали детей розгами, что не встречало осуждения ни со стороны волостных властей, ни со стороны соседей³⁵⁰.

Тем не менее по сравнению с предыдущими столетиями многое изменилось. Во-первых, в непривилегированных сословиях увеличилось число конфликтов родителей и детей. Это было связано с первыми проявлениями кризиса патриархальных основ семейной организации, тягой молодежи к самостоятельности. Во-вторых, в среде образованных и «благородных» менялись воззрения на педагогические методы и цели. «С успехом наставлять детей можно исподволь и только ласкою, — полагал А. Д. Кантемир. — Строгость вселяет в детях ненависть к учению. Ласковость больше в один час исправит, неж суровость в целой год»³⁵¹. Правда, эти воззрения на домашнюю педагогику мало кому из матерей были известны. «Тогда не говорили о развитии детей, не задавались наблюдениями за детскими впечатле-

ниями или анализом детских характеров. Главным принципом было держать их в черном теле»³⁵², — вспоминала дворянка Е. А. Сабанеева, писавшая свои мемуары в середине XIX в.

Конечно, не все матери (и даже не большинство!) склонны были держать своих детей «в черном теле». Но некоторое невнимание к ребенку — с учетом того, что «робят» в семье часто было немало, — все же можно почувствовать в мемуарах некоторых «светских дам». Последние предпочитали долговременные заграничные вояжи вдвоем с мужем «тихим семейным» радостям в поместье. Отлучаясь на несколько месяцев, а то и лет, они передавали детей на воспитание родственникам и лишь изредка, повидав своих чад, восторгались приобретенными ими знаниями и красотой³⁵³. Весьма часто подобная отстраненность родителей (и особенно — матерей) от воспитания оборачивалась небрежением по отношению к оставленным детям. Так, государственная деятельница, статс-дама Е. Р. Дашкова, вынужденная (в силу своих государственных дел!) оставить своего первенца «Мишеньку» на воспитание бабушке, сокрушалась в своих мемуарах о том, что в результате его потеряла (мальчик умер). Иные обеспеченные матери предпочитали возить детей по заграницам с собой и там давать им начальное воспитание, «почему все они очень плохо знали по-русски» — но, однако ж, не были лишены материнского тепла³⁵⁴.

По понятным причинам практически все мемуары известных российских деятелей и деятельниц XVIII в. дышат благоговением перед образами добрых воспитательниц, заменявших в детстве матерей, — нянь и кормилиц³⁵⁵. Как правило, няни и кормилицы были до середины XIX в. крепостными. Многие мемуаристы называли нянь «вторыми матерями» («и нянька, и учительница, и ключница, и друг маменьки, и вторая мать»), «нянюшками», «мамушками»³⁵⁶. «Преданность», «усердие», «опытность», «старание», «верность и рачительность» — эти качества запомнили в своих нянях и кормилицах многие мемуаристы. «Ее (няни. — *Н. П.*) приверженность, ее нежная заботливость, ее святые молитвы имели великое влияние на судьбу нашу...»³⁵⁷ — признавалась графиня Эделинг. Такая память о материнской заботе, про-

явленной няней, сохранилась и у Л. А. Сабанеевой и у А. Ш., оставившей воспоминания о своем «незатейливом воспитании» на рубеже XVIII—XIX вв. Потрясающий случай спасения жизни маленькой девочки ее няней оставил в своих воспоминаниях В. Н. Карпов: «...Умерла и Петровна, исполняя самоотверженно свои обязанности до конца жизни, которую положила на питомицу свою... Лихач (извозчик. — *Н. П.*) переехал ее всем экипажем, а копыта лошади повредили ей затылочную часть черепа. Ее подняли без чувств, но ребенок был без единой царапины — она его закрыла своим телом»³⁵⁸. В крестьянских семьях функции нянь выполняли старшие дочери: девочку уже «на 6-ом году называли нянькой», семилетних оставляли играть с малышами и укачивать их³⁵⁹.

Помимо нянь, выхаживанием и воспитанием ребенка в раннем детстве по-прежнему много и часто занимались бабушки. Судя по мемуарам многих выходцев из дворянского сословия, проживание внуков у бабушек — по нескольким месяцам, а то и лет — было весьма типично для российского семейного быта. «Бабушка была обрадована несказанно (рождению внука. — *Н. П.*) и через шесть недель взяла меня, а потом удержала у себя на воспитании... — вспоминал Н. С. Селивановский. — Конечно, странно, что меня уступили старухе, но все объясняю молодостию матери. Шесть лет провел я у бабушки среди старух и женщин». Он отмечал также, что бабушка спала с ним в одной «двухспальной большой кровати и баловала несказанно». Аналогичная ситуация сложилась в семье С. Н. Глинки: когда он рос, его отправляли погостить к бабушке в имение на лето³⁶⁰. То, что бабушки — «все бабушки вообще» — не уставали «баловать напропалую», «нежить», угощать всякими лакомствами, потакать прихотям малышей более, чем родные матери, отметили в своих воспоминаниях буквально все, кому пришлось испытать их любовь и «теплоту душевную»³⁶¹. Присловье простого народа также зафиксировало «особость» отношения бабушек к внукам и внучкам: «Дочернины дети милее своих»³⁶².

Огромное почтение внуков к бабушкам объяснялось тем, что к этим женщинам и другие члены семьи часто относились как к хозяйкам, главным распорядительницам имений и душ, от которых могли зависеть судьбы мно-

гих людей: «Дом принадлежал бабушке, которая осталась во главе семьи, управляя всеми имениями, — вспоминала С. В. Мещерская. — Бабушка была предметом общей любви и уважения... идеалом *grande dame*: любезна, обходительна со всеми, великодушна и очень религиозна»³⁶³.

Иной причиной особенного уважения к бабушкам было признание их огромного воспитательного опыта. С одной стороны, бабушки позволяли внукам больше свободы, с другой — умели по-особому «подойти» к ребенку. Н. Вишняков, писавший свои мемуары в середине XIX в., назвал бабушек «смягчающим элементом детства». Марта Вильмонт объясняла сестре в одном из писем, в чем, по ее мнению, состоит «особость» отношений необычной бабушки — президента двух Российских академий Е. Р. Дашковой и ее внуков, в особенности — любимого, Петруши: «С детьми (речь идет о детях ее сына. — *Н. П.*) она обращается как со взрослыми, требуя от них такого же ума, понимания и увлечений, которые занимают ее собственные мысли»³⁶⁴.

Наконец, уважительного обращения к бабушкам требовали и дидактические нормы (отразившиеся в том числе и в фольклоре), воспитывавшие в юном поколении уважение к старшим — проявившись даже в известном образе Бабы-Яги, «реально-бытовом образе матриархальной владычицы»³⁶⁵.

Эти нормы проникли в переписку. «Дорогая и любезная государыня бабушка!» — обращался к царице Евдокии Федоровне (матери царевича Алексея) ее внук, российский император Петр II, осведомляясь о ее «весьма желательном здравии» и прося «отписать, в чем» он может «услугу и любовь свою показать». Что касается самой бабушки, то ей от внука нужны были, главным образом, внимание и память, «чтоб не оставлена была письмами»³⁶⁶.

Няни, кормилицы, бабушки, родственницы-воспитательницы — все они, однако, отступают перед образами матерей, сохраненными в памяти мемуаристов. Признательностью за материнскую преданность, «чадолюбие», «добродушие», внимание и заботу пронизаны строки многих воспоминаний — и «мужских», и «женских». А. Т. Болотов писал, например, что мать его «крайне любила и не уставала вся-

ким образом нежить». Безграничную любовь к детям и самопожертвование, «всевозможное попечение, которое только можно доставить», исходящее от матери, всю жизнь, не могли забыть М. В. Данилов, Г. Р. Державин и А. Ф. Львов, а их младший современник И. В. Лопухин, потерявший мать в 10-летнем возрасте, описал смерть ее с пронзительной болью: «Я просил Бога очень усердно, чтоб Он лучше отнял у меня палец или даже всю руку, а только бы она не умерла...»³⁶⁷ Некоторые эмоциональные мемуаристки, вспоминая о матерях («дочерняя любовь заключает в себе массу воспоминаний...»), отмечали, что «ничего не утаивали» от своих «маменек», потому что безмерно «доверяли» им, их «чувствительности», «проникновенности»; по их словам, именно любовь матерей сформировала их нравственное чувство — «честность и благонаравие»³⁶⁸.

Ты в годах юности меня к добру влекла
И совестью моей в час слабостей была,
Невидимой рукой хранила ты мое безопытное детство, —

обращался к стареющей матери Н. М. Карамзин. И редкий мемуарист вспоминал о своем детстве обратное: деспотичный характер, самодурство своей родительницы. О строгости матери еще иногда могли быть упоминания («Бабушка моя была строгая мать, дед — нежный отец. Но как в то время жены уважали и боялись мужей своих, то бабушка и не смела наказывать детей в присутствии дедушки. Отца моего она называла балованным сынком...»)³⁶⁹, но о несправедливом отношении, беспричинных вспышках гнева — почти никогда. Не оттого, вероятно, что такие матери не встречались, а оттого, что неписанные нравственные законы исключали возможность фиксации подобного в письмах или воспоминаниях.

Отношения детей к матери формировали не только внутрисемейный микроклимат, но и православно-идеологические установки, требовавшие оказывать матерям внимание и почтение. Из учительных сборников, распространенных еще в допетровское время, на страницы поучений от отцов к сыновьям, написанных в XVIII в., перешли требования «не

злоречить» матери, «читать мать». Например, В. Н. Татишев развелся с женой и жил отдельно от семьи, но от сына требовал оказания матери безусловного почтения. «Нет страны, в которой бы уважение к... матерям и людям пожилым простиралось далее, — отмечала Екатерина II (немка по происхождению) в своем сочинении “Антидот” (“Противоядие”). — Дети, давно женатые, не смеют, так сказать, выйти из дому без позволения родителей»³⁷⁰.

Особой темой в истории развития внутрисемейных отношений в России XVIII — начала XIX в. являются отношения матерей с выросшими детьми. Несмотря на поговорку «Взрослый ребенок — отрезанный ломоть», для русской традиционной культуры, сложившейся задолго до петровских реформ, характерно было сохранение крепких родственных связей между представителями (и представительницами!) разных поколений, в том числе между матерями и выросшими детьми, сыновьями. В крестьянском быту дети обязаны были быть кормильцами («пропитателями») состарившихся матерей. Частная переписка XVIII — начала XIX в. свидетельствует о сохранении этой черты традиционной культуры. «Почитайте свою родительницу, — поучал крестьянин Иван Худяков взрослых женатых сыновей. — Имейте во всем к ней повиновение и послушание и без благословения ея ничего не начинайте». Письма взрослых сыновей матерям, которые, по удачному выражению С. Н. Глинки, писались «не пером, а душой»³⁷¹, отличает почтительность и уважение к тем, кого их родил и воспитал.

Став императором, Петр I посылал матери смиренные записки («паче живота моего телесного вселюбезной матушке моей...»), называя ее «радость моя», «вселюбезная». Смерть Натальи Кирилловны он пережил мучительно тяжело: «Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не может, купно же и сердце...»³⁷² Под стать этому письму и письма младших современников Петра I. «За великие несчастье для себя приемлю, что при отъезде своем не отдал тебе, матушка, должного поклона», — сокрушался, например, в письме к родительнице сын Петра царевич Алексей. Взрослые сыновья старались не только регулярно писать матерям, но и при-

езжать к ним, как бы далеко они ни жили. Г. И. Добрынин, описав один из таких приездов (а для них он должен был отпрашиваться со службы, получать специальный отпуск!), резюмировал: «Любовь родительская к детям имеет большой перевес в рассуждении детской любви к родителям»³⁷³.

И действительно, внутренне осознаваемая обязанность «поднять» детей, ответственность за них, даже когда они станут взрослыми, заставляли многих матерей забывать о собственном душевном и физическом состоянии. Так, вдова молдавского господаря Д. К. Кантемира Настасья Ивановна, мать 16-летнего Антиоха, впоследствии ставшего известным поэтом, приобрела нервное расстройство в судебной тяжбе с пасынком — К. Д. Кантемиром, завладевшим в силу закона о майорате всем отцовским наследством. Вдова выдержала три судебных тяжбы, пока не добилась решения в свою пользу — во имя своего дражайшего Антиоха, взыскав с ответчика (пасынка) штраф за противозаконное пользование ее «частью» в течение 1723—1729 гг.³⁷⁴

«Мне стоило больших усилий поехать, но чего не вынесет материнская любовь!» — признавалась на страницах своих «Записок» Е. Р. Дашкова, рассказывая, как в период тяжелой болезни, изнемогая от жара и физической боли, тем не менее поехала к государыне и князю Г. А. Потемкину, дабы обеспечить благополучное будущее сына. «Сама я испытывала всевозможные лишения, но они были мне безразличны, ибо меня полностью захватили материнская любовь и родительские обязанности», — признавалась мемуаристка. По столь понятным ей самой мотивам Е. Р. Дашкова помогла позже вдове Я. Б. Княжнина опубликовать посмертно одну из его трагедий «в пользу ее детей» и «сделать так, чтобы вдова несла по возможности меньшие расходы». Другим убедительным примером материнской самоотдачи является Н. Б. Долгорукова, мужественно переносившая и трудности сибирской ссылки, и безденежье во имя двух сыновей. Об умениях матерей «устраивать свои дела», управлять имениями, «соблюдая порядок и экономию», «справляться с домашними расходами» и к тому же получать немалый доход — и все во имя детей — говорят многие воспоминания русских дворянок XVIII — начала XIX в.³⁷⁵

Своеобразно понятая материнская «любовь» и «обязанности» простирались и на выросших детей (Е. Р. Дашкова, в частности, понимала, что ее взрослая замужняя дочь — мотовка, но неоднократно выплачивала все ее долги и долги ее мужа³⁷⁶), в том числе сыновей, довольно активно стремившихся в самостоятельности. К. Вильмот вообще сделала вывод о том, что в России «дряхлаые старухи всемогущи, так как у них больше наград и знаков отличия, чем у молодежи». Заезжая англичанка не поняла, однако, что у «дряхлаых старух» было больше не только «наград и знаков отличия», но и жизненного опыта, в том числе опыта управления и распоряжения земельной собственностью³⁷⁷. Мемуары позволяют привести немало случаев, когда матери оставляли в своих руках все управление поместьями («Владея большим имением мужа (6000 душ), неустроенным и, следственно, малодоходным, она... употребляла все средства, чтобы дать хорошее образование своим четырем сыновьям...»³⁷⁸), выделяя детям (в том числе взрослым сыновьям!) лишь определенную сумму «на прожиток»³⁷⁹ и поручая лишь выполнение разовых покупок недвижимости³⁸⁰.

Весьма часто подобное отношение к сыновьям со стороны матерей диктовалось вполне осознаваемым (или подспудно ощущаемым) желанием «направить» их в жизни, добиться «приличного места», обещающего служебный успех. «Когда-нибудь мой сын станет фаворитом (он в это время продолжал усердно ухаживать за госпожой N, и их связь не была тайной), мне понадобится его влияние, чтобы получить отпуск на несколько лет и паспорт для поездки за границу», — мечтала Е. Р. Дашкова, не подозревая, что сын вскоре решится на мезальянс: женится — не из карьерных побуждений, а по любви — на купеческой дочери. Впрочем, М. И. Дашков — стараниями матери — все-таки тал приближенным государя³⁸¹.

В одном из воспоминаний приведен удивительный казус наказания матерью взрослого («под двадцать лет») сына-офицера (!), которого мать собственноручно высекла («вошла с лакеями... заставила их сына держать, а сама выпорола, так что он день от стыда и боли пролежал не вставая») за то, что он «замотался, возвратился домой, выпив, распроиграл-

ся...». Любопытно, что сам «пострадавший» оправдывал мать в этом поступке. Что же говорить о чувствах благодарности, которую испытывали сыновья-кутежники к своим матерям, которые подчас принуждены были «не только все скопленное издержать, но многое продать или заложить», лишь бы спасти от долговой ямы любимое чадо³⁸².

В описанном «самовластье» матери проявилась стойкая российская традиция приоритета материнского слова и поступка по отношению к ребенку, каким бы взрослым он ни был. При всей исключительности описанных эпизодов они отразили особый консерватизм семейно-бытовых отношений, в том числе в среде дворянства. Личностно-эмоциональные отношения матерей и детей, как то замечали сами авторы мемуаров XVIII — начала XIX в., претерпев за более чем вековой период заметную эволюцию, остались важнейшими в цементировании «семейной связки», «силы объединения».

Повзрослевшие сыновья, чувствуя ответственность за тех, кто дал им жизнь, воспитание и образование, став самостоятельными, старались отличиться по службе и тем самым обеспечить старость своих матерей, заслужить их похвалы. Этот мотив особенно ярко прозвучал в переписке рода Раевских, в частности Н. Н. Раевского и его матери Е. Н. Давыдовой-Раевской в 1790-х гг.³⁸³

Но, несмотря на всю любовь и нежность к детям, в редкой семье родители понимали, что состояние детства — это особое, драгоценное состояние, «золотые дни» — как назвал их С. Н. Глинка, родившийся в 1776 г.³⁸⁴ Напротив, ранние годы старались «пробежать», как можно скорее, чтобы ребенок не выглядел недоразвитым и глупым недорослем-митрофаном. В течение почти всей первой половины XVIII в., если судить по источникам личного происхождения, в обществе отсутствовало понимание существования особого детского мира. Вплоть до конца столетия не было детской моды: детей одевали, как маленьких взрослых. Показательно, что воспоминаниям раннего детства уделено, как правило, очень мало места в мемуарах первой половины XVIII в. — и в «женских», и в «мужских». Пользуясь словами Андрея Болотова, писавшего свои заметки в конце столетия, «о первом периоде жиз-

ни» говорить никто не считал нужным, «ибо не происходило ничего обособливого». Болотову вторил его современник Протасьев: «Лета ребяческие ничьи не интересны»³⁸⁵.

Осознание ценности детства заметно в первую очередь именно в воспоминаниях женщин³⁸⁶: ведь именно для них частная сфера жизни была если не единственной, то главной. Русские дворянки, родившиеся на рубеже веков и писавшие свои мемуары в 20–40-е годы XIX в., характеризовали свое детство, исходя из новой системы ценностей, на которую — пусть опосредованно, косвенно — оказали влияние идеи Руссо. Правда, одна из мемуаристок иронически заметила: «Бабка моя не только не читала сего автора, но едва ли знала хорошо российскую грамоту». Тем не менее русские дворянки в начале XIX в. нередко рассуждали о «правильности» или «неправильности» воспитания, его полноте, качестве, «утонченности», целях³⁸⁷. Как заметила Г. И. Ржевская, воспитание «не перерождает человека, а лишь развивает его природные склонности и дает им хорошее или дурное направление»³⁸⁸.

Многие дворянки, появившиеся на свет в XVIII в., описывая свое детство, вспоминали любимые ими шумные игры («Я любила прыгать, скакать, говорить, что мне приходило в голову»; «Мать давала нам довольно времени для игры летом и приучала нас к беганью, и я в десять лет была так сильна и проворна, что нонче и пятнадцать лет не вижу, чтоб была такая крепость и в мальчике... У меня любимое занятие было беганье и лазить по деревьям...»). В то же время младшие современницы этих мемуаристок, родившиеся на рубеже веков или в первые годы XIX столетия, стремились подчеркнуть роль не столько игр, сколько книг и чтения. «В куклы я никогда не играла, и очень была счастлива, если могла участвовать в домашних работах и помогать кому-нибудь в шитье или вязанье, — вспоминала о себе А. П. Керн, родившаяся в 1800 г. И продолжала назидательно: — Мне кажется, что большой промах дают воспитатели, позволяя играть детям до скуки и не придумывая для них занимательного и полезного труда»³⁸⁹. Ниже она подчеркивала, что характер ее в детстве сформировала именно «страсть к чтению», заложившая особое видение мира.

Мемуарная литература XVIII — начала XIX в. позволяет сделать одно существенное наблюдение. В русской дворянской культуре сформировалось два пути женского воспитания. Они были противоположны и порождали полярные виды поведения. Один — характеризовался естественностью поведения и выражения чувств. Получившие такое воспитание девушки, выросшие при крепостных няньках, в деревне у бабушек или проводившие там значительную часть года с родителями, умели вести себя сдержанно, но в то же время естественно — как это было принято в народной среде. Для этого типа женщин материнство и все, что с ним связано, составляло главное содержание их частной жизни.

Иной тип женского поведения, также сложившийся в XVIII — начале XIX в., характеризовался повышенной экзальтированностью, бóльшей раскованностью публичного поведения (коккетством, игривостью), следованием моде и презрением прежних «условностей». Такие женщины жили, как правило, в крупных городах и принадлежали к дворянскому сословию. Их образ жизни не был ориентирован на материнство. На него влияли прежде всего образцы поведения, которые давало чтение, предоставляла столичная публика и, конечно же, «высший свет».

Глава IV
«Она старалась ничего
не упустить в науках...»

Женское образование

Инициатором приобщения женщины к просвещению в начале XVIII в. было государство. Необходимость женского образования и характер споров вокруг него были связаны с общим пересмотром жизненных установок. Однако благие помыслы «птенцов гнезда Петрова» оставались на бумаге, пока за их осуществление в середине 60-х гг. XVIII в. не взялись энергичная «матушка-императрица» Екатерина II и известный деятель культуры И. И. Бецкой. Благодаря им в педагогических представлениях русского общества произошел подлинный переворот: была признана необходимость специфики женского образования³⁹⁰.

В 1764 г. при Воскресенском Смольном женском монастыре было основано Воспитательное общество благородных девиц (Смольный институт). Программа обучения в нем охватывала два языка (помимо русского, немецкий и французский), литературу, математику и даже физику. Принимали туда поначалу совсем маленьких девочек (из небогатых, но знатных фамилий)³⁹¹ 6–9 лет (таков был первый набор, рассчитанный на двенадцать лет и «выпущенный» в 1777 г.). Справедливости ради стоит отметить, что общество относилось поначалу к идеям Бецкого без энтузиазма. В те годы имел хождение стишок, весьма критически оценивающий его начинание:

Иван Иваныч Бецкий
Воспитатель детский
В двенадцать лет
Выпустил в свет
Шестьдесят кур — набитых дур³⁹².

Позднее набирали 9–11-летних детей, а чаще — 13–14 лет (тогда их образование оканчивалось через пять лет). Воспитывались смольнянки в полном отрыве от семьи, и родители позже писали в своих воспоминаниях, что постороннему трудно даже представить «сердечную тоску при прощании» дочерей с матерями³⁹³. С. Н. Глинка, «испытав, как тяжело было на седьмом году расстаться» с родными, впоследствии убеждал своего родственника Г. Б. Глинку, приехавшего для помещения тринадцатилетней дочери в Екатерининский институт, «отменить намерение, тем более что он имел очень хорошее состояние и мог дать воспитание дочери под своим надзором»³⁹⁴. Конечно, родители имели возможность навещать девочек в определенные дни и могли забирать на каникулы летом — но понятно, что институты не заменяли домашнего тепла.

Знания смольнянок — среди них преобладали девочки из семей, сохранивших широкие связи, — были неглубоки и поверхностны. Позже при институте было создано «Училище для воспитания мешанских малолетних девушек». От них ожидалась ни больше ни меньше как закладка основ образования в дворянской семье того времени:

Предвозвещения о вас слышны мне громки,
 От вас науке ждем и вкусу мы наград
 И просвещенных чад.
 Предвижу, каковы нам следуют потомки!

*А. П. Сумароков*³⁹⁵

Смольный институт положил начало женскому образованию в России. С 1789 г. юные дворянки могли также обучаться в так называемых Екатерининских институтах в Петербурге и Москве, куда принимали девочек постарше. С 1812 г. открыл двери для воспитанниц Институт благородных девиц в Харькове³⁹⁶. К помощи Смольного и других институтов прибегали родители барышень из малообеспеченных дворянских семей, видевшие в обучении светским манерам — по Грибоедову, «и танцам, и пенью, и нежности, и вздохам» — залог удачного замужества и счастья своих дочерей.

С 1749 г. сначала в столице, а затем и в других городах стали возникать частные пансионы³⁹⁷, ставшие альтернативной институтам формой женского образования. На рубеже столетий их было несколько десятков в Петербурге, десять с лишним в Москве и несколько — в провинции³⁹⁸. Пансионы, как правило, открывались иностранцами и иностранками (иногда это были муж и жена)³⁹⁹. Девочек обучали в одних из них «по-немецки и по-французски, шитью и домостроительству», в других — «домосодержанию и что к тому принадлежит», «шитью и мытью кружев», «шить и вязать», «показывая при том благородные поступки, пристойные к их (девиц. — *Н. П.*) природе» — чтобы сделать из них «добропорядочных жен и матерей семейств»⁴⁰⁰. Эти цели в особенности преследовали учебные заведения для мешан (например, Мещанское отделение Смольного института), где изучалось переводное сочинение И. Г. Капме «Отеческие советы моей дочери». В книге подчеркивалось, что «назначение женщины быть совершеннейшей швеей, ткачихой, чулочницей и кухаркой», что она должна «разделить свое существование между детской и кухней, погребом, амбаром, двором и садом», а «умственное обра-

зование» ей не так уж и нужно, поскольку оно может оказаться излишним⁴⁰¹.

За представительницами непривилегированных социальных слоев права на образование не признавалось. Рассчитывать на него могли лишь дворовые девушки. «Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола», изданные в 1774 г., предусматривали обучение дворовых, чтобы «они умели нянчить барских детей», не портить их «своею грубостью и пороками». Правда, с 1786 г. специальный указ позволил принимать девочек из непривилегированных сословий в так называемые народные училища⁴⁰², но происходило это нечасто. Посылать девочек в школы — согласно традиции и консервативным обычаям — считалось «непристойным»⁴⁰³.

Третим — и самым распространенным — видом женского образования было семейное, домашнее. Даже в крестьянской среде в XVIII в. попадались грамотеи, обучавшие дома детей, в том числе девочек, чтению и письму. Мемуаристы XIX в. приводят примеры того, что женщины иной раз были готовы отказаться «от сарафана к Рождеству», чтобы «были деньги на псалтырь». Однако каких-либо сведений о том, как обучались девочки из среды непривилегированных сословий грамоте, найти не удалось⁴⁰⁴.

Дворянские источники личного происхождения, напротив, дают богатейший материал по истории домашнего женского образования. Они позволяют проследить, как изменились за две трети XVIII столетия образовательно-воспитательные воззрения, как трансформировались ценностные ориентации матерей в семьях привилегированного сословия и как они, в свою очередь, повлияли на жизненные модели самих матерей и их детей.

Прежде всего, обращает на себя внимание обнаружившееся примерно во второй трети XVIII в. рациональное стремление родителей не просто вырастить ребенка — уберечь от болезней, сохранить здоровье, «напитать», как то было характерно для крестьян («Мать подкладывает ему (ребенку) всегда хлеба и при удобном случае под подушку на ночь кладет ломоть, чтобы ребенок поел утром, так как он просить

не посмеет...») ⁴⁰⁵, но и дать образование. Забота об образовании детей — и мальчиков, и девочек — стала быстро превращаться в веление времени. «Надобно отдать справедливость здешним родителям, — полагал камер-юнкер Ф. В. Берхгольц. — Они не шадят ничего для образования детей своих. Вот почему и смотришь с удивлением на большие перемены, совершившиеся в России в столь короткое время...» ⁴⁰⁶

В первую очередь это суждение, разумеется, касалось мальчиков. В их воспитании велика была роль отца, чей безграничный авторитет «без дальнего чадолюбия и неги» благоприятствовал успеху. Однако зачастую не меньшее участие в деле образования сына принимала и мать ⁴⁰⁷, а уж уровень первоначального обучения прямо зависел именно от женщины.

В зависимости от средств семьи — а обучение в то время стоило немало — маленьким дворянкам старались дать более или менее «приличное» образование. Девочек с измальства, с 5–6 лет, учили грамоте — «сажали за букварь» («По шестому году посадили меня за букварь и к часовнику...») ⁴⁰⁸. Делали это сами родители — чаще мать («Мне уж было семь лет, и грамоте уже была выучена, и мать моя учила писать»; «...если бы не мать их, женщина простая и вовсе не образованная, то едва ли он и сестры его научились бы грамоте»). Очень часто образованием младших детей в доме занимались старшие сестры, уже выучившиеся, особенно когда на образование младших средств не хватало (ср.: «Когда мне исполнилось семь лет... меня перевели от няни к сестре моей, которая, как вторая мать, занималась со мною, начав учить меня и грамоте, и музыке...») ⁴⁰⁹.

Когда же достаток позволял — нанимали учителей. В семьях попроще таким учителем мог быть просто приходской священник ⁴¹⁰, в более зажиточных — специально обученные гувернеры или гувернантки. Таким образом, из рук нянюшки маленькая дворянка в XVIII — начале XIX в. попадала в руки француженки, иногда — немки. Обучение третьему языку свидетельствовало уже о более чем обычном уровне знаний молодой особы.

В провинции найти «хороших преподавателей и учителей было почти невозможно», а указ 1755 г., запрещающий иностранцам, которые не выдержали специального

экзамена, обучать детей, остался на бумаге. Частные уроки предлагались порой всякими проходимцами — и русскими, и иностранными. Потому-то «в начале текущего столетия... большая часть мелкопоместных дворян дальше Псалтыря и Часослова (в своем образовании. — *Н. П.*) не шла, а женщины, что называется, и аза в глаза не видали», — вспоминала М. С. Николева. Тем не менее нанимать учителей стало показателем «хорошего тона». Каждая мать «старалась о воспитании, чтобы ничего не упустить в науках»⁴¹¹.

Число учителей, равно как и перечень преподаваемых предметов варьировались. Когда речь шла о «хорошем», «утонченном» образовании для девочек, предполагалось длительное обучение их иностранным языкам. Языки называли «гимнастикой ума». В столице в набор обязательных языков, необходимых для «хорошего» образования, помимо немецкого (который преобладал во времена Петра и Анны Иоанновны) и французского (который преобладал во времена Елизаветы, Екатерины II и позднее) входили английский, латинский и греческий — именно «безукоризненнейшее знание» их давало возможность говорить об образованности юной дворянки. Впрочем, иногда знание девочками древних языков почиталось необязательным⁴¹², поскольку в жизни они были неприменимы.

В провинции дело обстояло несколько иначе. Найти хороших учителей было затруднительно, покупка книг и их выбор часто были случайны. Тем не менее в дневнике провинциальной помещицы за 1812–1833 гг. упомянуты покупки именно учебных и детских книг («Странствующих музыкантов» Лафонтена, географической карты Европы и «Землеописания России»)⁴¹³. Выбор языков, которым обучали дворянских девочек вдали от столиц, зависел часто не столько от моды, сколько от обстоятельств. Например, в Архангельске конца XVIII в. «проживало большое число представителей немецких фирм, имелась немецкая слобода», а потому, по воспоминаниям А. Я. Бутковской, «было несколько немецких пансионеров, немецкий язык был в большом ходу». Французскому же языку в Архангельске того времени, по ее словам, обучались мало, и девочке с трудом нашли преподавателя — «швейцар [ц] а из немецкого кантона»⁴¹⁴.

В конце XVIII в. для «хорошего» женского образования равно обязательными считались немецкий и французский языки. Князь И. М. Долгорукий вспоминал, что в 1767 г. мать — «следуя общему обычаю» (!) — наняла им с сестрой «француженку, madame Constantin», которая и приучила их «лепетать по-своему с самого ребячества». «Нам (детям. — *Н. П.*) всегда приказывали говорить месяц по-французски и месяц по-немецки, — вспоминала С. В. Скалон, — по-русски нам позволялось говорить только за ужином, и это была большая радость для нас». На рубеже веков и в начале XIX в. — языком повседневного общения аристократии стал только французский, почти полностью вытеснивший не только другие европейские языки, но и русский. Владение им стало знаком принадлежности к высшему сословию — и именно поэтому многие матери «употребляли последние средства, чтобы нанять француженку»⁴¹⁵.

По воспоминаниям княгини С. В. Мещерской, описывающей события конца XVIII в., «тогда было такое время вследствие наплыва эмигрантов из Франции. Все лучшие преподаватели были французы...»⁴¹⁶. «Хотят иметь француза — и берут того, какой случится... Попадаются люди с понятиями и манерами наших лакеев», — иронизировал француз, побывавший в России. Его иронию разделила Е. А. Сабанеева: «Кому только не доверяли наших детей, лишь бы нашелся иностранец! И сколько вреда наделали в нашем Отечестве эти бродяги...»⁴¹⁷ Куда мягче смотрела на недостатки образования гувернанток начала XIX в. современница А. С. Пушкина А. О. Смирнова-Россет. «Добрая Амалия Ивановна, — писала она в воспоминаниях, — была идеал иностранок, которые приезжали тогда в Россию и за весьма дешевую цену передавали иногда скудные познания, но вознаграждали недостаток примером истинных, скромных добродетелей, любви и преданности детям и дому...»⁴¹⁸

Гувернанток, обучавших юных дворянок языкам, специально выписывали из крупных европейских, а за их отсутствием — из западнороссийских городов. Например, для Л. Н. Энгельгардт, по воспоминаниям ее брата, была выписана «из Вильны madame Leneveu за 500 рублей». Ровесница девятнадцатого века А. П. Керн воспитывалась вместе с сест-

рами гувернанткой, выписанной из Англии и воспитавшей до того «двух лордов». Эта дама обучала девочек одновременно и своему родному английскому, и французскому языкам, «уча петь французские романсы». «Все предметы, — признавалась впоследствии А. П. Керн, — мы учили, разумеется, на французском языке и русскому языку учились только 6 недель во время вакаций, на которые приезжал из Москвы студент Марчинский...»⁴¹⁹

Владение русским языком, знание русской грамматики почитались на рубеже XVIII—XIX вв. вовсе не обязательными, о чем с удивлением и осуждением вспоминали женщины, писавшие свои мемуары позже, в середине XIX в.: «Бабушка моя безукоризненно говорила по-французски... но русскому их не сочли нужным выучить, и вот на этой-то почве полнейшего и постыдного незнания отечественной истории, религии и языка и зиждется причина перехода (некоторых из современниц бабушки. — *Н. П.*) в католичество»⁴²⁰.

Письма знатных женщин конца XVIII — начала XIX в. — если они были написаны не по-французски — поражают обилием грамматических ошибок, не говоря уже о полном отсутствии синтаксиса и пунктуации⁴²¹. Однако наиболее просвещенные женщины XVIII столетия — подобно Е. Р. Дашковой или воспитывавшейся вместе с нею дочерью М. И. Воронцова, ставшей в замужестве графиней Строгановой, — «изъявляли желание брать уроки русского языка» и впоследствии неплохо им владели. Любопытно, что порой возникали курьезные ситуации: невестка, воспитанная в «культурном контексте» второй половины XVIII в., «довольно плохо говорила по-русски», а свекровь, получавшая образование несколькими десятилетиями ранее (или не получившая никакого), иностранными языками не владела. Еще чаще такие коллизии возникали между поколениями в семьях, где бабушки, не получившие языкового образования, были склонны нетерпимо «порицать все иностранное»⁴²². Лишь в 1812 г. во всех женских институтах и пансионах было вменено в обязанность преподавание русского языка⁴²³.

Между тем родители юных барышень прекрасно понимали, что от уровня начального образования, полученного в семье, зависит судьба их чад. Многие матери, «не получив сами

достойного образования, старались всеми силами дать его своим дочерям», — вспоминала М. С. Николева⁴²⁴. Е. Р. Дашкова, по ее словам, «испытывала всевозможные лишения», но они были ей «безразличны, ибо желание дать сыну самое лучшее образование» поглощало ее «целиком». Ее старшая современница — мать Н. Б. Шереметевой (Долгорукой) — «старалась о воспитании (дочери. — *Н. П.*), чтобы ничего не упустить в науках и все возможности употребляла...»⁴²⁵.

Наиболее дальновидные матери-дворянки желали найти дочкам самых лучших и образованных воспитателей. «Я великолепно сознавала, что у нас нечасто можно встретить людей, способных учить детей, к тому же лезть слуг и баловство родственников помешали бы такому воспитанию, к которому я стремилась», — так обосновывала необходимость собственного контроля за воспитанием и обучением детей Е. Р. Дашкова⁴²⁶.

Иногда такие усилия оправдывались. Так, гувернантками при будущей хозяйке известного литературного салона в Петербурге А. П. Елагиной были «эмигрантки из Франции времен революции, женщины, получившие по-тогдашнему большое образование... отличавшиеся аристократическим складом и характером». Это обстоятельство имело впоследствии, по словам современника А. П. Елагиной, историка К. Д. Кавелина, «большое влияние на [ее] умственный и нравственный строй, придав ей французскую аристократическую складку, общую всем лучшим людям той эпохи». Родители девушек из купеческого сословия начала XIX в. также стремились давать дочерям «приличное» образование, учить их иностранным языкам. Однако подобные устремления вступали подчас в противоречие с бытовым укладом. Побеждала в таких случаях, как правило (хотя и не всегда), традиция. Рассказывая о своих старших родственниках, Е. А. Сабанеева вспоминала, что «прадед не допускал мысли [, чтобы] русские дворянки, его дочери, обучались иностранным языкам». В начале XIX в. в семье купцов Полиловых дед попросту запретил изучение французского языка под предлогом того, что «негоже, чтобы дочь знала язык, которого не понимает ее отец»⁴²⁷.

В дворянских же семьях детей обучали хотя бы навыкам бытовой беседы на французском и немецком. Знание англ-

лийского свидетельствовало о более высоком, чем средний, уровне образования. Даже знаменитая Е. Р. Дашкова, ставшая в молодости полиглотом и получившая, по ее же словам, «прекрасное образование», знала в отрочестве французский, немецкий, итальянский и латынь; английский был выучен позднее⁴²⁸.

Не только в столице и не только в среде аристократии девушкам давали столь хорошее образование. Даже в провинции в конце XVIII — начале XIX в. встречались весьма образованные юные дворянки. Пятнадцатилетняя Наталья Сергеевна Левашова, жившая в то время в Уфе, по словам ее учителя, Г. С. Винского, «через два года понимала столько французский язык, что труднейших авторов, каковы Гельвеций, Мерсье, Руссо, Мабли, переводила без словаря, писала письма со всей исправностию правописания; историю древнюю и новую, географию и мифологию знала также достаточно». В той же Уфе несколькими десятилетиями позже «у одного предоброго француза Вильме» обучалась С. Н. Зубина, которой впоследствии «пленялись все тогдашнему образованные и умные люди, ученые и путешественники». Неплохо образованными были дочери П. А. Осиповой-Вульф (соседки А. С. Пушкина по его псковскому имению): все они, равно как и обучавшаяся вместе с ее родными дочерьми А. П. Керн, прекрасно владели французским и английским языками⁴²⁹. Можно отметить, таким образом, что цели и качество обучения девушек в семьях российского дворянства и купечества зависели не только от состоятельности родственников, не только от учителей, но и от духовной жизни в семье (особенно — от устремлений матери).

Одновременно с преподаванием гуманитарных дисциплин юных дворянок обучали «разным рукоделиям» — «преизрядно вышивать всякими цветами и золотом, какое шитье в тогдашнее время было в Москве в манере». Казалось бы, это женское занятие не должно было вызывать неодобрения в семьях зажиточного купечества начала XIX в., но старшие мужчины в доме относились к подобным занятиям без должного уважения, «называя это пустяками»⁴³⁰. Столь же неблагосклонно смотрели они и на занятия дочек музыкой: большинству девушек не суждено было развить свои способ-

ности. Предполагалось, что «купцовым дочкам» пригодится в жизни совсем иное — знание азов математики, позволяющее помогать супругам в их «деле» («Чем фигли-мигли с мальчишками переглядываться, займись лучше делом... подсчитай. Он дал мне расходную книгу, счеты...») ⁴³¹.

В то же время маленьким дворянкам, в отличие от маленьких дворян ⁴³², математику преподавали на уровне элементарных арифметических действий и правил. С другой стороны в перечне «наук» для девочек и мальчиков было и много общего. Девочкам преподавали рисование, пение, обучали игре на каком-либо музыкальном инструменте, «истории всеобщей и русской, — вспоминала М. С. Николева, — географии, мифологии (теперь совсем заброшенной, а тогда обязательной для порядочно-образованной особы)» ⁴³³, а также словесности.

Обязательными для хорошего воспитания девочки с середины XVIII в. стали считаться уроки движения ⁴³⁴, танцев, музыки, реже — пения. «У меня был учитель музыки Конри», — вспоминала о своем детстве М. Г. Назимова, которая занималась «с увлечением» и с ним, и с «учителем пения Ронкони и учителем итальянского языка». Об обязательных занятиях музыкой и пением в детстве вспоминала и графиня А. Д. Блудова. М. С. Николева сообщает в мемуарах, что обучение игре «на клавикордах» начинали не ранее чем с 8–9 лет. Любопытно, что музыке ее обучал «довольно талантливый музыкант из дворовых, крепостной человек» ⁴³⁵. Когда на обучение девочек музыкой не хватало средств, матери пускались порой на хитроумные уловки, завозя временами по утрам своих детей в «хорошие» дома, где «барышни брали урок музыки», и просили хозяйку позволить послушать, присутствовать на занятиях ⁴³⁶.

Так или иначе, но большинство маленьких дворянок было занято «с утра работою: уроками или приготовлением к урокам». Задавали ежедневно помногу, заставляя «писать переводы или под диктовку часа по три». С. В. Скалон пишет, что ее вместе с сестрами будили в детстве «рано, в зимнее время даже при свечах», чтобы все дети «успели приготовить уроки к тому времени, когда проснется мать... Тогда мы несли ей показывать, что сделали, и если она оставалась доволь-

на нами, то... отпускала гулять». Именно по причине такой строгости в отношении уроков, полагала мемуаристка, «все дети очень успевали в науках» и тем были «обязаны единственно доброй, незабвенной матери». М. С. Николаева вспоминала, что старшая сестра, заменявшая ей воспитательницу и преподавательницу, занималась с нею «с 7 часов утра и до 12 и от трех до шести после обеда, так что для прогулок или ручной работы совсем не оставалось времени»⁴³⁷.

И все же образовательные возможности даже для юных аристократок и в XVIII в., но и в начале XIX в. были ограничены. В отличие от юношей у них не было ни своего Лицея, ни университетов — и тем не менее некоторые иностранцы находили, что в России конца XVIII в. «женщины образованы лучше мужчин»⁴³⁸. Тип высокодуховной русской дворянки, описанный Н. М. Карамзиным, А. С. Грибоедовым, А. С. Пушкиным и другими писателями первой трети XIX в., сложился под воздействием культуры эпохи, в которой едва ли не главенствующая роль принадлежала литературе.

Воспоминания русских дворянок конца XVIII — начала XIX в. позволяют заметить и появление в это время совершенно нового понятия — женской и даже детской библиотеки. Формирование духовного мира девочек в дворянских (причем не только в столичных («Я расширила свою, и без того значительную, библиотеку...» — вспоминала Е. Р. Дашкова), но и в провинциальных⁴³⁹) семьях стало проходить под непосредственным влиянием чтения. «В царствование Екатерины... грамотность начала распространяться. Явились между дворянами охотники до чтения: дамы начали читать романы...» — вспоминал М. А. Дмитриев. Во многих дворянских семьях конца XVIII, а особенно начала XIX в. появились библиотеки: у кого — побогаче, у кого — победнее. М. Г. Назимова вспоминала, что в детстве она всегда «предпочитала хорошую книгу светской бессодержательной болтовне»⁴⁴⁰. «У нас была маленькая детская библиотека, — писала ее современница А. П. Керн, — и мы в свободные часы и по воскресеньям постоянно читали... Мне удавалось удовлетворять свою страсть к чтению, развившуюся во мне с пяти лет. Я все читала тайком книги матери моей...» В домашней библиотеке провинциальной (валдайской) помещицы Е. П. Квашни-

ной-Самариной, если судить по ее дневниковым «Записям», было одних только «братцовых книг: французских 580, русских 98, итого 678»⁴⁴¹.

Домашние библиотеки женщин конца XVIII — начала XIX в. повлияли на внутренний мир не только девочек, но и вообще целого поколения людей — будущих участников войны 1812 года, декабристов. Рыцарские романы и сказки о богатырях, которые первыми попали в домашние детские библиотеки, читались сыновьям и дочерям многими матерями-дворянками. Они формировали характеры и души детей, заставляя «забыть природную слабость и чувствовать, что можно сделаться самостоятельным и независимым человеком». Образы «поэтических», идеальных женщин, спасаемых героями-рыцарями, появившиеся в русской литературе того времени и широко распространенные в литературе европейской и переводной, стали идеалом эпохи конца XVIII — начала XIX столетия и облагораживающе действовали на воспитание в целом⁴⁴².

Собрание книг для женского и детского чтения впервые в русской истории было издано в XVIII в. Н. И. Новиковым. Следующим за ним был его современник, историк Н. М. Карамзин, который вместе со своим другом А. П. Петровым редактировал новиковский журнал «Детское чтение для сердца и разума» (1785—1789 гг.). Читателями этого собрания и этого журнала — впервые в России — были дети и их мамы. Одновременно в библиотеке детского чтения в России появились изданные Новиковым «Дон-Кихот», «Робинзон Крузо», а также «Плутарха Херонейского о детоводстве, или воспитании детей, наставление» — жизнеописания великих людей Древней Греции и Рима (СПб., 1771). О том, что английский перевод Плутарха очень нравился маленьким дворянкам в детстве и они с наслаждением его читали, сохранились воспоминания А. Д. Блудовой⁴⁴³. «“Детское чтение” было едва ли не лучшею книгою из всех, выданных для детей в России, — вспоминал впоследствии М. А. Дмитриев. — Я помню, с каким наслаждением его читали даже и взрослые дети. Оно выходило пять лет особыми тетрадками при “Московских ведомостях”...» Имея больше досуга, нежели мужа, женщины-матери становились первы-

ми учителями своих детей, прививали им вкус к книге и знаниям. К 1820-м гг. в большинстве дворянских семей как в столице, так и в провинции «книги были в большом почете»⁴⁴⁴.

Поэт И. И. Дмитриев вспоминал, что «авторские способности юного Карамзина развивались» под влиянием Н. И. Плещеевой, «питавшей к нему чувства нежнейшей матери». Г. Р. Державин неизменно помнил, что именно мать сумела его «пристрастить к чтению, поощряя к тому награждением игрушек и конфеток». «Разумные убеждения, сопровождаемые нежнейшими ласками, горячность желанья видеть образованного человека» в своем сыне руководили матерью С. Т. Аксакова. Благодарностью к матери, имевшей «разум тонкий и душевными очами видевший далеко», сумевшей через книгу пробудить в сыне любовь и талант к литературному труду, проникнуты воспоминания о своем детстве драматурга Д. И. Фонвизина⁴⁴⁵.

Многие мемуаристки вспоминали впоследствии, что с помощью чтения матери умело формировали их духовный и нравственный облик, запрещая читать одни книги (прежде всего «растрепанную литературу», как ее называли в семье графини А. Д. Блудовой, — «неприличные» французские романы, «совращающие с истинного пути»⁴⁴⁶: «Сочинения (французских авторов, и прежде всего m-me Сталь. — Н. П.) безбожны и безнравственны... Свет погиб именно потому, что люди думали и чувствовали так, как эта женщина...»⁴⁴⁷) и поощряя читать другие. Сердцем понимая и предчувствуя возможные последствия чтения эмоционально насыщенных романов, матери-дворянки пытались контролировать круг чтения. Таким образом, женщины-матери в большинстве семей становились блюстительницами мудрого спокойствия, как бы олицетворенной совестью семьи, воспитательницами высоких нравственных начал. Впрочем, исключить чтение «возбуждающей литературы» не всегда оказывалось возможным, а «пламенное воображение», усиленное литературными образами, зачастую приводило к тяжелым психическим расстройствам юных читательниц⁴⁴⁸.

Любопытно отметить, что в тех случаях, когда дворянки ощущали в себе творческий или, например, административный потенциал и стремились реализовать его, они пере-

кладывали традиционные женские функции — воспитания и образования детей — на плечи мужей (если, конечно, те были на то согласны). Отношения такого рода сложились в семье Вульфов, где П. А. Осипова-Вульф заправляла хозяйством и «читала Римскую историю», а ее супруг — «варил в шлафроке варенье» и возился с детьми. Аналогично Е. Ф. Сукина, «славившаяся даром поэзии, проводя целые часы за сочинениями, мало заботилась о воспитании детей, которые все шестеро обязаны отцу своему... Образованием дочерей он занимался сам...»⁴⁴⁹. Однако типичными такие семейные отношения все-таки не были.

С началом выездов в свет обучение дворянских девушек (равно как купеческих дочек) прекращалось или продолжалось «не столь усидчиво, как прежде»⁴⁵⁰. «Выезжать» в сопровождении матушек начинали примерно с пятнадцати лет⁴⁵¹. Многие матери находили в этой своей обязанности известное удовольствие. «Она жила весело, любила давать балы, — вспоминала об одной своей родственнице Е. П. Янькова. — Сперва, когда была молода, для себя самой; а потом, когда подросли ее две дочери... она их тешила». Раздумья матушек и их дочек о моделях нарядов, которые предполагалось «приготовить» к тому или иному «увеселению», даваемому в Благородном собрании, составляли содержание повседневных разговоров многих столичных, да и провинциальных жительниц, принадлежавших к привилегированному сословию⁴⁵².

Таким образом, за XVIII в. женское образование в России сделало громадный шаг вперед. Если в начале реформ Петра I редкая дворянка считалась европейски образованной, то через сто лет неграмотная женщина, подобная одной из героинь фонвизинского «Недоросля», превратилась уже в сатирический образ. Мемуары, дневники и переписка дают возможность проследить содержание и пределы домашнего женского образования в России и таким образом глубже понять, в чем состояли изменения в образе жизни россиянок различных социальных слоев.

Глава V «Любезная картина вседневного счастья...»

Повседневный быт женщин

Во второй половине XVIII в., после освобождения дворян от обязательной государственной службы (1762 г.), наметился быстрый рост числа усадеб — загородных дворянских имений. Проживание в собственном доме в Москве, а тем более в Петербурге было доступно лишь состоятельным людям. Зачастую молодая семья жила в имении вместе со старшими родственниками, и в ней появлялись дети, прежде чем «старики» отделяли молодых и позволяли им (если имелись средства) жить в городе. Квартиры обычно снимали только на часть года. «Мы оставляли город в апреле месяце и возвращались туда только в ноябре», — вспоминала В. Н. Головина⁴⁵³.

Нередко лишь глава семейства жил в городе, а дети и жена оставались в усадьбе. «Записки» Е. П. Квашниной-Самариной, сделанные в 1812–1815 гг., позволяют предположить, что в начале XIX в. многие российские дворянки «средней руки» находились в своих имениях почти безвыездно. Для XVIII столетия это тем более было нормой. Даже в своем уездном городе российские помещицы бывали изредка — когда ездили за покупками или по делам. Поездка в столицу становилась событием. Поэтому, например, в «Журнале» купеческого сына Ивана Толченова (вторая половина XVIII в.) единственная в их с женой жизни поездка в Петербург описана с точностью до часа⁴⁵⁴.

Жизнь провинциальных дворянок, протекавшая вдали от крупных городов, имела немало точек соприкосновения с жизнью крестьян и сохраняла ряд традиционных черт, поскольку была ориентирована на семью и заботу о детях. День провинциальной помещицы XVIII в. начинался с утреннего туалета «рано утром, и в зимнее время даже при свечах». «Каждое утро мне приносят пластинку льда тошиной со стекло стакана, и я, как настоящая русская, тру им щеки, от чего, как меня уверяют, бывает хороший цвет лица...» — делилась в письме к сестре поразившим ее косметическим обычаем русских женщин М. Вильмот, перечислив и другие хитрости натурального российского макияжа: «...натереться докрасна хреном, а потом мылом. Можно окунуться в настой разных трав, что я не раз делала...» Если день предполагался обычный, будний и в доме не было гостей, то и утренняя еда подавалась простая. К завтраку подавали горячее молоко, чай из смородинного листа, «кашу из сливок», «кофе, чай, яйца, хлеб с маслом и мед». Дети ели «прежде обеда старших за час или за два», за едой «присутствовала одна из няней»⁴⁵⁵.

После завтрака дети садились за уроки, а для хозяйки именина все утренние и дневные часы проходили в нескончаемых хозяйственных хлопотах. Их бывало особенно много, когда хозяйка не имела мужа или помощника в лице сына и вынуждена была сама главенствовать. «П. И. Чичагов не знал и не любил домашнего и полевого хозяйства. Всем занимались его теща и жена», — вспоминал С. Т. Аксаков о соседях по

имению⁴⁵⁶. «Народонаселение (дома) все состояло из женщин. Первую роль после хозяйки играла Матвеевна, *factotum* в доме. Она смотрела за хозяйством, выдавала муку... припасы... Кормила меня, крестила, оплевывала и вечерами рассказывала сказки. Бабушка всегда советовалась с нею по хозяйству. Сверх того в доме было много женщин: кухарка-баба, девки-горничные... их мать старуха Алена и всегдашние гости в виде крестниц...» — воспоминан Н. С. Селивановский о доме своей матери и бабушки⁴⁵⁷.

Семей, в которых с раннего утра «матушка была занята работою — хозяйством, делами имения... а отец — службою», было в России XVIII — начала XIX в. предостаточно⁴⁵⁸. О том говорит частная переписка⁴⁵⁹. В жене-хозяйке ощущали помощницу, которая должна была «управлять домом самовластно или, лучше, самовольно» (Г. С. Винский). «Каждый знал свое дело и исполнял его рачительно», если рачительной была хозяйка. Число дворовых, находящихся под управлением помещицы, иной раз было очень велико. По словам иностранцев, в богатой помещицкой усадьбе бывало от 400 до 800 человек дворовых. «Теперь и самой-то не верится, куда такое множество народа держать, а тогда так было принято», — удивлялась, вспоминая свое детство, пришедшееся на рубеж XVIII—XIX вв., Е. П. Янькова⁴⁶⁰.

Иногда всеми крепостными, дворовыми и вообще всеми делами в доме и в имении заправляли — в силу необходимости — незамужние дочери. Отцы могли прередать им, единственным наследницам, все вотчины еще до замужества, что налагало на девушек ответственность за их сохранение и преумножение⁴⁶¹. К началу XIX в. отношение многих женщин к недвижимости приобрело характер обязательства «учиться мудрости местного сельского хозяйства...», «заниматься агрономией, читать книги и испытывать разные системы хозяйства». По мнению К. Вильмот, «русские матроны» пользовались в то время «огромной независимостью в этом деспотическом государстве», независимостью и от сыновей, и от мужей. С изумлением писала она о том, как какая-то помещица уехала одна, без мужа, устраивать

«свои дела в... поместье на Украине», — ситуация, невозможная на туманном Альбионе⁴⁶².

Жизнь дворянки в своем имении протекала монотонно и неторопливо. Утренние дела (летом — в «плодовитом саду», в поле, в другие времена года — по дому) завершал сравнительно ранний обед, затем следовал дневной сон — распорядок дня, немыслимый для горожанки! Летом в жаркие дни «часу в пятом пополудни» (после сна) ходили купаться, а вечером, после ужина (который «был даже поплотнее, так как было не так жарко»), «прохлаждались» на крыльце, «отпустя детей на покой»⁴⁶³.

Главное, что разнообразивало эту монотонность, — «торжества и увеселения» (А. Т. Болотов), случавшиеся во время частых наездов гостей. Поводом для гостеванья были именины членов семьи, и тогда за столом в честь именинницы зачитывали поздравления тех, кто не смог прибыть лично. Иногда же в гости приезжали вовсе без повода — родные, знакомые, которые оставались в доме подолгу, — «и всем было место». «Родители мои давали обеда по два раза в неделю, — писала в своих воспоминаниях графиня Эделинг. — Я принимала гостей». Е. П. Янькова вспоминала, что собиралось за столом и обедало «человек по 30 и более», причем приезжали они «со своими людьми, тройками и четвернями»⁴⁶⁴. Говоря об одной знакомой семье, часто гостевавшей в родительском доме, Г. С. Винский отметил, что в то время муж (Н. М. Булгаков), жена (П. М. Булгакова), «трое детей и до 60-ти обоего пола челядинцев составляли в настоящем виде русский дворянский дом...». Без этих самых «челядинцев» (хотя и не всех) никто не ездил и в гости. В целом же круг близких мог сильно варьироваться: от непосредственных соседей по имению до дальних родственников, от неожиданно приехавших из города знакомых до случайных людей⁴⁶⁵. Многие женщины (именно женщины!) в своих мемуарах отметили, что в кругу таких приехавших непременно была одна, «провинциальная сплетница с претензиями, крайне смешными» и «дорогими, но нелепыми туалетами», которая, однако же, задавала «тон» всем прибывшим: «По ее уставам и одевались, и наряжались, и сватались, и пиры снаряжали»⁴⁶⁶.

Время меж обильными обедами⁴⁶⁷ проводили в разговорах, которыми — по меткому замечанию мемуаристки А. Я. Бутковской — «все питались» не менее, чем сытными деревенскими яствами. Женщины говорили о том, что их волновало, в том числе о хозяйственных делах. Это особенно поразило Кэтрин Вильмот, которая написала в одном из своих писем, что дамы в провинциальном «обществе мало кокетничают» и «если группа дам о чем-либо беседует, можно быть уверенным, что это дела, дела, дела!..». Необычным и непривычным показалось англичанке и стремление русских провинциальных барынь сплетничать, вникая в детали частной жизни друг друга. «Дамы поверяют мне свои тайны, хотя я их об этом не прошу, — поражалась приехавшая в Россию позже сестра К. Вильмот Марта. — А затем с непостижимой бесцеремонностью расспрашивают меня о моих возлюбленных, семье, друзьях...»⁴⁶⁸ Сопоставляя манеры русских и европейских женщин, англичанки отметили, что «русские часто собираются группами, шепчутся», однако же при этом живут настолько открыто, что женщины «входят без стука друг к другу», «часто целуют друг друга в обе щеки согласно моде (имеется в виду обычай. — *Н. П.*) а не по любви»⁴⁶⁹.

Помимо разговоров, формой совместного проведения досуга провинциальных помещиц были игры, прежде всего карточные. Хозяйки поместий — подобно старой графине в «Пиковой даме» — любили это занятие. «Вечером она выходила в гостинную и любила играть в карты, и чем больше было гостей, тем она была веселее и чувствовала себя лучше...» — вспоминала о своей тетке Е. П. Янькова. Марта Вильмот вспоминала о жизни в имении Е. Р. Дашковой: «Вернувшись (вечером, после прогулки) домой, мы пили чай, музицировали, играли в карты...» «Часто вечера проводили в танцах»⁴⁷⁰.

Переехавшие со временем в город и ставшие столичными жительницами провинциальные барыни и их дочери оценивали свою жизнь в усадьбе как «довольно пошлую», но пока они жили там — им так не казалось⁴⁷¹. То, что в городе было недопустимо и предосудительно, в деревне казалось возможным и приличным: сельские помещицы могли «не выходить

целыми днями из халата», не делали модных замысловатых причесок, «ужинали в 8 часов вечера», когда у многих горожан, «было время полдничать», и т. п.⁴⁷²

Многие мемуаристы отметили атмосферу расслабленной неги, расцвеченную в усадебном быту домашними радостями и невинными удовольствиями. Для авторов воспоминаний не было сомнения, что создавали эту атмосферу в том числе и окружавшие их женщины — матери, бабушки, жены, сестры, дочери мемуаристов, нянюшки. В традиционности бытового уклада российских усадеб, хранительницами которого в немалой степени были именно его обитательницы, крылись истоки притягательности «сельского рая» для записных горожан. При этом наблюдались различия в «мужском» и «женском» взгляде на прелести «сельского рая», что тонко почувствовал и отразил в своей «Семейной хронике» С. Т. Аксаков. То, что для дворянина, выросшего в усадьбе, было в радость — могло оказаться дворянке-горожанке (даже провинциальной) в тягость: монотонность, сонность сельского быта, необходимость довольствоваться узким кругом общения, в том числе с малообразованными родственниками, иной уровень комфортности жилья и его чистоты и даже «сырой запах у пруда, который мы не замечали», мог показаться «противным»⁴⁷³.

Если образ жизни провинциальных барышень и помещиц был не слишком скован этикетными нормами и предполагал свободу индивидуальных прихотей, то повседневный быт столичных дворянок был предопределен общепринятыми нормами. Светские дамы, жившие в XVIII — начале XIX в. в столице или в крупном российском городе, вели жизнь, лишь отчасти похожую на образ жизни жительниц усадеб и уж тем более не похожую на жизнь крестьянскую. В начале XVIII в. Корнелий де Бруин отметил, что при посещении им богатой дворянской усадьбы под Москвой хозяйка дома и приглашенные развлекались на качелях («приятное препровождение времени, весьма обыкновенное дело»), однако уже к середине XVIII в. подобное развлечение стало считаться простонародным и в городской жизни дворянок почти не присутствовало⁴⁷⁴. Даже те, кто приезжал в город, чтобы провести там «глубокую и скучную осень и зиму» (А. Т. Болотов),

стремились жить там по-иному, не так, как в своем поместье. Удивительно, но описаний образа жизни горожанок в XVIII в. — и высших сословий, и непривилегированных — сохранилось куда меньше, чем фактов из истории повседневного быта российских помещиц. У столичных дворянок было несколько меньше времени на ведение дневников и писание мемуаров, а если подобные имелись — в них фиксировались в большей степени подробности жизни двора, описывались встречи и разговоры, случайные обмолвки знакомых и приятельниц, необременительные связи и интриги⁴⁷⁵, но никак не последовательность занятий в течение дня (да ее, в сущности, и не было).

И представительницы «высшего общества», и подражавшие им дворянки среднего достатка и знатности, жившие в городах, если то позволяли средства, старались поменьше задумываться о делах управления имениями, состоянии финансов и всей «домашней экономики». Намного больше они волновались по поводу обустройства своего дома. «В домах появились диваны и будуары, а с ними... — истерики, мигрени и спазмы», — иронизировал над российскими горожанками один из современников, точно почувствовав связь между новыми деталями обстановки жилища и изменениями в рисунке поведения столичных жительниц⁴⁷⁶. Сюда было принято приглашать гостей, там демонстрировались и наряды, которые должны были соответствовать новейшим веяниям моды⁴⁷⁷. В мемуарах петербургских и московских аристократок XVIII — начала XIX в. нередко можно встретить подробные рассказы о работе «своих швей» над тем или иным парадным туалетом и такие детальное описание купленных и выписанных из-за рубежа платьев, которых не встретишь в дневниках и воспоминаниях провинциальных помещиц. Иностранцев поражала в русских дворянках «та легкость, с которой тратились деньги» на одежду и оформление жилища⁴⁷⁸.

Ни в одном из воспоминаний столичных жительниц не нашлось места для впечатлений от посещения музеев (в то время как мужчины это фиксировали, а также сам факт того, что среди посетителей Кунсткамеры или Оружейной палаты в Москве были женщины⁴⁷⁹), крайне редки в «женских»

воспоминаниях XVIII в. и сообщения о чувствах, вызванных театральными и иными зрелищами (за исключением мемуаров Е. Р. Дашковой и отчасти В. Н. Головиной); обычно они ограничивались констатацией самого факта посещения.

День горожанки привилегированного сословия начинался несколько, а иногда и гораздо позднее, чем у провинциальных помещиц. Петербург (столица!) требовал большего соблюдения этикетно-временных правил и распорядка дня; в Москве же, как отмечала В. Н. Головина, сравнивая жизнь в ней со столичной, «образ жизни (был) простой и нестеснительный, без малейшего этикета» и должен был, по ее мнению «понравиться всякому»: собственно жизнь города начиналась «в 9 часов вечера», когда все «дома оказывались открыты», а «утро и день можно (было) проводить, как угодно»⁴⁸⁰.

Утро и день у большинства дворянок в городах проходили «на людях», в обмене новостями о знакомых и приятельницах. Поэтому, в отличие от сельских помещиц, горожанки начинали с макияжа: «С утра мы румянились слегка, чтобы не слишком было красно лицо...» После утреннего туалета и довольно легкого завтрака (например, «из фруктов, простокваши и отличного кофе-мокка») наступал черед раздумьям о наряде: даже в обычный день дворянка в городе не могла позволить себе небрежность в одежде, туфли «без коблуков» (пока не пришла мода на ампирную простоту и тапочки вместо туфель), отсутствие прически. М. М. Щербатов упомянул с издевкой, что иные «младые женщины», сделав прическу к какому-либо долгожданному празднику «принуждены были до дня выезда сидя спать, чтобы не испортить убор»⁴⁸¹. И хотя, по словам англичанки леди Рондо, русские мужчины того времени смотрели «на женщин лишь как на забавные и хорошенькие игрушки, способные развлечь»⁴⁸², сами женщины нередко тонко понимали возможности и пределы собственной власти над мужчинами, связанной с удачно подобранным костюмом или украшением.

Умению «вписывать» себя в обстановку, вести беседу на равных с любым человеком от члена императорской семьи до простолюдина аристократок специально учили с младых ногтей («Ея разговор может нравиться и принцессе,

и жене торговца, и каждая из них будет удовлетворена беседою»⁴⁸³. Общаться приходилось ежедневно и помногу. Оценчивая женский характер и «добродетели», многие мемуаристы не случайно выделяли способности описываемых ими женщин быть приятными собеседницами. Разговоры были для горожанок главным средством обмена информацией и заполняли у многих большую часть дня. Француженка Виже Лебрэн, посетившая столицу в конце XVIII в., не случайно отметила, что «в Петербурге все высшее общество составляло как бы одну семью». «Вся знать считалась точно в родстве между собою...»⁴⁸⁴ — удивлялась она, поражаясь тому, что все дамы знают буквально всех на многочисленных балах и гуляньях.

В отличие от провинциально-сельского, городской образ жизни требовал соблюдения этикетных правил (иногда — до чопорности) — и одновременно, по контрасту, допускал оригинальность, индивидуальность женских характеров и поведения⁴⁸⁵, возможность самореализации женщины не только в кругу семьи и не только в роли жены или матери, но и фрейлины, придворной или даже статс-дамы.

«Утренние разъезды», в ходе которых к концу XVIII в. принято стало (по европейской моде) «отдавать визиты», сменяли званые обеды — «уже в часу в первом, однако»; впрочем, обеда нередко принято было «более часа... дожидаться», занимая друг друга разговорами. После обеда предполагались новые «беседы», причем дамы для них нередко «удалялись в иной покой», отдельный от мужчин. Вечера, балы и «машкерады» — партикулярные (в частных домах) и в Собрании, куда «пускали по билетам самое лучшее общество»⁴⁸⁶, разнообразные «гулянья и катанья», в том числе «санный бег» (когда «погода располагала к пребыванию на воздухе»⁴⁸⁷), посещение театров (официальных, государственных и частных — шереметевского, апраксинского) — все это было обычным явлением в жизни дворянки в столице, составляющим не столько собственно ее досуг, сколько всю повседневность⁴⁸⁸. Отъезд с бала или приема «в первой половине ночи» мог быть связан лишь с плохим самочувствием, в противном случае он рассматривался как нарочитый, демонстративный шаг и являлся уже поступком. Позд-

ние пробуждения и смещенный распорядок дня у дворянок в городах были, таким образом, вполне объяснимы. «Их жизнь была деятельно-праздная», — писал Ф. Вигель⁴⁸⁹.

Большинство женщин, мечтавших выглядеть «светскими львицами», «имея титулы, богатство, знатность, льнули ко двору, подвергая себя унижениям», лишь бы «добиться снисходительного взгляда» сильных мира сего, — и в том видели не только «резон» к посещению публичных зрелищ и празднеств, но и свою жизненную цель. Матери молоденьких девушек, понимавшие, какую роль могут сыграть в судьбе дочерей удачно выбранные любовники из числа приближенных ко двору аристократов, не гнушалась и сами вступать в необременительные интимные связи, и «бросать» дочерей «в объятия» тех, кто был в фаворе. В сельской провинции такая модель поведения для дворянки была немыслима, но в городе, особенно столичном, все это превращалось в норму. В некоторых крупных городах для женщин устраивались особые «куртаги» — «барыни собирались с работами, барышни танцевали, старухи играли в карты и по желанию императрицы не было роскоши в туалетах»: «Собрания начинались с 24 ноября и 21 апреля оканчивались. Съезжались обыкновенно в 6 часов, потому что обедали рано, стало быть 6 часов это был уже вечер, и в 12 часов все разъезжались по домам...» — описывала Е. П. Янькова куртаг для дам в доме А. Ф. Татишевой⁴⁹⁰.

Но отнюдь не такие сугубо женские «посиделки» делали погоду в светской жизни столиц. Горожанки купеческого и мещанского сословий старались подражать аристократкам, но общий уровень образованности и духовных запросов был в их среде ниже. Богатые купцы почитали за счастье выдать дочь за «благородного» или самому породниться с дворянской семьей, однако встретить дворянку в купеческой среде было в XVIII — начале XIX в. такой же редкостью, как и купчиху в дворянской⁴⁹¹. Повседневный быт русской купеческой семьи и место в нем женщины реконструируются с помощью мемуаров, написанных исключительно мужчинами, поскольку от рассматриваемого нами периода XVIII — начала XIX в. не дошло мемуаров, авторами которых были бы купчихи или «купцовы дочки».

Вся купеческая семья, в отличие от дворянской, вставала с рассветом — «очень рано, часа в 4, зимою в 6»⁴⁹². После чая и довольно плотного завтрака (в купеческой и шире — городской среде стало принято «кушать чай» на завтрак и вообще подолгу чаевничать) хозяин семьи и помогавшие ему взрослые сыновья уходили в торг; в среде мелких торговцев вместе с главой семьи в лавке или на базаре нередко хлопотала жена. Многие купцы видели в жене «умную подругу, чей совет дорог, чьего совета надо спросить и чьему совету нередко следуют»⁴⁹³. Основной повседневной обязанностью женщин из купеческих и мещанских семей были дела домашние. Если у семьи были средства для найма прислуги, то наиболее тяжелые виды повседневных работ выполнялись приходящими или живущими в доме служанками. «Челядинцы, как везде, составляли домашний скот; приближенные... имели лучшее одеяние и содержание, другие... — одно нужное, и то бережливо». Зажиточное купечество могло себе позволить содержать целый штат домашних помощниц, и по утрам от хозяйки дома получали распоряжения экономка и горничные, няньки и дворничихи, девушки, взятые в дом для шитья, штопки, починок и уборки, прачки и кухарки, над которыми хозяйки «царили, управляя каждой с одинаковой бдительностью»⁴⁹⁴.

Сами мещанки и купчихи были, как правило, обременены массой повседневных обязанностей по организации жизни дома (а каждую пятую семью в среднем русском городе возглавляла мать-вдова). Между тем их дочери вели праздный образ жизни («как избалованные барчата»). Его отличали монотонность и скука, особенно в провинциальных городах. Редкая из купеческих дочек была хорошо обучена грамоте и интересовалась литературой («...наука была страшилищем», — иронизировал Н. Вишняков, рассказывая о молодости своих родителей в начале XIX в.), если только замужество не вводило ее в круг образованного дворянства. И. П. Сахаров, описывая быт тульского купечества и мещанства в начале XIX в., отметил, что от скуки многие купчихи и их дочери, если только их семью отличал «даже маленький достаток», «начинали нежить себя, проводя время большей частью во сне»⁴⁹⁵.

Самым распространенным видом женского досуга в мещанских и купеческих семьях было рукоделие. Чаще всего вышивали, плели кружева, вязали крючком и на спицах. Характер рукоделия и его практическое значение определялись материальными возможностями семьи: девушки из бедного и среднего купечества сами готовили себе приданое; для богатых рукоделие было больше развлечением. С работой сочетали беседу, для которой сходились специально: летом у дома, в саду (на даче), зимой — в гостиной, а у кого ее не было — на кухне. Главными темами бесед у купеческих дочек и их мамаш были не новинки литературы и искусства (как у дворянок), а житейские новости — достоинства тех или иных женихов, приданое, моды, события в городе. Старшее поколение, в том числе матери семейств, развлекалось игрою в карты и в лото. Пение и музицирование были менее популярны в мещанских и купеческих семьях: ими занимались напоказ, чтобы подчеркнуть свое «благородство», иногда в домах провинциального мещанства даже ставились спектакли⁴⁹⁶.

Одной из самых популярных форм развлечения в третьем сословии было гостеванье. В семьях «очень состоятельных» купцов «жили широко и много принимали». Совместное застолье мужчин и женщин, появившееся во времена петровских ассамблей, к концу столетия из исключения (ранее женщины присутствовали только на свадебных пирах) превратилось в норму. Этот факт зафиксировала и живопись. И если дворянки, следуя нормам столичного этикета, сложившимся к концу XVIII в., считали неудобным бывать друг у дружки без предварительной договоренности, то мещанки заходили в гости «запросто». Особое место занимало при таких встречах угощение, а уж на званых вечерах ели в купеческом сословии подолгу и помногу. Жена купца И. А. Толченова («хозяйка» — как называл ее супруг в своем «Журнале») принимала гостей — если судить по скрупулезным записям ее благоверного — каждые 6–10 дней⁴⁹⁷. Разъезжались же гости, как правило, после полуночи: так было принято и в начале XVIII в., и столетие спустя⁴⁹⁸.

Между повседневным бытом среднего и мелкого купечества и крестьянства было больше общего, нежели различий.

Для большинства крестьянок — как показали многочисленные исследования русского крестьянского быта, ведущиеся уже почти два века⁴⁹⁹, — дом и семья были коренными понятиями их бытия, «лада». Крестьяне составляли большую часть негородского населения, преобладавшего (87 процентов) в Российской империи XVIII — начала XIX в. Мужчины и женщины составляли в крестьянских семьях примерно равные доли⁵⁰⁰.

Будни сельских жительниц — а они неоднократно описывались в исторической и этнографической литературе XIX—XX вв.⁵⁰¹ — оставались нелегкими. Их заполняла работа, равная по тяжести с мужской, так как заметного разграничения мужских и женских работ в деревне не было. Весной, помимо участия в посевной и забот на огороде, женщины обычно ткали и белили холсты. Летом — «страдавали» в поле (косили, ворошили, стоговали, скирдовали сено, вязали снопы и молотили их цепами), отжимали масло, рвали и трепали лен, коноплю, неводили рыбу, выхаживали приплод (телят, поросят), не считая повседневного труда на скотном дворе (вывоза навоза, лечения, кормления и дойки). Осень — пора продовольственных заготовок — была также временем, когда женщины-крестьянки мяли и чесали шерсть, утепляли скотные дворы. Зимой сельские жительницы «трудолюбовали» дома, готовя одежду для всей семьи, вязали чулки и носки, сети, кушаки, плели подхомутники для сбруи, вышивали и изготавливали кружева и другие украшения для праздничных нарядов и сами наряды⁵⁰².

К этому добавлялись ежедневные и особенно субботние уборки, когда в избах мыли полы и лавки, а стены, потолки и полаты скребли ножами: «Дом вести — не крылом мести». Этнографы, описывавшие и изучавшие быт российских крестьян в XIX в., отмечали, что в сибирских домах «чистота соблюдалась до чрезвычайности»; полы, если они были деревянными, старались держать «в изумительной белизне», а опрятность в одежде была «необходимым обрядом»⁵⁰³. В центральных губерниях дело могло обстоять иначе («Опрятность соблюдается относительно. Мытье пола устраивается раз в неделю. Платье не особенно чистое...»), однако и там «неопрятная хозяйка была редкостью»⁵⁰⁴.

Крестьянки спали летом по три-четыре часа в сутки, изнемогая от перегрузок (надсады) и страдая от болезней. Яркие описания курных изб и антисанитарных условий в них можно найти в донесении московского уездного предводителя дворянства по вотчинам Шереметевых. Самой распространенной болезнью была лихорадка (горячка), обусловленная проживанием в курных избах⁵⁰⁵, где вечером и ночью было жарко, а утром холодно. Изображения же русских курных изб в живописи XVIII в., как правило, идеализировано: внутренность изб имеет на них чуть ли не зальный размах, а полуголые женщины и дети кажутся попавшими в них с картин Фрагонара. Лишь некоторые детали материального быта (люльки, печь, лавки и т. п.) действительно отличаются реальным сходством с существовавшими⁵⁰⁶.

Тяжесть труда земледельца заставляла российских крестьян жить неразделенными, многопоколенными семьями, которые постоянно регенерировались и были исключительно устойчивыми. В таких семьях «на подхвате» была не одна, а несколько (по мнению А. Я. Ефименко, не менее 10⁵⁰⁷) женщин: мать, сестры, жены старших братьев, иногда — тетки и племянницы. Отношения нескольких «хозяек» под одной крышей не всегда бывали безоблачными; в повседневных дрызгах было немало «зависти, злословия, бранчливости и вражды», отчего, как полагали этнографы и историки XIX в., «разстраивались лучшие семейства и подавались случаи к разорительным разделам»⁵⁰⁸ (общего имущества). В действительности причинами семейных разделов могли быть не только эмоционально-психологические факторы, но и социальные (стремление избежать рекрутчины: жену с детьми без кормильца не оставляли, а из неразделенной семьи нескольких здоровых мужчин могли «забрить» в солдаты, невзирая на их «семьистость»; по указу 1744 г. в случае, если кормильца забирали из семьи в рукруты, жена его становилась «от помешика свободной», однако же дети оставались в крепостном состоянии⁵⁰⁹). Были и материальные льготы (возможность повысить имущественный статус при отдельном проживании)⁵¹⁰.

Семейные разделы стали распространенным явлением уже в XIX в., а в рассматриваемое нами время оставались еще

достаточно редкими. Напротив, многопоколенные и братские семьи были весьма типичным явлением. От женщин в них ожидалось — несмотря ни на что — умение ладить друг с другом и совместно вести дом⁵¹¹.

Большое, и даже более значительное, чем в повседневном быту привилегированных сословий, имели во многопоколенных крестьянских семьях бабушки, которым, кстати сказать, в те времена часто было едва за тридцать⁵¹². Бабушки — если не были стары и хворы — «на равных» участвовали в домашних делах, которые в силу их трудоемкости представительницы разных поколений часто делали вместе: стряпали, мыли полы⁵¹³, бучили (мочили в шелоке, кипятили или парили в чугунах с золой) одежду. Менее трудоемкие обязанности строго распределялись между старшей женщиной-хозяйкой и ее дочерьми, невестками, снохами. Жили относительно дружно, если большак (глава семьи) и большуха (как правило, его жена; впрочем, большухой могла быть и вдовая мать большака⁵¹⁴) относились ко всем одинаково. Семейный совет состоял из взрослых мужчин, но большуха принимала в нем участие. Кроме того, она заправляла всем в доме, ходила на базар, выделяла продукты для повседневного и праздничного стола. Ей помогала старшая сноха или все снохи по очереди.

Самой незавидной была доля младших снох или невесток: «Работать — что заставят, а есть — что поставят». Невестки должны были следить за тем, чтобы в доме все время были вода и дрова; по субботам — носили воду и охапки дров для бани, топили особую печь, находясь в едком дыму, готовили веники. Младшая сноха или невестка помогала париться старшим женщинам — стегала их веником, обливала распаренных холодной водой, готовила и подавала после бани горячие травяные или смородинные отвары («чай») — «зарабатывала себе на хлеб»⁵¹⁵.

Разведение огня, прогревание русской печи, ежедневная стряпня на всю семью требовали от хозяек ловкости, умения и физической силы. Ели в крестьянских семьях из одной большой посуды — чугунок или миски, которые ухватом ставились в печь и им же вынимались из нее: юной и слабой здоровьем невестке с таким делом было непросто

управиться — в этом легко убедиться, разглядывая изображения крестьянского обеда в зарисовках сына придворного конюха И. А. Ерменева («Обед», «Крестьяне за обедом») и И. Я. Меттенлейтера («Деревенский обед», 1786 г.)⁵¹⁶. Старшие женщины в семье придирчиво проверяли соблюдение молодухами традиционных способов выпечки и варки. Всякие новшества встречались враждебно или отвергались. Но и молодухи не всегда с покорностью сносили излишние притязания со стороны родственников мужа. Они отстаивали свои права на сносную жизнь: жаловались, убегали из дому, прибегали к «колдовству»⁵¹⁷.

В осенне-зимний период все женщины в крестьянском доме пряли и ткали на нужды семьи. Когда темнело, усаживались вокруг у огня, продолжая разговаривать и работать («сумерешничали»). И если другие домашние работы падали в основном на замужних женщин, то прядение, шитье, починка и штопка одежды традиционно считались занятиями девичьими. Подчас матери не выпускали дочерей из дому на посиделки без «работы», заставляя брать с собой вязание, пряжу или нитки для размотки⁵¹⁸.

Несмотря на всю тяжесть повседневной жизни крестьянок, в ней находилось место не только будням, но и праздникам — календарным, трудовым, храмовым, семейным. Весело отмечались Святки — с гаданьями, игрой в снежки, колядованием, ряжеными в костюмах и масках. Ряженые женщины чаще всего изображали барынь и цыганок. По части веселья со Святками успешно соперничала Масленица, знаменитая гостеваниями с блинами, катаниями на лошадях и с гор на санках: «...Бабы и девки, засевши целыми кучами, чуть не одна на другую, разряженные и приглаженные, катились с песнями». Излюбленным масленичным состязанием молодежи, в котором принимали участие и девушки, были прыжки через костер. Завершалось празднование Масленицы изобильным угощением блинами. На Троицын день (50-й после Пасхи), в начале лета, девочки и девушки водили хороводы, играли в горелки и русалки, гадали. Исполнение торжественных обрядов, приуроченных к началу или окончанию сева, жатвы, первого выгона скота, также скрашивало будни крестьянок⁵¹⁹; по словам автора

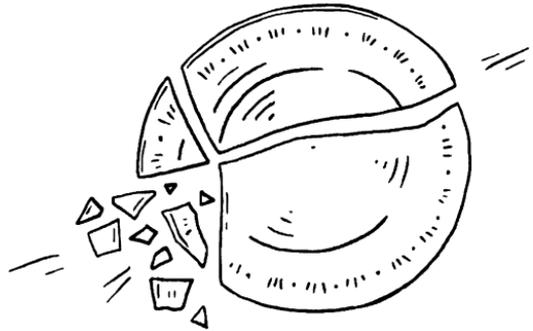
«Дневных записок» (1768 г.) Ивана Лепехина, они «облегчали труд простым своим пением»⁵²⁰.

Крестьянские девушки, да и молодые замужние женщины нередко участвовали в вечерних гуляньях, посиделках, хоровах и подвижных играх, где ценилась быстрота реакции. «Считалось большим срамом», если участница долго водила в игре, где надо было обогнать соперницу. Поздним вечером или в ненастье подружки-крестьянки (отдельно — замужние, отдельно — «невестящиеся») собирались у кого-нибудь дома, чередуя работу с развлечениями⁵²¹.

В деревенской среде больше, чем в какой-либо другой, соблюдались обычаи, выработанные поколениями. Русские крестьянки XVIII — начала XIX в. оставались их главными хранительницами. Новшества в образе жизни и этических нормах, затронувшие привилегированные слои населения, особенно в городах, оказали очень слабое влияние на повседневный быт представительниц большей части населения Российской империи.

Глава VI «Не люб муж — да куды его деть?»

Прекращение замужества
и право женщины на развод

Во-первых, прекратить брак могла смерть одного из супругов («Жена связана законом, доколе жив муж ее. Если же муж ее умрет, свободна выйти за кого хочет...»). С XVIII в. связаны значительные изменения в институте вдовства. По указу 1714 г. ликвидировались все различия в землевладениях и вдовы получили право и на значительную часть недвижимости, и на вдовье обеспечение (в петровское время его называли «вдовьим пенсионом»)⁵²². Если после смерти мужчины выяснялось, что сразу несколько женщин претендуют на роль вдовы, то законодатель должен был определить, какая из них является законной женой — ей и полагалось вдовье обеспечение⁵²³. За

четвертой женой (даже если были дети) статус вдовы не признавался. Со второй четверти XVIII в. возникла практика помещения вдов в монастыри (во времена Анны Иоанновны был введен, правда, возрастной ценз для таких женщин: «не ниже 50 лет, или увечные, или собственного пропитания не имеют»)⁵²⁴.

Во-вторых, способом прекращения брака — и весьма распространенным — было пострижение от «живого» мужа, символизировавшее смерть: не физическую, а мирскую. При этом уход в монастырь при живом муже рассматривался в XVIII в. как посягательство на святость брачных уз. Иначе трудно объяснить введение возрастного ценза: постригать стали только после 50–60 лет и в случае, если дети от брака достигли совершеннолетия. Разрешение в таком случае должен был давать Синод. Петр I и последовавшие за ним правительницы неодобрительно относились к уходу в монастырь молодых, здоровых людей⁵²⁵. Многие русские юристы XIX в. видели в пострижении не прекращение брака само по себе (этой точки зрения придерживался, например, крупнейший специалист по Кормчим книгам А. С. Павлов), а лишь повод к разводу (так полагали А. И. Заговорский, К. П. Победоносцев, А. А. Завьялов)⁵²⁶.

Опасения, что за пострижениями нестарых женщин стоят какие-то расчеты, причем, как правило, расчеты мужчин в ущерб женским интересам, были нередко справедливы. По документам, представленным в Синод, можно сразу же выделить группу актов, связанных с разводом и желанием жениться на другой женщине или с насильственным изъятием у жены приданого через ее пострижение⁵²⁷. Так, брауншвейгский резидент Вебер в 1716 г. описал в своем дневнике посещение Вознесенского девичьего монастыря под Москвой, где томились в заточении многие женщины, заключенные туда мужьями. «В этой стране, — резюмировал он, — сделать это совсем не трудно. Русские женщины живут в большой зависимости, положение их рабское, и мужья держат их так строго, что многие питают страх к брачному состоянию и охотнее избирают монастырь...» Известно, что князь А. В. Долгоруков в 1721–1722 гг. пытался заставить жену постричься в монахини. Но его жена, урожденная

княжна Шереметева, весьма стойко отстаивала свои права — она сумела получить развод и уехала к родителям. Опротестовав действия А. В. Долгорукова, она сумела даже добиться возвращения ей приданого⁵²⁸.

Чтобы прекратить злоупотребления (например, в 1726 г. чиновник Белгородской провинции Пархомов постриг жену и вступил в брак с «вдовой Колтовской», с которой состоял ранее в «прелюбодейной связи»; Синод расторг брак Пархомова и запретил ему жениться вновь)⁵²⁹, в «Прибавлениях» к Духовному регламенту был введен запрет на замужество (женитьбу) оставшегося в миру супруга, но исполнялся этот запрет далеко не всеми: специальное разрешение Синода позволяло его нарушать⁵³⁰. Так или иначе, но в XVIII в. пострижение юной девушки в монастырь стало редкостью, а число монастырей резко сократилось.

Признать брак недействительным могли в XVIII в. только церковные власти — при нарушении брачного возраста, заключении четвертого брака без специального разрешения, двоемужестве (двоеженстве), обнаружившемся после венчания⁵³¹, а также в случае заключения брака в запрещенной степени родства или свойства. Однако «возрастной ценз», определенный церковными правилами, соблюдался настолько редко, что за столетие с небольшим его пришлось менять, и не раз. Четвертое замужество у женщин хотя и реже, чем четвертая женитьба у мужчин, но тоже встречалось. Случаи двоебрачия, когда жены жили годами в разлуке с мужьями (ибо закон о рекрутской повинности предусматривал 25-летний срок службы), были частыми⁵³² — но, разумеется, не в «благородном» сословии. Наказания за заключение брака от «живого мужа» были различные: прежде всего — возвращение к законным мужьям, реже — ссылка в монастырь⁵³³. Священника, заключившего противозаконный брак «от живого мужа», могли лишиться сана⁵³⁴.

Наконец, обнаружившееся родство супругов тоже далеко не всегда приводило к расторжению брачных уз. В 1727 г., например, Синод разбирал дело о тридцати шести смоленских дворянах, женившихся в различных запрещенных степенях родства и имевших (в силу давности события) не толь-

ко детей, но и внуков. Чтобы выйти из затруднительного положения, Синод не расторг эти браки, но зафиксировал их недействительность. Или другой пример. Князь Михаил Друцкой-Соколинский и его жена состояли в четвертой степени родства, однако они сумели доказать, что хотя «родство и в четвертой степени, но трехродное» (то есть объединившее не два рода, а три, а это уже разрешалось Кормчей книгой), проявив тем самым бóльшую осведомленность в нюансах определения родства, чем архиепископ⁵³⁵.

Право россиянок на расторжение брака (развод), зафиксированное еще в правовых актах XII—XV вв., получило в рассматриваемый «просвещенный век» дальнейшее развитие. Взгляды общества на отношения между супругами хотя и медленно, но менялись. Любопытно, например, что с 1722 г. Синод («крайняя духовных дел управа» — то есть высшая апелляционная инстанция по делам о расторжении брака) легализовал временное разлучение как промежуточную форму между браком и разводом. Оно не давало права снова вступить в брак, но было компромиссом при разрешении семейных разногласий. В крестьянском обычном праве развод допускался, но один раз⁵³⁶.

Иностранцы, прибывавшие в Россию начала XVIII в. из католических стран, где развод был вообще запрещен, с удивлением писали о том, что в России «развод очень обыкновенен и происходит из-за очень неважных причин». Курляндец Яков Рейтенфельс отметил, в частности, что «развод (в России. — *Н. П.*) часто бывает из-за пустяков, по бракоразводным грамотам и по приговору священника». В данном случае, однако, заезжим путешественникам привиделась «обыкновенность» расторжения брака — как это часто бывает с авторами путевых заметок, они, сталкиваясь с эксцессами, были склонны описывать их как обычаи⁵³⁷.

Случалось, хотя и не часто, что супруги сами договаривались не жить больше вместе и не обращались за разводной грамотой к священнику, а просто давали друг другу при свидетелях «письмо», что не имеют взаимных претензий. Приходские священники склонны были санкционировать подобные полюбовные разводы, но церковное руководство резко осуждало их и требовало наказывать «тяжким штра-

фом» и епитимьями (вплоть до «лишения священства») тех «духовных отцов», которые трезво смотрели на печальные перспективы брачного сожителства людей, решившихся расстаться. Им было велено «в таких разводах рук отнюдь не прикладывать» (1730 г.)⁵³⁸. Судя по тому, что через тридцать лет указ пришлось повторить, священнослужители мало обращали на него внимание и по-прежнему давали согласие на полюбовные разводы. Однако спустя полвека (в середине XIX в.) информаторы РГО уже отмечали, что «добровольное прекращение брачного союза с согласия обеих сторон — исключение»⁵³⁹.

С разводами по инициативе одного из супругов дело обстояло еще сложнее. Развод во все времена был делом долгим и хлопотным: необходимо было подать прошение в духовную консисторию «об увольнении от супружества», решение принималось по суду, а разводящиеся считались подсудимыми. Процесс развода носил состязательно-обвинительный характер. Порой бывшие супруги мирились за время судебной волокиты и подавали прошение о прекращении дела — в этом случае они оба давали «крепкое ручательство о согласной жизни» и подтверждали письменно, что помирились добровольно и искренне. Такого рода ситуация сложилась в семье дворян Балакиревых, где муж подал прошение о разводе в 1735 г. «по причине важной вины — прелюбодеяния жены», однако, как сообщается в тексте постановления Синода, «прощением Балакирева вина оная упразднилась и брак утвердился»⁵⁴⁰.

В крестьянской среде официальные разводы случались, но достаточно редко (отсюда берут происхождение поговорки типа «Жена не сапог — не скинешь!», «Не любя жена — да куды ж ее деть?», «Жена не гусли — поиграв, на спичку не повесишь»⁵⁴¹). В привилегированном сословии развод тоже был явлением нечастым, а уж без разрешения, выданного священником (разводной грамоты), просто невыполнимым. Тем не менее число бракоразводных процессов, относящихся к XVIII в. (это касается всех слоев населения и сословий тогдашней России), было немалым. Это подтверждает и мемуарная литература⁵⁴². На основании свидетельств, почерпнутых из памятников личного происхожде-

ния, и документального материала можно сделать выводы о приоритетных и менее значимых поводах к разводу.

Обращает на себя внимание расширение их числа. Как и в прежнее, допетровское, время, бремя и горести супружества основанием для расторжения брачных уз не были. На первом месте в «списке» по-прежнему стояло прелюбодеяние. При этом, как и ранее, формальное равенство супругов в праве просить о разводе по вине любодейния, зафиксированное Кормчей книгой⁵⁴³, оспаривалось Правилами Василия Великого (которые и брались за основу русского бракоразводного права): «...соблюдавший не отлучается от сожителства с женою своею, и жена должна принять мужа своего... но муж оскверненную жену изгоняет из дома». Сам Василий Великий (330–379) прокомментировал это так: «Причину сему дати нелегко, но тако принято в обычаи»⁵⁴⁴.

Разводы по причине супружеских измен были самыми частыми. Под понятие супружеской измены Синод подвел «прелюбодейство», «побеги или самовольные друг от друга отлучки», «посягательство жен в отсутствие мужей за других» и «также мужех в подобных тому винах являющихся». Однако сам Синод оставался инстанцией лишь апелляционной, а решение о том, развести ли супругов или присудить им жить в браке, вплоть до 1805 г. принимали епархиальные власти. Они же и допрашивали «подсудимых» (разводящихся), а также лиц, «состоявших с ними в преступной связи»⁵⁴⁵.

Документальный материал, отложившийся в архиве духовной консистории по различным уездам Российской империи за 1700–1815 гг. и характеризующий права представителей разных социальных слоев на расторжение брака, дает основания для утверждения лишь о частичной дискриминации женщин. Женщины так же, как и мужчины, имели право подать прошение о разводе в случае неверности мужа, но и сами вели себя отнюдь не всегда в соответствии с христианской заповедью «Не прелюбодействуй». Вряд ли случайно возникли поговорки типа «За нужу с мужем, коли гостя нет»⁵⁴⁶, «Чуж муж мил — да не век с ним, а свой постыл — волочиться с ним»⁵⁴⁷. Однако женские измены наказывались строже. Число прошений о разводе, поданных мужьями, превышало число прошений от женщин. Прошения

женщин к тому же удовлетворялись редко⁵⁴⁸. Мужчины, прося о разводе, как правило, имели в виду заключение нового брака (хотя далеко не всегда получали разрешение жениться вновь⁵⁴⁹); женщины подобным образом свой развод никогда не мотивировали.

Шведский пастор Г. Седерберг, описывая виденное им в России в 10-е гг. XVIII в., утверждал, что в семейной жизни русских нарушение верности — дело обыкновенное, «исключая случаи, когда мужнюю жену совсем увезут и возьмут в сожителство; тогда похититель наказывается кнутом». Однако в реальности так дело обстояло не всегда: подчас наказывалась плетью вступившая «в блудное сожитие» жена, а вовсе не ее похититель, не говоря уже о «смертных побоях» жен оскорбленными мужьями⁵⁵⁰.

Общественное мнение в отношении разводов «по вине любодеяния» не было единым. Сообщения о разводах супругов-дворян в мемуарах, особенно «поздних» по времени написания (начала XIX в.), носят сдержанный характер («хлопотал о разводе...», «они скоро разъехались...», «он женился на отпущеннице...»⁵⁵¹). В то же время в текстах воспоминаний можно прочесть и о том, что в конце XVIII в. «развод... считался чем-то языческим и чудовищным... Сильно возбужденное мнение большого света обеих столиц строго осуждало нарушавших закон...»⁵⁵². О большом количестве случаев незаконного сожителства и супружеских измен в среде высшей столичной знати говорят каждый по-своему французский посланник в России в 80-е гг. XVIII в. граф Л. Ф. де Сегюр⁵⁵³ и историк М. М. Щербатов в сочинении «О повреждении нравов в России».

В числе наиболее скандальных связей, приведших к формальному разрыву супружеских отношений, упоминаются «распутства» княгинь А. С. Бутурлиной, А. Б. Апраксиной (урожденной Голицыной), Е. С. Куракиной; «а ныне, — сетовал М. М. Щербатов — их можно сотнями считать»: «Жены начали покидать своих мужей... Иван Бутурлин, а чей сын не знаю, имел жену Анну Семеновну, с ней слюбился Степан Федорович Ушаков, и она, отошед от мужа своего, вышла за своего любовника, и публично содеяв любодейственный и противный сей церкви брак, жили. Потом Анна Борисов-

на... рожденная княжна Голицына, бывшая же в супружестве за графом Петром Алексеевичем Апраксиным, от него отошла... Еще Петр Великий... позволил князю Н. И. Репнину иметь метрессу и детей ее, под именем Репнинских, благородными признал. Также князь И. Ю. Трубецкой... имел любовницу в Стокгольме... и от нее сына, которого именovali Бецким... Выблядок князя В. В. Долгорукова Рукин наравне с дворянами был производим. Алексей Данилович Татишев, не скрывая холопку свою, отнявшую у мужа жену, в метрессах содержал, и дети его дворянство получили. А сему подражая, толико сих выблядков дворян умножилось, что повсюдова толпами их видно. Лицины, Рапцовы...»⁵⁵⁴

Придворные дамы вообще мало считались с церковными нормами и меньше всего думали об опасностях оказаться «пущенницами». Бастардов обычно записывали «в одном звании с их воспитателями, если сии последние не из дворян»; для получения дворянского статуса требовалось, правда, специальное решение, но его получали. Любопытно мнение одной современницы, писавшей, что некая особа «пренебрегала всеми приличиями по желанию и по влечению и говорила, что ее муж, как страус, воспитывает чужих детей...»⁵⁵⁵. Все знали, что развод не обречет этих дворянок на нищету: по суду после развода разводящаяся женщина формально могла добиться получения весьма внушительной части состояния мужа в качестве «выдела» себе из общенажитого имущества («седьмой части имений и четвертой части движимости и капитала»⁵⁵⁶).

Значительное количество разводов в XVIII в. было связано с безвестным отсутствием одного из супругов в течение длительного времени. Начиная со времен Северной войны и на протяжении всего XVIII столетия Россия неоднократно участвовала в военных конфликтах, которые сопровождались массовыми наборами в армию и флот крестьянского и посадского населения. Отсутствовали подолгу и некоторые представители дворянских фамилий. Наборы в рекруты в деревне всегда сопровождались личными драмами, в том числе женщин — матерей, сестер, невест. Разлученные со своими супругами, женщины нередко выходили замуж вторично (речь идет в первую очередь о тех, кто не мог обмени-

ваться письмами и известиями). Церковь старалась не допустить распространения подобных браков: «Женам, мужья коих находятся в безвестной отлучке, можно дозволить вступить в новый брак только тогда, когда будет установлен факт смерти первого мужа...»⁵⁵⁷. Однако во второй четверти XVIII в. вошло в практику «расследование» архиепископом длительности безвестного отсутствия супруга с последующим разрешением выходить замуж повторно. Если супруг, ранее числившийся безвестным, возвращался, он мог требовать жену назад. Так что развод давался лишь на определенное время. Женщины обращались в Синод за разрешением на новый брак, как правило, спустя 7–10 лет после исчезновения мужа⁵⁵⁸. Кормчая книга признавала безвестным отсутствие мужа даже в течение 5 лет. Однако в случае, если женщина, воспользовавшись безвестным отсутствием мужа, выходила замуж вторично, а супруг возвращался и — нашедши бывшую жены замужем за другим — сам тоже женился повторно, его второй брак признавался, а замужество «нетерпеливой женки» осуждалось и расторгалось. В одном из таких дел Синод присудил посягнувшей на личное счастье «оставаться безбрачною по смерть первого ея мужа»⁵⁵⁹.

Несколько активнее, если судить по делам, отложившимся в архиве Синода, стало использоваться право супругов развестись, если один из них не способен к брачному сожительству. «Брак от Бога установлен есть ради умножения рода человеческого», — рассуждал законодатель, поясняя, что с больным человеком «надеяться на это весьма отчаянно». Кормчая книга устанавливала для проверки способности супругов к брачному сожительству трехгодичный «испытательный срок»; супруги же ставили вопрос о расторжении бесплодного брака, как правило, много позже. Однако из нескольких обнаруженных нами дел лишь одно завершилось расторжением союза. В начале XIX в. для женщины в случае развода добавились новые сложности: разводящаяся должна была доказать, что импотенция мужа «началась прежде брака» и, следовательно, просительница находится «в девственном состоянии» (представив свидетельство, полученное через врачебную управу). Разумеется, охотниц

доказывать таким образом свое право на расторжение брака практически не находилось⁵⁶⁰.

К группе разводов по причине физической неполноценности примыкали и появившиеся в XVIII в. разводы «за старостью и болезнями». Так, супруги Вяземские, прожив вместе 18 лет, попросили развести их именно по этой причине — и Синод просьбу удовлетворил⁵⁶¹, мало заботясь о том, что подобный акт уменьшал значение христианского брака как союза духовного, заключаемого для взаимопомощи людей. И случай с Вяземскими не единственный такого рода. Но все-таки чаще развод «по причине болезни» был невозможен, какой бы тяжелой и «неисцельной» (в том числе и «канцерозной», от *cancer* — рак) эта болезнь ни была⁵⁶². Исключения составляли венерические заболевания: если подавшая прошение о разводе могла доказать связь заболевания с прелюбодеянием, супружеской изменой — прошение удовлетворили⁵⁶³.

Новым поводом к разводу, узаконенным в 1720 г., стала вечная ссылка одного из супругов. В 1753 г. при Екатерине II вечная ссылка была приравнена к одному из видов прекращения брака: законодательно обосновывалось право женщины в случае развода по этому поводу на «свою часть» (равную вдовьей части)⁵⁶⁴.

Следствием все большей активности женщин в делах управления имениями, их хозяйственной самостоятельности стало появление в XVIII в. нового повода к разводу, который А. И. Загоровский сформулировал как «известная степень хозяйственной непорядочности супруга». Однако эта мотивация не всегда признавалась основательной. Известный историк В. Н. Татищев так и не смог развестись с женой, Анной Васильевной (урожденной Андреевской), хотя и обвинял ее в расточительстве имения⁵⁶⁵. Подавали аналогичные прошения и жены. Так, дворянка Татьяна Мусина-Пушкина в 1746 г. обратилась в Сенат с жалобой на мужа, который «посягал» на ее недвижимое имущество да к тому и бил ее, и просила о разводе. Сенат приказал мужу вернуть жене деревни или компенсировать растрату, но супругов не развел⁵⁶⁶.

Жалобы жен на «смертные побои» по-прежнему не служили основанием для развода. Мужья порою били и мучи-

ли жен до увечий, а потом требовали от супруг написания писем о том, что они «скорбят телесною болезнью» и желают принять постриг. Однако, несмотря на распространенность подобных ситуаций, ни Петр, ни последующие правители не придавали значения жалобам жен на мужей. В архивах, сохранивших бракоразводные письма XVIII — начала XIX в., таких дел — сотни⁵⁶⁷. Среди наиболее громких было, например, дело супругов В. Ф. и А. Г. Салтыковых. Муж обвинял жену в неласковости («к милости она меня не привращала»), непокорности, злоязычии («невежничала многими досадными словами») и изменах. Жена мужа — в прелюбодеянии, а также в том, что он ее бил, запрещал есть, не пускал к ней родителей и вообще «содержал в великом поругании». Синод не развел супругов потому, что в Кормчей книге отсутствовал повод к расторжению брака по причине нанесения побоев, и постановил дать временный развод: «другим браком отнюдь не сочетаются и в этом временном разводе пребывать доколе, пока оба не смирятся и купно жить не восхотят...»⁵⁶⁸. Вполне вероятно, что А. Г. Салтыкова как раз и стремилась к разрешению пренебречь обязанностью проживать «купно» с супругом в его имении, чтобы не подвергаться побоям.

В начале XIX в. супруги — особенно в дворянских семьях — стали нередко отказываться от хлопотной и скандальной разводной процедуры и просто разъезжались. Подчас они даже получали специальное согласие Синода «жить особо друг от друга», не вступая в новый брак⁵⁶⁹. Иногда после формального разъезда супруги сохраняли вполне дружеские отношения, как, например, П. Н. Капнист и его жена Екатерина Армановна, урожденная Делонвиль⁵⁷⁰. Но в любом случае женщины не забывали о своих правах и требовали от бывших мужей содержания, а также уплаты всех долгов (ср.: «...генерал Леонтьев, происками своей жены был лишен седьмой части имений и четвертой части движимости и капитала, что — по российским законам — она должна была бы получить только после его смерти...»)⁵⁷¹. Именно в таком положении оказался генералиссимус А. В. Суворов, разведясь со своей супругой — Варварой Ивановной, — Павел I буквально заставил его «исполнить желание жены». Семей-

ные передраги и неуступчивость В. И. Суворовой довели графа до отчаяния, и он обратился к императору с просьбой разрешить ему постричься в монастырь⁵⁷².

Отношение к праву на развод в иных сословиях, кроме привилегированных, по источникам XVIII — начала XIX в. прослеживается с трудом. Вне сомнения, крестьянский уклад жизни предполагал большую строгость, однако и там — в том случае, когда к разводу была основательная причина (иногда даже психологическая: «...с мужем с моим Иваном жить не желаю, потому что ево ненавижу...»⁵⁷³), крестьянский мир разрешал супругам жить врозь. Брак в таком случае считался расторгнутым, и бывшие муж и жена имели право «начинать жизнь сначала». Однако такое решение было редкостью.

Основным поводом к «семейным разстройствам» в крестьянской среде была — как и в среде привилегированных сословий — супружеская неверность. Но церковные и общинные власти, а тем более владельцы крестьян предпочитали не разводить супругов, живущих несогласно, а подвергать наказаниям. Этнограф XIX в. Н. М. Ядринцев полагал даже, что разводы укрепляют «грубость инстинктов» и «буйную сатурналию» чувств в крестьянском быту⁵⁷⁴.

В XIX в. обычными стали разъезды супругов-крестьян вместо разводов по суду. При этом имущество крестьянской семьи «оставалось у того из супругов, с кем жили дети». Веской причиной «на время разлучить» были для крестьян разорение и нищета семьи, когда муж «ни пищую, ни одежею снабдевать (снабжать) не мог»⁵⁷⁵. Однако эта причина как повод к разводу была типична для крестьянского быта Западной Сибири и мало прослеживалась в Европейской России⁵⁷⁶.

Физические недостатки и тяжелые болезни одного из супругов не считались основанием для развода: среди разводных писем XVIII в. встречаются упоминания о разных болезнях, которые мешали «брачному сожитию» («нога правая отгнила и по всему телу великая болезнь», «заражены суши гнилцем и канцеровой болезнью (рак)», «в большее всего тела приходит разорение и смрадное согнтие» и др.), — но ни одно из прошений не удовлетворено...⁵⁷⁷ Оставить

супруга в болезни, одного, на верную смерть считалось нравственно недопустимым. Тем более для крестьян не были поводом к разводу и избияния мужем жены. Власти предпочитали не разводить, а настаивали на том, чтобы супруги сделали попытку «проживать совместно»⁵⁷⁸. Женщины при таком равнодушии к их жалобам либо становились «совершенно покорные» и «послушливые», либо отвечали насилем на насилие («Я-де тебе не поддамся, напротив ево Саву ударила ж рукою и схватав за волосы била головою об стену и лице ногтями сарапала...»⁵⁷⁹); порой они могли решиться и на убийство, и на самоубийство⁵⁸⁰. Часто они бросали ненавистных супругов и пускались «в бега». Мужья в этом случае имели право на возвращение беглых «женок» обратно в семью (что было весьма типично для крестьянского быта). Подобного права — но в отношении беглых мужей — женщины не имели⁵⁸¹.

Но все-таки можно прийти к выводу о том, что, несмотря на частое отсутствие реальной возможности изменить свою судьбу при сравнительно широких формальных правах, российские крестьянки XVIII в. — прежде всего на Урале и в Западной Сибири — все-таки пытались «найти правду».

Начало трансформаций в семейном статусе и повседневном быте женщин всех сословий было связано с именем Петра Великого, реформы которого перевернули старый уклад жизни. Продолжение последовало после смерти Петра, в годы «российского матриархата» (1725–1796 гг.). Обстановка преобразований способствовала формированию в России новых моделей поведения и быта, появлению человека нового времени.

Прежде только родители решали вопрос о замужестве. Исключения были редки. С XVIII в. знакомство будущих невест с их сужеными, равно как и определенный добрачный период, во время которого молодые считались обрученными, стал обязательен. Решение судьбы девушки помимо ее воли стало наказываться по закону. «Укрывание» невесты даже в крестьянской среде превратилось в формальный ритуал. В условиях заключения брака появилось немало нового.

Обнаружилась тенденция к повышению брачного возраста, а неравные в возрастном отношении браки стали осуждаться общественным мнением. Появилась терпимость к смешанным в этническом и конфессиональном отношении бракам. Некоторое время существовал своеобразный «образовательный ценз» для дворян, исключивший возможность выдачи девушки замуж за неуча или физически неполноценного человека. Принцип общего местожительства супругов претерпел существенную коррекцию (заключение брака перестало предполагать обязательность совместного проживания супругов, а тем более проживания непременно с родственниками мужа). В то же время в условиях и порядке совершения добрачных церемоний было немало традиционного. В непривилегированных сословиях сохранились нецерковные формы замужеств. При заключении венчального брака согласие с волей родителей, наличие их благословения были практически обязательными. Соблюдались очередность выдачи замуж дочерей в семье. Практически во всех социальных слоях у женщин наблюдался низкий брачный возраст. Продолжали действовать старые церковные запреты о недопустимости близкородственных браков и нескольких (более трех) замужеств. Соблюдался сословный характер брака, замуж выходили только за «ровней» в том, что касалось материального и социального положения. Соблюдался принцип единой семейной фамилии, и это была фамилия мужа.

Менялись и брачные церемонии, в чем отразились изменения в семейном статусе женщин разных социальных слоев. Церковное венчание стало важной неотъемлемой частью любой свадьбы, в то время как ритуалы, унижающие женское достоинство, постепенно становились либо достоянием прошлого (в дворянской среде), либо ритуализированной игрой (в среде крестьянской).

«Первейшие» мотивы заключения брака (необходимость продолжения рода, фиксация с помощью брака определенного материального и социального статуса) сохранились, но к ним прибавились новые, соответствующие наступившим переменам. В семьях образованных дворян идеалом жены стала не просто и не только «покорная» и «тихая» хозяйка

и мать, но супруга-единомышленница. Новое отношение к женщине нашло отражение в литературе, прежде всего в любовной лирике: индивидуальная интимная привязанность к конкретной избраннице все чаще стала выступать поводом к формальному закреплению супружеских уз. Литература XVIII — начала XIX в. заставила представителей привилегированных сословий признать факт бóльшей эмоциональности женщин, тонкости их натур, факт существования самостоятельного женского мира, его «особости» и отдельности от мира мужчин.

Эмоциональный мир женщин XVIII в. оказался более зависимым от этикетных моделей и запретов, и эта зависимость, по А. С. Пушкину — «расчисленность светил», проступала тем ярче, чем чаще в среде столичного дворянства появлялись «беззаконные кометы», принадлежавшие к появившемуся во второй половине XVIII в. особому типу «модных жен», для которых семья и воспитание детей оказывались как бы на втором плане. Именно «модные жены» убыстрили превращение отклонений в норму, сделав адюльтер сравнительно допустимым элементом повседневного быта, разрешительным в глазах общественного мнения (прежде всего в городах).

Преобразования, результатом которых стало новое отношение к семье и месту в ней женщины, не прошли бесследно и для непривилегированных слоев русского общества. Новшества в быту, образе жизни, внешнем облике, манере поведения углубили пропасть, отделявшую дворянских женщин от крестьянских, «господскую» Русь от «народной». Тем не менее культурные достижения века коснулись и деревни. Это и распространение браков, основанных на личной склонности, и сохранение и даже расширение возможностей развода (особенно в некрепостном сословии), и заимствование из православной концепции брака прежде всего тезиса о взаимных обязанностях и взаимной ответственности супругов, утверждение его в обычном праве.

Эмоциональный мир женщин непривилегированных сословий складывался под воздействием традиционной культуры, а не литературы. Для него были характерны эле-

менты патриархальности, признания формального и фактического главенства отца (мужа), в котором крестьянка видела опору и защиту и которого любила подчас из чувства долга, обязательности жизни «по любви». Тенденция к преодолению средневеково-патриархальных взглядов на «власть» мужа над женой нашла отражение в письмах супругов, для которых характерны любовь и согласие, а отнюдь не конфликтность.

Заметные изменения произошли в семьях всех слоев русского общества и в системе отношений мать — дитя. И это при том, что сохранились традиционные взгляды на вынашивание детей и деторождение как на обязанность женщины, будничное отношение к детским смертям, привычка многодетности и по-прежнему оказывалось предпочтение мальчикам перед девочками. Менялись методы воспитания, особенно в привилегированных сословиях: центр тяжести в них оказался перемещенным на методы убеждения, на ласку и доброту, и здесь оказалась востребованной большая мягкость материнского воспитания в сравнении с отцовским.

К концу XVIII в. произошло осознание ценности детства и естественного воспитания ребенка, установилось нестрогое отношение к подвижным играм и шалостям малышей. Появилась сознательная ориентация дворянок на самостоятельное грудное вскармливание детей, на отказ от кормилиц. Стали заметны признаки кризиса старой системы семейного воспитания: незначительный, но все же наблюдаемый рост межпоколенной конфликтности, оказывающий влияние на статус женщины в семье, увеличение числа случаев воспитания в неродных семьях при живых и обеспеченных родителях, появление альтернативы домашнему воспитанию в виде воспитания и обучения девочек в институтах и пансионах. Огромным шагом вперед были признание необходимости специфики женского образования и первые шаги по реализации его планов. Женщины привилегированных сословий в России XVIII — начала XIX в. стали читать, говорить на иностранных языках, научились красиво двигаться, танцевать и умело поддерживать беседу.

В целом же воспитание матерями детей, особенно девочек, оставалось традиционным. Мать взращивала в ребенке уважение к старшим, в том числе к женщинам, закладывала нравственные основы характера, учила азам грамоты, которые и ложились впоследствии в основу начального образования, дававшегося гувернантками или преподавательницами в пансионах и институтах. Немалую роль играли в русских семьях всех сословий бабушки — хранительницы педагогического и жизненного опыта поколений. Традиционно крепкими оставались в XVIII в. эмоциональные и иные связи матерей с выросшими детьми, поддерживаемые обычным авторитетом материнского слова. Все эти элементы семейного воспитания были равно характерны и для крестьянских, и для купеческих, и для дворянских семей.

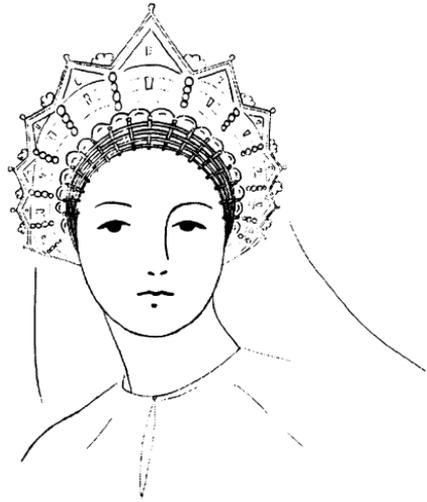
Образ жизни представительниц образованных классов, особенно в городах, стал разительно отличаться от образа жизни крестьянок. Тем не менее нельзя не признать, что изменения и преобразования, коснувшиеся «благородного сословия», сказались и на повседневной жизни женщин из трудовых слоев общества. Правда, проявились они, по сравнению с привилегированными верхами, с некоторым опозданием — примерно к концу рассматриваемого нами периода, в 10-е гг. XIX в. К этому времени стали более явственно заметны перемены, связанные и с бракоразводными процессами.

Традиционное отношение к браку как к нерасторжимо-му семейному союзу претерпело эрозию: об этом говорит и рост числа прошений о разводе (в том числе написанных женщинами), и увеличение положительных решений по ним, и появившаяся терпимость по отношению к разводам в общественном мнении, и большая — по сравнению с предыдущими веками — распространенность разводов в непри-вилегированных сословиях, в том числе по причине длительного отсутствия супруга.

При чтении некоторых разводных писем, написанных крестьянками, а тем более обиженными дворянками, может возникнуть впечатление, что в те времена на востоке Европы набирала обороты эмансипация женщин. Но это иллюзия. Инициаторами развода в России XVIII—XIX вв. выступали

преимущественно мужчины, рассчитывавшие избавиться от старых жен, удержав в то же время их приданое. В подавляющем большинстве бракоразводных дел женщины выступали как страдающая сторона. Тем не менее именно XVIII в. родил в России женщину Нового времени. «Российский матриархат», продолжавшийся с 1725 по 1796 год, то есть почти три четверти века, когда страной управляли почти исключительно женщины, был подготовлен и основан на тех изменениях в повседневном быту и частной жизни россиянок, которые произошли после петровских реформ.

Заключение

Характер частной жизни русской женщины своеобразно соотносится с особенностями эпох. С одной стороны, женщины с их напряженной эмоциональностью, всегда живо и непосредственно впитывали любые новшества, обгоняя подчас свое время. В этом смысле частная жизнь женщины, особенности ее повседневности чутко и точно отражали различные изменения — в частности, в духовной жизни общества. С другой стороны, частная жизнь женщины неизменно отражала и прямо противоположные свойства женского характера. Женщина — невеста, жена, мать, хозяйка дома — всегда была крепко связана с вневременными свойствами человека, с тем, что шире и глубже событийных отпечатков эпохи. И в этом смысле ста-

туса женщины в семье, взгляды на ее место и роль в обществе, особенности ее собственного мировосприятия отражали не новое, но традиционное, а зачастую и консервативное. Взаимозависимость частной жизни женщин и культуры эпохи была, таким образом, противоречивой, неоднозначной и, можно сказать, гибкой.

Анализ частной жизни и повседневного быта женщины в период становления русской государственности (X—XI вв.), ее развития (XII—XV вв.), формирования автократической системы (XVI—XVII вв.), а также в эпоху «европеизации» (XVIII — начало XIX в.) приблизил нас к пониманию своеобразия общественной мысли и культуры допетровской России, истории развития духовности, пролил свет на влияния, которые перечисленные эпохи оказывали на женский характер, на отношение к женщине в обществе.

Женский мир доиндустриальной эпохи весьма отличен от мужского. Женщины — за исключением некоторых, особенно деятельных и социально амбициозных представительниц царского и великокняжеских домов — были ограничены в возможностях проявлять свои таланты, особенно в таких сферах, как администрирование, внешняя политика, экономическое управление. «Прекрасный пол» был полностью исключен и из сферы военного дела. Однако женщины опосредованно влияли на сферы мужского господства, воодушевляя мужей, отцов, сыновей, братьев на различные поступки, обсуждая их успехи и неудачи на службе. Иногда они прямо вмешивались «не в свои», мужские дела. Такое вмешательство способствовало взаимопроникновению частной и публичной сфер, их «перетекание» друг в друга, «меняло окраску» событий и явлений, превращало факты жизни общественной — в факты жизни индивидуальной, частной, и наоборот. В сфере же непубличной — дома, в семье, где формировались эмоциональные связи и отношения, рождались и воспитывались дети, где в доиндустриальную эпоху производились и распределялись предметы первой необходимости, — женщины играли первостепенную роль.

Родственники (близкие и далекие), воспитатели и няни, слуги, соседи, «отцы духовные», друзья — вот тот круг, который определял и ограничивал пространство частной жиз-

ни женщины. Отношения с мужчинами в процессе выбора брачного партнера, в повседневном быту, ежедневном и праздничном общении, в работе и на досуге, «взаимопритяжения» в интимной сфере, супружество и его оттенки оказывали более или менее равнозначное влияние на частную жизнь женщин всех социальных слоев. Впрочем, и межличностные контакты вне семьи также создавали особое, трудно локализуемое в материальном мире пространство отношений и связей, отделенных от публичной сферы.

Реконструкция частной жизни женщин стала возможной благодаря сопоставлению документальных, фольклорных, литературных (светских и церковных) памятников со свидетельствами источников личного происхождения — письмами и мемуарами. Она позволила представить «идеал» и «реальность», которая этот идеал «проверяла» и одновременно формировала.

К концу XVIII в. определяющим в содержании частной жизни женщины в любой семье, любого социального слоя стало стремление быть необходимой, нужной, полезной для всех близких (от мужа и детей до соседей и любовников), подчас даже служить своеобразным «оберегом», хранительницей семейных устоев. Отчасти это стремление стимулировалось идеей взаимных обязательств, которые навязывались установлениями обычного и писаного права. Но все-таки в большей мере женщины — матери, жены, сестры, дочери, любимые — становились вторым «я» для своих близких по зову сердца, по добровольной, эмоционально обусловленной потребности.

В ранние эпохи — в X–XV вв. — такой эмоционально обусловленной потребности у женщин не существовало. Хотя, как показывают источники, присутствие самой сферы личного обособления — частного, интимного, сокровенного в мыслях, чувствовании и в поведении — характерно уже для эпохи Средневековья. Анализ женской повседневности показал, что супругам и матерям, сестрам и бабушкам постоянно приходилось принимать решения: как реагировать на просьбы близких, как строить отношения с родственниками, как находить своего единственного, «суженого», как называть любимое «чадо» и т. д. Разумеется, на все эти слу-

чаи жизни имелись рекомендации обычаев и законов. Однако в частной сфере предписания их не всегда были жесткими, и потому возникали возможности для совершения необычного поступка. Различные по типам и видам исторические источники позволяют утверждать, что все факты принятия женщинами решений — от важнейших, способных определить дальнейшую судьбу (замужество) до мелких, повседневных, малозаметных в своей мимолетности и потому лишь вскользь упомянутых — безусловно значимы для исследователя частной сферы. Были среди них такие, что совпадали с «нормой», с этической системой, и — особенно! — такие, что выступали за ее рамки, являясь отклонениями от общепринятого. Они-то и меняли привычное, «взрывая» его.

Сквозь призму повседневной жизни женщин, их житейского быта оказалось возможным разглядеть эволюцию мира чувств — самих женщин и общества в целом, его обогащение новыми переживаниями, усложнение за счет новых устремлений и освобождение от догм. Женские заботы и тревоги, которые лишь на первый взгляд кажутся «одинаковыми» во все времена и столетия, предстают окрашенными многообразными эмоциями. «Призма повседневности» позволила отойти от традиционного метода сбора разрозненных сведений о близких участницах событий и перейти к исследованию частной жизни как к истории конкретных лиц, пусть даже вовсе не именитых и не исключительных. Одни жизненные истории, или, точнее, некоторые детали и эпизоды из них, характеризуют ведущую — для данной эпохи — тенденцию, стереотип. Другие отвергают этот стереотип, выглядят исключительными и позволяют размышлять о мотивах пренебрежения общепринятым, о психологических импульсах, которыми руководствовались женщины, вступая, например, во второй и последующий браки (в то время как они осуждались церковной этикой), решаясь на адюльтер или проявляя нехарактерную, нетипичную теплоту и нежность в отношениях с близкими, прежде всего с детьми (которые запрещались, например, Домостроем).

Выявление «переклички» традиционных и нестандартных поступков, как осознанных, так и бессознательных,

позволяет представить механизм принятия решений, в частности — как определяли женщины допустимость (или недопустимость) того или иного нарушения традиции, как оно влияло на их частную жизнь и женские судьбы. Собранных данных оказалось достаточно, чтобы утверждать значимость семейной жизни для женщин всех социальных категорий. Православные постулаты оказали, конечно, исключительное влияние на отношение к семье и браку как моральной ценности, однако и в народной традиции согласная семейная жизнь была нравственным императивом. Исключительную роль играло в личных судьбах женщин материнство. Отношения матери с детьми традиционно характеризовались значительной теплотой и эмоциональной насыщенностью.

С течением времени определенная часть женщин стала лишь формально признавать свою «второстепенность» в семье, сочетающуюся с деятельным участием в функционировании домохозяйства. Это, однако, не мешало женам, сестрам, матерям по-прежнему видеть в мужьях, братьях, сыновьях близкие, родственные души, нуждающиеся в поддержке и участии.

Пристальное внимание к источникам — не только к тому, *что* в них написано, но и к тому, *как, какими словами* это выражено, — позволило понять, какое исключительное значение для общественного сознания имели перемены в отношении к женщине, вызванные существованием и все более частым появлением на общественной арене деятельных женских личностей. Дошедшая до нас переписка неопровержимо свидетельствует о том, что развитие умонастроений в направлении признания значимой роли женщины в обществе было необходимым шагом в процессе становления женского самосознания.

Изменения в повседневном, в том числе семейном, быте — начавшиеся «сверху», с привилегированных и образованных сословий, — постепенно проникали и в другие социальные слои. Новые формы общения и проведения досуга сломали в XVIII в. остатки затворнического уединения. Женщины в российских семьях получили постепенно «право голоса». Это заметно по мемуарам и письмам, по литературным

произведениям. И все же этот голос оставался негромким, ненапористым, непритязательным, как и сам эмоциональный мир образованной русской женщины «осмнадцатого» столетия. Формировавшийся как сфера скрытого и сокровенного, женский эмоциональный мир оставался и в начале XIX в. скованным условностями социальных ожиданий и религиозно-нравственных норм.

- ¹ Коллинз. С. 3; Рейтенфельс. С. 176; Стрейтс. С. 169.
- ² Иностранцы путешественники конца XVII в., если и видели что-то новое, предпочитали «не замечать» его: общей традицией всех путевых заметок является «помещение уточнений в рамки уже известного», как бы «переписывание» сообщений предшественников. Подобное повторение сведений было тогда критерием их истинности. См.: Donnert E. Bemerkungen zur ausländischen Russlandkunde am Beginn der Neuzeit // Zeitschrift für Slavistik. Berlin, 1969. В. XIV. Т. I. S. 40; Leitsch W. Probleme beider Edition von Herbersteins Moscovia // Siegmund von Herberstein Kaiserische Gesandter. Graz, 1989. P. 165.
- ³ Шлейссингер. С. 109; Давид. С. 141.
- ⁴ Русский быт. Ч. I. С. 64.
- ⁵ ПСЗ. Т. IV. № 1771.
- ⁶ Куракин Б. И. Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная // Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1899. Кн. I. С. 257.
- ⁷ Гребенюк В. П. Публичные зрелища петровского времени и их связь с театром // Новые черты в русской литературе и искусстве XVII — начала XVIII века. М., 1976. С. 134.
- ⁸ Щербатов. Сочинения. Т. II. С. 151–152.
- ⁹ ПСЗ. Т. V. № 3241.
- ¹⁰ Перри Дж. Записки о бытности в России с 1698 по 1715 г. // Русский быт. Ч. I. С. 56.

- ¹¹ Берхгольц Ф. В. Ассамблея у гр. Матвеева // Русский быт. Ч. 1. С. 129.
- ¹² Макаров. О времени обедов, ужинов и съездов с 1792 по 1844 г. // ШСб. М., 1903. Вып. 2. С. 2.
- ¹³ Берхгольц. С. 80.
- ¹⁴ См.: Вебер. Стб. 1423.
- ¹⁵ Рабинович. С. 252–259.
- ¹⁶ Берхгольц. С. 35, 50.
- ¹⁷ Виншлер М. Записки // РГАДА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–5, 8, 22.
- ¹⁸ См. подробнее: Семенова. С. 206.
- ¹⁹ Янькова. С. 29.
- ²⁰ Екатерина II. Увеселения при дворе (Из «Записок») // Русский быт. Ч. 1. С. 322; «Он вместе с моей матерью охотно посещал театр, оперу и драматические представления...» — вспоминал о своих родителях Н. Вишняков (Вишняков, С. 81).
- ²¹ См. Берхгольц Ф. В. Придворный театр герцогини Мекленбургской. Комедия в Москве и Петербурге // Русский быт. Ч. 1. С. 143–145, 147, 148; Бассевич. С. 146.
- ²² Долгорукова. С. 43.
- ²³ Скалон. С. 356.
- ²⁴ Скалон. С. 359.
- ²⁵ Вишняков. С. 50; Полилов. С. 101.
- ²⁶ Полилов. С. 41; ср.: «Приходила к маменьке сноха... Вы, Катерина Юльевна, по дорожке с Юлинькой променаж делать будете, а я около жениха постою и ему на вашу невесту укажу... Я готова была заплакать. Меня, как вещь, кому-то будут показывать... Он уставился пристально на меня по указанию свахи...» (Полилова. С. 91).
- ²⁷ Вишняков. С. 51; Рабинович. С. 294; Полилов. С. 42; Полилова. С. 90.
- ²⁸ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 8 (Владимирский уезд). Л. 22об. — 23; Там же. Д. 23 (Меленковский уезд). Л. 20; Там же. Д. 47 (Муромский уезд). Л. 4; Там же. Д. 59 (Шуйский уезд). Л. 3; Д. 1884 (Шуйский уезд). Л. 2.
- ²⁹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 1. Л. 20–20об.; Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1878. С. 210–211; Фукс В. О сводных браках в историческом отношении // Этнографический сборник, издаваемый РГО. СПб., 1862. № 5.
- ³⁰ См., напр.: РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 4. Л. 127об.
- ³¹ Шлейссингер. С. 115–116; Долгорукова. С. 43.
- ³² Николева. № 10. С. 137. Листовский. С. 286.
- ³³ Шипов Н. История моей жизни. М. — Л., 1933. С. 368.

- ³⁴ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 40 (Меленковский уезд). Л. 2; Д. 59 (Шуйский уезд). Л. 1—1об. [приведены данные информаторов бюро князя В. Н. Тенишева середины XIX в., однако могущие характеризовать семейный быт XVIII в.].
- ³⁵ Быт. С. 239.
- ³⁶ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. XIV. М., 1986. С. 478.
- ³⁷ КК. № 38, 42. С. 224—229.
- ³⁸ Детальные прориси обряда родительского благословения оставили русские художники-жанристы второй половины XVIII в. См., напр.: Екимов А. П. Благословение при сговоре крестьянской свадьбы // Брук. С. 183. Ил. 145.
- ³⁹ Липинская В. А., Сафьянова А. В. Свадебные обряды русского населения Алтайского округа // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л., 1978. С. 186; Миненко. С. 202.
- ⁴⁰ Крюкова. С. 110.; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1464. Л. 16; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1464. Л. 10; Лабзина. С. 31.
- ⁴¹ Долгорукова. С. 51.
- ⁴² По решению Стоглава: ААЭ. Т. IV. Т. 155. С. 206; ПСЗ. Т. VI. № 4081. П. 7; № 3963.
- ⁴³ Вильмот Кэтрин. С. 376.
- ⁴⁴ Купец Н. Вишняков, рассказывая о браке отца в 1826 г., упомянул сговор за пять дней до свадьбы. См.: Вишняков. С. 51.
- ⁴⁵ ПСЗ. Т. IV. № 1907. Обручение должно было проводиться за 6 недель до венчания. Если брачащиеся за этот период отказывались от своих намерений, никаких имущественных санкций это не влекло. (ПСЗ. Т. XII. № 9088). С 1744 г. все дела о расторжении обручения должны были проходить через Синод.
- ⁴⁶ ПСЗ. Т. XX. № 14357; Головина. С. 8 (обручена в июне, обвенчалась в октябре 1786 г.).
- ⁴⁷ ПСЗ. Т. VII. № 4406; Бердников П. С. Форма заключения брака у европейских народов // Православное обозрение. 1888. № 3; Суворов А. Курс церковного права. СПб., 1891. Т. 2. С. 255—346; Развитие русского права второй половины XVII—XVIII вв. С. 153.
- ⁴⁸ ПСЗ. Т. IV. № 1907. ОААНл. Т. 1. Стб. 757—758.
- ⁴⁹ Подробнее см.: Цатурова. С. 6—20.
- ⁵⁰ Берхгольц. С. 35.
- ⁵¹ ПСЗ. Т. VII. № 4406. С. 197 (Указ от 5 января 1724 г.).
- ⁵² См.: Соловьев С. М. История России. Кн. VII. М., 1962. С. 478.
- ⁵³ Известный промышленник и публицист петровского времени Иван Посошков, наставляя сына в том, как ему искать жену,

- заканчивал свои пожелания словами: «То добро и свято, если вы оба из воли и любви сошлись...» (Посошков. С. 19). Ср. сомнения по этому поводу у Ф. Прокоповича (Прокопович Ф. Первое поучение отрокам. СПб., 1721. Л. 12об. — 13) и поддержку ненасилственных браков Д. Кантемиром: «...грешат родители насилем детей своих браком с таковыми сопрягающими, от каковых и возраст и естества склонность и страсти душевные их отвращают...» (РО РНБ. Собрание Толстого. № 433. Л. 59)
- ⁵⁴ Отмена петровского указа: ПСЗ. Т. XX. № 14356.
- ⁵⁵ Винский. С. 117. А. Н. Радищев, иронизируя над «милосердием господ», также привел примеры подобных наказаний (Радищев. С. 296—297).
- ⁵⁶ Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. М. — Л., 1938. Т. 1. С. 373; Ломоносов М. В. Сочинения. М. — Л., 1961. С. 468.
- ⁵⁷ Подробнее см.: Александров. С. 304—305; Семенова. С. 44—46.
- ⁵⁸ Наказ для ярославских вотчин князя М. М. Шербатова 1758 г. // Материалы по истории сельского хозяйства. М., 1965. Вып. VI. С. 460. Волинский А. П. Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень // Памятники древней письменности. СПб., 1881. Т. XV. С. 19.
- ⁵⁹ Российский архив народного хозяйства (СПб.). Фонд Шереметевых. Картон Останкино. Книга подлин. повелен. 1796 г. Л. 34—38.
- ⁶⁰ Александров. С. 304.
- ⁶¹ Из переписки помещика с крестьянами во второй половине XVIII в. // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1904. Ч. VI. С. 35—37 (№ 37).
- ⁶² Одна из историй описана Радищевым (Радищев. С. 216—217). Браки крестьян по любви в вотчинах Шереметевых допускались как исключение; «с тех, кто женится на посторонних, — распорядился князь Н. П. Шереметев, — собирать в казну мою по 100 руб.» (РГАДА. Ф. 1318 (Шереметевых). Ответные пункты Н. Шереметева на запросы крестьян Юхотской волости. Л. 26—26об.). О наказуемости любви между крепостными см.: Неверов. Глава из истории крепостного права в России // РС. 1883. гл. XL. С. 429—448.
- ⁶³ Цит. по: Довнар-Запольский М. В. Материалы по истории вотчинного управления в России // Университетские известия. Киев, 1904. № 6. С. 46.
- ⁶⁴ Подобные распоряжения, касавшиеся крестьян своих вотчин, обнародовали в разные годы А. А. Виниус (см.: ИА. Т. VIII. М., 1953. С. 269—271); Д. А. Шепелев (Там же. С. 231—241); князь М. А. Черкасский (Там же. С. 252), князь Г. В. Грузинский (Дей-

ствия нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Н. Новгород, 1912. Т. X. С. 48–55, п. 21, 27) и др.

⁶⁵ Татишев. С. 407, 409, 412.

⁶⁶ Общая норма брачных воззрений всего православного мира. См.: Levin E. *Sex and Society in the World of Orthodox Slavs. 900–1700*. Itaca and London, 1989.

⁶⁷ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1097. Л. 23; Д. 1464. Л. 17.

⁶⁸ Винский. С. 1.; Головина. С. 5; Долгорукова. С. 47.

⁶⁹ Аналогичное отношение родственников к решимости жены следовать за мужем отмечено и в жизненной коллизии злейших врагов семьи Долгоруких — графов Головкиных. Когда настал черед их опалы при Елизавете Петровне, графиня Е. И. Головкина последовала — как и в свое время Н. Б. Долгорукова — за мужем, М. Г. Головкиным, в ссылку. См.: Корсаков. С. 159.

⁷⁰ Полилова. С. 91–142.

⁷¹ Керн. С. 333. Ср.: Полилова. С. 125.

⁷² «Часто случалось, что их личные склонности не согласовались с волею родителей, однако, это их (девушек. — *Н. П.*) не раздражало... Анализ чувств еще не вступил в свои права...» (Сабанеева. С. 108).

⁷³ Полилова. С. 141.

⁷⁴ Татишев. С. 139.

⁷⁵ «...Она урожденная Головина... Я, как многие, сердечно сожалею об этой хорошенькой женщине, которая должна проводить свои молодые годы таким странным образом. Да и брак этот, как рассказывают, состоялся совершенно против ее воли...» (Берхгольд. С. 155–157).

⁷⁶ Комаровский. С. 120–121.; Толченев. С. 40; Долгорукова. С. 44.; Державин. С. 128.

⁷⁷ Лабзина. С. 27–30.

⁷⁸ «...понравилась мне заочно, потому что богата...» (Данилов. С. 50).

⁷⁹ Керн. С. 121–122.

⁸⁰ Басаргин. С. 33. Согласие родителей на брак было получено в письме.

⁸¹ «Мадмуазель Сурмина скоро выходит замуж. Конечно, она никогда не видела своего *promis* (жениха. — *Н. П.*), но *все равно* родственники уладят дело и придут к соглашению...» (Вильмот Марта. С. 315).

⁸² Цит по.: Кавелин. С. 136.

⁸³ Дмитриев М. С. 423.

⁸⁴ Янькова. С. 252.

- ⁸⁵ Янькова. С. 291–293.
- ⁸⁶ Скалон. С. 353.; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 977. Л. 5.; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 59. Л. 3.
- ⁸⁷ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 28. Л. 1; Д. 907. Л. 7. См. также: Крюкова. С. 132–133. Та же история — и весьма подробно! — изложена С. В. Скалон в воспоминаниях, так как Н. А. Львов был другом ее отца, В. В. Скалона. См.: Скалон. С. 342.
- ⁸⁸ Вяземский. С. 540.
- ⁸⁹ Муханова. С. 214.
- ⁹⁰ «Побег» юной дворянки «считался великим позором», и родственники и потомки не раз вспоминали, что «ея мать не вышла замуж, а бежала...» (Янькова. С. 369).
- ⁹¹ Янькова. С. 326–327.
- ⁹² ПСЗ. Т. V. № 2789. Ст. 4.
- ⁹³ Павлов А. 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. СПб., 1887. С. 99.
- ⁹⁴ Речь идет о статье Соборного уложения 1649 г. См.: ПРП. Т. VI. М., 1957. гл. XVI. С. 204.
- ⁹⁵ Олеарий. С. 130–131. Ср.: «Бабушка моя, Листовская, родилась в 1769 году... 14-летнюю ее выдали замуж...» (см.: Листовский. С. 286).
- ⁹⁶ Еще ранее, в Указе 1762 г. о заемных письмах впервые была сделана попытка вернуться к старым нормам брачного возраста, зафиксированным Стоглавом и Кормчей книгой (ПСЗ. Т. XV. № 11457), а в 1774 г. уже окончательно утвердилось старое правило (ПСЗ. Т. XIX. № 14229).
- ⁹⁷ Болотов. С. 130–131.; ОдиД. Т. X. С. 249–250; Юль. С. 357.
- ⁹⁸ «Здесь во всех слоях общества браки совершаются в очень юном возрасте, часто брачующиеся обоюдо пола не достигают пятнадцати лет...» (1 ноября 1711 г.) (Вейсброд. С. 79).
- ⁹⁹ Бассевич. С. 569; Лабзина. С. 32; Янькова. С. 712; Ржевская. С. 10; Винский. С. 67. Удивительно лишь то, что, сам став уже зрелым человеком, Винский позже выражал удивление, что его 15-летняя ученица Анна «заглядывалась на мужчин» (С. 116).
- ¹⁰⁰ Дашкова. С. 47; Вильмот Кэтрин. С. 376–377.
- ¹⁰¹ ПСЗ. Собр. 2. Т. V. Отд. 1. № 3807. С. 740. См. также: Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. Отв. ред. Е. А. Скрипилев. М., 1992. С. 152. «Новобрачной было всего 16 лет», — записал Н. Вишняков о первой жене своего отца, характеризуя отношение к бракам в таком возрасте не столько в 1806 г. (когда он заключался), сколько в 1847 г., когда писались мемуары и брач-

- ный возраст девушек уже повысился. См.: Вишняков. С. 45. Аксаков. С. 62.
- ¹⁰² Винский. С. 1; Березина. С. 685; Головина. С. 8; Данилов. С. 13; Державин. С. 685; Керн. С. 121–122; Бутковская. С. 617; Басаргин. С. 91 (о жене декабриста Якушкина).
- ¹⁰³ «За нею, повенчанной 15-ти лет, стали ухаживать...» — вспоминала о своей родственнице Н. Ф. Пассек, выданной в юности замуж за Д. Я. Гедеонова, губернатора Астрахани, М. С. Николева (Николева. № 10. С. 153).
- ¹⁰⁴ Дмитриев М. С. 423.
- ¹⁰⁵ Полилова. С. 85–86 (судя по дневнику, от 16 лет и старше дочек старались просватать; о 18-летней сестре мемуаристки сообщается, что она «просватана»).
- ¹⁰⁶ Кузнецов. С. 13; Русские пословицы, собр. Богдановичем. Т. I. СПб., 1848. С. 120.
- ¹⁰⁷ Государственный архив Рязанской области. Ф. 129. Оп. 54. Д. 120, 130; Государственный архив Тамбовской области. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1932, 2008 и др. См. также: Крюкова. С. 109.
- ¹⁰⁸ Берхгольц. С. 155–157; Корсаков. С. 143; Мордвинова. С. 392; Ржевская. С. 19; Янькова. С. 361.
- ¹⁰⁹ Дашкова. С. 127; Радишев. С. 220.
- ¹¹⁰ «Физически она была развита плохо, в ее сложении имелся недостаток, и я не льстила себя надеждой, что молодой жизнерадостный человек будет любить ее и заботиться о ней...» (Радишев. С. 130).
- ¹¹¹ «Вдова шестидесятилетняя аще паки восхошет сожительствовати мужу, да не удостоится приобшения Святыни...» (КК. Правила Василия Великого. № 24. С. 228.). Ср.: ПСЗ. Т. XII. № 9087; имеется разводная грамота середины XVIII в., из текста которой следует, что неких супругов Ергольских развели, ибо ему было 82 года, «в каковых не плотоугодия устраивать, но о спасении души своей попечительствовать должно...» (РГИА. Ф. 796. Оп. 34. № 369). РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 23. Л. 17–18.
- ¹¹² В итоге детей в этом браке не было. См.: Державин. С. 685.
- ¹¹³ Скалон. С. 366; Керн. С. 121.
- ¹¹⁴ Коплан Б. И. К истории жизни и творчества Н. А. Львовой // Известия АН СССР. 1927. № 7–8. С. 699–726; Вильмот Марта. С. 475; Полилов. С. 47.
- ¹¹⁵ Капнист-Скалон. С. 512.
- ¹¹⁶ Особенно стойко это убеждение держалось в провинции; отсутствие женихов воспринималось как жизненная трагедия. Янькова. С. 439.

- ¹¹⁷ Ср.: «Девушка плачет — замуж хочет!» (Симони. I. № 2184). См. подробнее о переписи и ее результатах (33,3 процента браков пали на возраст от 21 до 30 лет; 42,2 процента — на возраст 31–40 лет, среди которых немало повторных, и всего четыре случая ранних браков из 442 учтенных по губернии): Власова И. В. Семья и семейные отношения // На путях из земли Пермской в Сибирь. Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989. С. 183.
- ¹¹⁸ «Сему следуют худые обстоятельства, слезные приключения и рода человеческого вредные душегубства...» (Ломоносов М. В. Сочинения. С. 467–468).
- ¹¹⁹ Текст сказки записан А. П. Звонковым в Елатомском уезде Тамбовской губернии. См.: Крюкова. С. 109.
- ¹²⁰ Русские пословицы и притчи И. Снегирева. М., 1848., С. 140–141; Кузнецов. С. 14–15.
- ¹²¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1905. С. 431.
- ¹²² «Где нет соразмерности в летах, там и брака быть не может...» (Радишев. С. 220).
- ¹²³ Кокс У. По России и Польше в исходе XVIII века. 1779–1785. Путевые впечатления англичанина // РС. 1907. Т. 131. № 8. С. 307; аналог: Текели С. Автобиография. Савва Текели в России 1787–1788 гг. // РА. 1878. Кн. 3. Вып. 12. С. 496.
- ¹²⁴ Государственный архив Рязанской области. Ф. 545. Оп. 1. Д. 3. Л. 5–6.
- ¹²⁵ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 913. Л. 4–5.
- ¹²⁶ КК. Гл. 50. С. 494–521; Правила Василия Великого. № 23, 54, 68. С. 224–259об.; Пушкирева Н. Л. Устав о брацах. XV в. // Русская историческая библиотека. Т. VI. М., 1908. С. 143–144.
- ¹²⁷ Таковая ситуация сложилась в семье Голицыных и Бярятинских, поскольку в случае предполагаемого брака отец невесты стал бы для жениха одновременно и дядей, и тестем (см.: ОдиД. Т. XXIII. № 202).
- ¹²⁸ См.: ПСЗ. Т. VI. № 3718. П. 2; Т. XXII. № 16577; РсвСпДДС. С. 511.
- ¹²⁹ Е. Р. Дашкова, приходившаяся графу Н. И. Панину племянницей, по мнению одних ее недоброжелателей, была его внебрачной дочерью, по мнению других — любовницей. См.: Дашкова. С. 108. С. Т. Аксаков описал любовь двоюродных брата и сестры (к тому же замужней). См.: Аксаков. С. 62–63.
- ¹³⁰ Лабзина. С. 30–31; Керн. С. 114; РсвСпДДС. С. 515.
- ¹³¹ Николева. № 10. С. 134.

- ¹³² Даль. С. 379; Кузнецов. С. 17.
- ¹³³ «Нашему самовару двоюродная подсвечница», «По бабушке Ульяне двоюродный Яков», «Вашей Катерине наша Арина двоюродная Прасковья», «А ну, сочтемся: бабушкин внучатый козел тешиной курице как пришелся?» (Русское народное остроумие. Сборник Н. А. С-ва. Казань, 1883. С. 140).
- ¹³⁴ Сборник магических и календарно-астрологических памятников и сочинений по физиогномике 1730 г. // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета. № 2366. Л. 92об. — 105об.; ср. также: Звонков А. П. Современные брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии, Елатомского уезда // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. Вып. 1. С. 90; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1464. Л. 16. Тем предосудительнее казалась в глазах общественного мнения любовь гетмана Мазепы и его крестницы Матрены Васильевны Кочубей (которая в пушкинской «Полтаве» была переименована поэтом в Марию). См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. IV. Л., 1977. С. 222, 422 (об источниках, зафиксировавших переписку и историю любви М. В. Кочубей и Мазепы).
- ¹³⁵ Стоглав. Гл. 19–23; Помещичья Россия. С. 26.
- ¹³⁶ Вильмот Марта. С. 269 Дополнительным указанием на случаи женского долголетия можно считать и живописную работу В. Эрикссена «Столетняя царскосельская крестьянка с семьей» (1768 г.), а также гравюру Д. Уокера «Крестьянка сто осьми лет, окруженная сыновьями» (1791 г.). Картины воспроизведены: Брук. С. 143. Ил. 118.
- ¹³⁷ Янькова. С. 230; Хрушов. С. 557.
- ¹³⁸ Кузнецов. С. 49.
- ¹³⁹ Печерин. С. 592–593.
- ¹⁴⁰ Толченев. С. 30.; Дмитриев М. С. 436. «Мать моя... на 20-м году своей жизни овдовела и, обижается будучи по имению нашему родными тетками, вторично поступила в замужество...» (Винский. С. 5).
- ¹⁴¹ «Родиться первенцем от неискусобрачных молодых здоровых родителей... доставляет человеку преимущества, которые одни делают людей истинно-благородными и счастливыми...» (Винский. С. 1, 5).
- ¹⁴² Духовный регламент 1721 г. // ПСЗ. Т. VII. № 3718. Сибирский митрополит Сильвестр жаловался в 1752 г.: «Мужья, оставя законных, под именем холостых женятся и жены, окинув своих мужей, от них бегают и посягают за других» (цит. по: Цатурова. С. 6–20; Миненко. С. 209–210).

- ¹⁴³ Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991. С. 176; придворные звания обер-гофмейстера, гофмейстера, статс-дама и камер-фрейлина (последнее — только для незамужних) в течение XVIII в. имели всего 82 лица; в конце XIX в. эти придворные звания были отменены; Табель о рангах. 1722 г. // ПРП. Т. VIII. С. 186.
- ¹⁴⁴ Первый муж Марты (Екатерины) Скавронской — солдат Юхан Круш — в 1708 г. пытался заочно добиться расторжения брака с нею, но получил отказ от шведских властей г. Пернова (см.: Семевский М. И. Царица Екатерина Алексеевна. СПб., 1884. С. 333–335). Духовенство долго не решалось дать согласие на брак царя с Екатериной (Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. VI. С. 255); датский посланник Юст Юль прямо говорил об этом («давно бы обвенчался с нею, если бы против этого не восстало духовенство...») (Юль. С. 301). Причиной нерешительности царя была традиция решительного осуждения браков с женщинами «подлого» происхождения. Ранее члены династии никогда не преступали сословных рамок (Семенова. С. 68).
- ¹⁴⁵ ПСЗ. Т. IV. № 1920; Т. VII. № 4294, 4533, 4535.
- ¹⁴⁶ Басаргин. С. 33; Посошков. С. 17; Янькова. С. 373.
- ¹⁴⁷ ПСЗ. Т. VI. № 3980. П. 7; принцип единого социального статуса супругов был подтвержден указами: Т. XVI. № 11908. Гл. 6. Ст. 5; № 12275; Т. XX. № 14290, 15070. Указ 1815 г. см.: ПСЗ. Т. XXXIII. № 25947.
- ¹⁴⁸ Родственница первой жены Петра — А. Лопухина — дважды просила царя узаконить ее брак с неким С. Болтуновым, слугой дворянина Г. Племянникова. Петр разрешил повенчать их лишь тогда, когда выяснилось, что они живут вместе уже три года и ждут второго ребенка. Тем не менее Петр оговорил свое решение, что брак этот «другим таким же знатных фамилий персонам за образец не был» (ОДИД. Т. 1. Стб. 47).
- ¹⁴⁹ Посошков. С. 16–17.
- ¹⁵⁰ Данилов. С. 35; ПСЗ. Т. XXII. № 16187. П. 3а.
- ¹⁵¹ Даже в среде самих владельцев крепостных театров подобные «беззаконные сожительства» были редкостью, а официальный брак аристократа, представителя высшего света с дочерью своего крепостного вообще, вероятно, уникален. См.: Елизарова Н. А. Театры Шереметевых. М., 1944; Аргунов И. П. Портрет П. И. Ковалевой-Жемчужовой. 1803 // Брук. С. 229.
- ¹⁵² Державин. С. 141; ПСЗ. Т. XIV. № 10237. Гл. XXX. Ст. 4; ПСЗ. Т. XXII. № 16187. П. 7; № 16554.

- ¹⁵³ В чуде дошедшей до современного читателя автобиографии крепостного интеллигента XVIII в. Николая Смирнова как раз приводится такой жизненный казус: его отец был крепостным князя А. М. Голицына, а мать — дворянкой (ее имени мемуарист не называет). См.: Смирнов Н. Показание-автобиография крепостного князей Голицыных // ИА. 1950. № 5. С. 289—292.
- ¹⁵⁴ «Брак никоим образом не является объединением денежных интересов и, если женщине, имеющей большое поместье, случится выйти замуж за бедняка, она все равно считается богатой и муж... не имеет права ни на один фартинг из ее состояния...» — так оценивала ситуацию заезжая англичанка, однако она имела в виду, вероятнее всего, односоловьиные браки людей с разным имущественным статусом. См.: Вильмот Кэтрин. С. 371.
- ¹⁵⁵ «Старший из Голицыных, князь Борис Владимирович, женат не был, он умер вскорости после французов, и оставил двух дочерей, носивших фамилию Зеленских... Княгиня Татьяна Васильевна взяла этих сироток к себе и впоследствии хорошо выдала замуж, но от старшей княгини о существовании их скрывали...» (Янькова. С. 231).
- ¹⁵⁶ Болотов. С. 202.; Шимко. С. 109.
- ¹⁵⁷ Мужем княжны В. А. Черкасской стал старший брат княгини Н. Б. Долгоруковой — князь П. Б. Шереметев. В доме этих своих родственников княгиня Долгорукова жила и воспитывала детей, когда вернулась из ссылки. См. подробнее: Корсаков. С. 160.
- ¹⁵⁸ Комаровский. С. 45. См.: Корсаков. С. 292.
- ¹⁵⁹ Данилов. С. 34.
- ¹⁶⁰ Татишев. С. 76.
- ¹⁶¹ Эделинг. С. 194; Татишев. С. 139. Примечательно рассуждение княгини Н. Б. Долгоруковой о последствиях возвышения человека из «подлых». С типично женской наблюдательностью она подчеркнула, что один из встретившихся ей на жизненном пути офицеров («из крестьян, да заслужил чин капитанский») отличался особенной грубостью, жестокостью, спесью. См.: Долгорукова. С. 46.
- ¹⁶² ПСЗ. Т. XI. № 8504. П. 23; Т. XIV. № 10237. Гл. XXX. П. 4; Дашкова. С. 201.
- ¹⁶³ Вильмот Кэтрин. С. 371.
- ¹⁶⁴ Шимко. С. 53—54. См. ту же мысль у В. Н. Татишева: Татишев. С. 139; Подробнее см.: Семенова. С. 79; Аксаков. С. 28.
- ¹⁶⁵ Кузнецов. С. 35.
- ¹⁶⁶ Сборник пословиц В. Н. Татишева // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX вв. М.; Л., 1961.

- № 1029; ср.: «Бери дровни и поезжай по ровню»; «Золотая девка за лычным парнем», «Женился ленивый на сонливой — оба счастливы» и др. См.: Кузнецов. С. 42–43; Собрание пословиц и поговорок русского народа, собранных Г. Б. СПб., 1862. С. 482.
- ¹⁶⁷ Павлов А. 50-я глава Кормчей книги... С. 14, 145.
- ¹⁶⁸ Указ 6 апреля 1722 г. // ПСЗ. Т. V. № 2762. См. также: РО РНБ. Ф. 1003. Д. 6. Л. 70. См. также: Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I // Архив Института российской истории РАН. РО. Ф. А. Р. 1. Д. 90-а. Л. 115–116.
- ¹⁶⁹ КК. Каноны вселенских соборов. Собор шестой в Трулле. Канон 72. С. 174; Цатурова. С. 13.
- ¹⁷⁰ Скалон. С. 342; см. также: О переписи иноземцев, восприявших веру греческого происхождения и поженившихся на крестьянских девках. 20 июня 1744 г. // ПСЗ. Т. 12. СПб., 1830. № 8974. С. 155.
- ¹⁷¹ «Брак этот очень не по сердцу народу. Он втихомолку ропшет и не может скрыть неудовольствия по поводу вероисповедания новобрачной...» (Письмо от 6 декабря 1711 г.) Вейсброд. С. 105.
- ¹⁷² ОдиД. Т. V. Стб. 557.
- ¹⁷³ ПСЗ. Т. VI. № 3814. С. 415.
- ¹⁷⁴ В январе 1718 г. архимандрит Александро-Невской лавры Феодосий Яновский разрешил заключить брак с иноверкой, и «принуждения никакова не чинить и друг друга в вере не укорять...» (ОААНл. Т. II. Стб. 805–808).
- ¹⁷⁵ См.: РО СПбФ ИРИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 190, 209, 390, 408 (браки с лютеранками).
- ¹⁷⁶ ПСЗ. Т. VI. № 3814. С. 413; № 3798. С. 401.
- ¹⁷⁷ «Он, из смоленских дворян (католиков. — *Н. П.*), был в числе первых, женившихся на великороссиянке...» — вспоминал о браке родителей, заключенном в середине XVIII в., Л. Н. Энгельгардт. См.: Энгельгардт. С. 4
- ¹⁷⁸ Долгорукова. С. 44.
- ¹⁷⁹ Татищев В. Н. История российская. Т. I. М.; Л., 1962. С. 87.
- ¹⁸⁰ ПСЗ. Т. XX. № 14356; Т. XVII. № 12433 («...вечных памятей не писать, но совсем оныя оставить...»); Т. XVIII. № 13208; Т. XXI. № 15891.
- ¹⁸¹ В 1721 г. Петр I издал указ о заведении метрических книг во всех церквях (ПСЗ. Т. VI. № 3718). Епархиальные иереи обязаны были отныне ежегодно сообщать в Синод о числе венчавшихся (ПСЗ. Т. VI. № 4022. П. 29). С 1724 г. существовала единообразная форма ведения метрических книг (ПСЗ. Т. VII. № 4480; ПСПиР. Т. III. № 1143; Т. IV. № 1218), а с 1764 г. — таблицы, в которых фикси-

- ровались: фамилии брачующихся, дата венчания, в какой по счету брак вступают жених и невеста, имена поручителей, имена священников, совершивших обряд (ПСЗ. Т. XVI. № 12061). Высылать табели следовало ежемесячно, но вряд ли кто это соблюдал, иначе бы Синод не издавал постановление за постановлением, подчеркивая небрежность и нерадение выполнения указов (ПСЗ. Т. XX № 14948; Т. XXIII. № 17192; РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. VI. № 530; ПСПиР. Т. X. № 3518).
- ¹⁸² Оглашение проводилось трижды, в три воскресенья (ПСПиР. Т. XVII. № 12433).
- ¹⁸³ ПСЗ. Т. XVIII. № 13334.
- ¹⁸⁴ КК. Гл. 48. Грань 4. Л. 227; Дубакин А. Влияние христианства на семейный быт русского общества. М., 1880.
- ¹⁸⁵ Венчать запрещено было: в Великий пост, до литургии утром и ночью, в понедельник, на Сырной неделе (КК. Гл. 50. Правило 52 Лаодикийского собора. С. 494; Стоглав. Гл. 18; РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. XXII. № 116; ПСПиР. Т. X. № 3527).
- ¹⁸⁶ Это различие подметила еще К. Вильмот. См.: Вильмот Кэтрин. С. 374–375.
- ¹⁸⁷ Вильмот Марта. С. 315; Аксаков. С. 138–139.
- ¹⁸⁸ Берхгольц. С. 20; Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Т. 1. С. 125.
- ¹⁸⁹ Толченев. С. 41.
- ¹⁹⁰ ПСЗ. Т. I. № 412. Гл. II.
- ¹⁹¹ Болтин. С. 472–473; Берхгольц. С. 120; Николева. № 10. С. 159.
- ¹⁹² «А хотя б он с твоей невестой и ночь переспал, то ты за то должен быть ему благодарен...» См.: Радищев. С. 171, 217 (история Анюты и денег на приданое).
- ¹⁹³ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 58 (Шуйский уезд). Л. 10–11; Д. 48 (Муромский уезд). Л. 16–16об.).
- ¹⁹⁴ Подробнее см.: Миненко. С. 217.
- ¹⁹⁵ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1465. Л. 39; Д. 915. Л. 14; Д. 1464. Л. 7, 28; Д. 907. Л. 7. См. также: Крюкова. С. 132–133.
- ¹⁹⁶ Миненко. С. 217–219; Симони. I. № 1801; Сборник пословиц Е. Р. Романова // Записки Северо-Западного отдела РГО. Вильна, 1910.
- ¹⁹⁷ «Дружка спрашивал на другой день молодого: “Что, лед пешал (то есть рубил пешней. — *Н. П.*) или грязь топтал?”, подавая стакан водки. Если молодая оказалась целомудренной, тогда стакан разбивался, если нет — ставился на стол» (Личный архив Я. Кузнецова по описанию Вологодской губ. // Кузнецов. С. 47).

- ¹⁹⁸ Аксаков. С. 137; Долгорукова. С. 44.
- ¹⁹⁹ ПСЗ. Т. V. № 2789. Ст. VII; Т. VII. № 4722.
- ²⁰⁰ ПСЗ. Т. XII. № 9052; ПСЗ. Т. II. № 1266; ПСЗ. Т. VI. № 3628; Рондо. С. 46.
- ²⁰¹ ПСЗ. Т. XII. № 9052; РГИА. Ф. 796. Оп. 79. № 685 (1763 г.); РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 913. Л. 4.
- ²⁰² Это новое отношение к человеку нашло отражение прежде всего в литературе. См.: Татаринова Л. В. История русской литературы и журналистики XVIII в. М., 1975. С. 28–31.
- ²⁰³ Ariés P. (ed.). A History of Private Life. T. IV. London, 1990. T. IV. P. 97–99.
- ²⁰⁴ Сабанеева. С. 28.
- ²⁰⁵ См. подробнее: Брук. С. 13.
- ²⁰⁶ Лотман. С. 49.
- ²⁰⁷ См. подробнее: Брук. С. 50; Жидков Г. В. Русское искусство XVIII века. Архитектура, скульптура, живопись. М., 1951.
- ²⁰⁸ Цылов. С. 78 (события 1799 г.); Радишев. С. 187.
- ²⁰⁹ Радишев. С. 65; См.: Русские повести первой трети XVIII в. Исследования и подготовка текста Г. Н. Моисеевой. М. — Л., 1965. С. 101–105; 196–197; 217–220, 303 и др.
- ²¹⁰ В. К. Тредиаковский — И. Д. Шумахеру. 18 января 1731 г. // ПРП XVIII. С. 46.
- ²¹¹ Печерин. С. 602; Цылов. С. 78; Назимова. С. 844 (о своем деде).
- ²¹² «Любовь юной моей подруги осветляла все мгновения и каждый шаг бытия моего...» (Глинка. С. 247).
- ²¹³ Петр I — Екатерине Алексеевне // ПРГ. Т. I—II. № 20 (14 июня 1710 г.) С. 14; № 62 (29 янв. 1716 г.). С. 42. Обращение «Лапушка» было принято в семье Петра I, во всяком случае, царица Евдокия Федоровна — первая жена Петра и мать царевича Алексея — не раз к нему так обращалась (см.: ПРГ. Т. III—IV. М., 1862. С. 67).
- ²¹⁴ Петр I — Екатерине Алексеевне // ПРГ. Т. I—II. № 84. С. 59.
- ²¹⁵ Петр, требуя все приготовить в своем возвращении, просил жену, «чтоб не богаты были постели, да чистеньки...» (Петр I — Екатерине Алексеевне // ПРГ. Т. I—II. № 102. С. 73).
- ²¹⁶ Винский. С. 65.
- ²¹⁷ Назимова. С. 846; Ростопчина. С. 54; Николева. № 9. С. 117, 143. См. также: Мордвинова. С. 403; Эделинг. С. 199, 213.
- ²¹⁸ Долгоруков. С. 15
- ²¹⁹ Басаргин. С. 34; Ростопчина. С. 54.
- ²²⁰ «Рождение ваше (детей. — Н. П.) было новый и чувствительный союз, утверждающий союз сердец» (Радишев. С. 187).

- ²²¹ «Ежели б я был, то б новова шишеньку зделали — дай Боже, чтоб пророчество сбылось!» (Петр I — Екатерине Алексеевне. 10 июля 1717 г. // ПРГ. Т. I—II. № 101. С. 73); ср.: № 108. С. 77; Екатерина Алексеевна — Петру I // Там же. № 107. С. 76; ср. также: «...дорогой наш шишечка часто своего дражайшего папа упоминает...» (Там же. № 113. С. 80—81).
- ²²² Татишев. С. 139.
- ²²³ Михайлов О. Н. Суворов. М., 1975. С. 153. Панин П. И. Письмо к императрице Екатерине Алексеевне от 10 окт. 1774 г. // Сборник РИО. Т. VI. С. 164; Хрушов. С. 436.
- ²²⁴ Симони. I. № 618, 1722; II. № 6435. Сборник пословиц Библиотеки Академии наук // Пословицы, поговорки, загадки... № 246. Ср. усиленный вариант той же пословицы: «Больная жена мужу не мила» (Симони. II. № 32).
- ²²⁵ И обратная характеристика — нездоровой невесты: «маленькая, да тоненькая, да москлявинья» (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1464. Л. 16); «костлявая девка — что тарань рыбка» (Кузнецов. С. 39).
- ²²⁶ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1464. Л. 4; Д. 977. Л. 5. См. также: Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собр. П. В. Штейном. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 2. С. 563.
- ²²⁷ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 977. Л. 5. РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 59. Л. 2об. — 3.
- ²²⁸ Болотов. С. 554—555; Татишев. С. 139; Данилов. С. 34.
- ²²⁹ Скалон. С. 614.
- ²³⁰ Берхгольц. С. 17; Кузнецов. С. 40.
- ²³¹ Как следствие череды сменявших друг друга «женских правлений» возникло представление о том, что «жены имеют более склонности к самовластью, нежели мушины...» (Шербатов. Репринт. С. 124). Ср.: «Женская натура торжествовала над мужскою, как всегда!» (Аксаков. С. 42).
- ²³² Державин. С. 128; Дмитриев И. С. 202.
- ²³³ См.: Хрушов. С. 562.
- ²³⁴ «Матушка, неразлучная с батюшкой, всегда находила большое удовольствие разделять труды его в устройстве хозяйства» (Мордвинова. С. 408); «Батюшка, от природы склонный к меланхолии, стал поддаваться горести и... (тогда) матушка поселилась в... помещиции с пятью человеками детей. Ума живого и настойчивого, она принялась за новую деятельность, расширяла круг своих познаний, читала, воспитывала детей, предавалась благородному занятию сельским хозяйством...» (Эделинг. С. 195).

- ²³⁵ Дмитриев М. С. 432–433.
- ²³⁶ М. Н. Муравьев — отцу Н. А. Муравьеву. 25 сентября 1777 г. // ПРП XVIII. С. 297.
- ²³⁷ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1464. Л. 9; Крюкова. С. 105.
- ²³⁸ Глинка. С. 240–241.
- ²³⁹ Николева. № 10. С. 473–474.
- ²⁴⁰ Болтин. С. 472–473.
- ²⁴¹ Немцова Р. А. Добрая и злая жена по народным картинкам, заключающимся в известном издании сенатора Ровинского // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1891. Т. IX. Вып. 3; Ровинский. Кн. III. С. 166 (пар. 2).
- ²⁴² Ровинский. Кн. V. С. 44–46; Воронина Т. А. Русский лубок 20–60-х гг. XIX века: производство, бытование, тематика. М., 1993.
- ²⁴³ Едва ли не первое признание такого рода — в воспоминаниях А. П. Керн, через несколько лет после брака принявшей решение жить с мужем раздельно. См.: Керн. С. 124.
- ²⁴⁴ Е. И. Головкина, урожд. княжна Ромодановская (1702–1791) — графиня, супруга М. Г. Головкина с 1722 г., стат-дама с 1730 г. Добровольно отправилась в ссылку вслед за мужем, где провела 14 лет до самой его смерти. См.: Бирон Э. И. Записка // Со шпагой и факелом. Дворцовые перевороты в России 1725–1825. М., 1991. С. 199, 559.
- ²⁴⁵ «...она мне оказала (приехав в полк. — *Н. П.*) знак примерной привязанности, пренебрегая все опасности в дороге...» (Комаровский. С. 207).
- ²⁴⁶ Головина. С. 83; Басаргин. С. 34.
- ²⁴⁷ «Жена моя, едва сие услышала, вскричала: — Нет, мой друг, и я с тобою...» (Радишев. С. 134).
- ²⁴⁸ Басаргин. С. 91.
- ²⁴⁹ Головина. С. 233; Долгорукова. С. 65; цит. по: Кавелин. С. 137.
- ²⁵⁰ См., напр.: Дашкова. С. 197; Мещерская. С. 3.
- ²⁵¹ См.: Глинка. С. 243, 311.
- ²⁵² «Страсть любовная, до того почти в грубых нравах незнаемая, начала чувствительными сердцами («женского полу». — *Н. П.*) овладевать, и первое утверждение сей перемены от действия чувств произошло...» (Шербаков. Сочинения. Т. II. С. 151–152).
- ²⁵³ Муравьев М. Н. Стихотворения. Вступ. Статья Л. Н. Кулаковой. Л., 1967. С. 48–49; М. Н. Муравьев — сестре Ф. Н. Муравьевой. 1778 г. (без точной даты) // ПРП XVIII. С. 360.

- ²⁵⁴ Радишев. С. 132.
- ²⁵⁵ Долгорукова. С. 47; Глинка. С. 368; Березина. С. 684 (о своем деле Я. П. Раткове); Лотман. С. 103–123, 180–210; Глинка. С. 368; Брук. С. 133–134; Долгорукова. С. 57.
- ²⁵⁶ Н. М. Карамзин — П. А. Вяземскому. 11 сент. 1818 г. // Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому 1810–1826 гг. СПб., 1897. С. 61.
- ²⁵⁷ Лабзина. С. 53, 69–70.
- ²⁵⁸ Лабзина. С. 77.
- ²⁵⁹ Керн. С. 107–108 (о семье соседей по имению); Радишев. С. 211; Аксаков. С. 140.
- ²⁶⁰ Петр I — Екатерине Алексеевне 29 января 1708 г. // ПРГ. Т. I—II. С. 3.
- ²⁶¹ Винский. С. 121; Эделинг. С. 221; Головина. С. 77.
- ²⁶² Термин «модная жена» вошел в литературу и обиход вместе с одноименными стихами И. И. Дмитриева в 1794 г. См.: Кунин В. В., Подольская И. И. Иван Иванович Дмитриев // Русские мемуары. С. 169.
- ²⁶³ Головина. С. 77–78; Шашков С. С. Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция. История русской женщины. СПб., 1898. С. 811–623. Русский быт. Ч. 1. С. 73–146. См. также переписку М. А. Волковой и В. И. Ланской 1812 г.: Частные письма 1812 года // РА. М., 1872. Стб. 2372–2435.
- ²⁶⁴ «...и весь двор в такое состояние пришел, что каждый почти имел незакрытую любовницу, а жены, не скрываясь ни от мужа, ни от родственников, любовников себе искали. Исчислю ли я тех жен, которые не стыдились впадать в такие любострастия?» (Помещица Россия. С. 26).
- ²⁶⁵ Вильмот Марта. С. 283 (о В. А. Небольсине и его жене); Дашкова. С. 48; Березина. С. 684.; Евдокия Федоровна Лопухина — Петру I. 1694 г. // ПРГ. Т. III–IV. С. 68–69; Елисавета Аракчеева — графу А. А. Аракчееву. 11 фев. 1810 г. // Письма главнейших деятелей в царствование имп. Александра I. 1807–1829. СПб., 1823. С. 19 (№ 17) и др. В XVIII в. многие письма составлялись если не на основе, то с учетом рекомендаций «Письмовника» Н. Г. Курганова (первое издание — 1769 г.), являвшегося «энциклопедией самообразования», в том числе написания писем. См.: Кирпичников А. Курганов и его «Письмовник» // ИВ. 1887. № 9; Тэт У. Ф. Дружеское письмо как литературный жанр. СПб., 1994 (рец. см.: Новое литературное обозрение. 1995. № 14. С. 333).
- ²⁶⁶ Скалон. С. 345 («Друг мой Васинька!..»).

- ²⁶⁷ Головина. С. 6. Приходится признать неслучайным то, что в дальнейшем тексте воспоминаний Головиной содержится немало подробностей жизни двора, рассуждений о женской дружбе, но мало сказано о семье, детях, муже. Вполне возможно, что она его не слишком любила, но ценила материальный и социальный статус избранника.
- ²⁶⁸ Сохранились некоторые письма крестьян и крестьянок друг к другу, относящиеся прежде всего к Западно-Сибирскому региону, где было больше «грамотеев». См.: Миненко. С. 123–139.
- ²⁶⁹ Кузнецов. С. 5; Желобовский; Снегирев И. Русские в своих пословицах. Рассуждение и исследование об отечественных пословицах и поговорках. М., 1831. С. 62.
- ²⁷⁰ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25 (Меленковский уезд). Л. 18–24; Кузнецов. С. 20–21; Ивановская. С. 116.
- ²⁷¹ Радишев. С. 215; РГИА. Ф. 796. Оп. 732. Д. 1. Л. 78; см. также: Миненко. С. 123–139, 197.
- ²⁷² Письма крестьян найдены Н. А. Миненко в Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТО). См.: ТФ ГАТО. Ф. 156. 1797 г. Д. 99. Л. 58–59; Миненко. С. 138; Письмо крестьянки Марьи Кирилловой из деревни Атамановой 1795 г. цит. по: Миненко Н. А. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1989. С. 108.
- ²⁷³ Государственный архив Новосибирской области. Ф. 110. Оп. 1. Д. 12. Л. 122–123.
- ²⁷⁴ Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. 156. 1754 г. Д. 72. Л. 23.
- ²⁷⁵ Сборник магических физик и календарно-астрологических памятников и сочинений по физиогномике 1730 г. // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета. № 2366. Л. 92об. — 105об.
- ²⁷⁶ Аксаков. С. 68–69; «Через ревность часто у них бывали деспоты, дошедшие до того, что моя мать решила его оставить!» (Цылов. С. 43–44).
- ²⁷⁷ «Пишешь ты, якобы для лекарства, чтоб я не скоро к тебе приезжал, а (дело) делал... знатно сыскала себе ково-нибудь вытнее (зловее, крепче. — Н. П.) меня... Так-та вы, евины дочки, делаете над стариками!» (Петр I — Екатерине Алексеевне // ПРГ. Т. I—II. С. 18 (19 сент. 1711 г.).
- ²⁷⁸ Вильмот Марта. С. 266; Цылов. С. 48; Вишняков. С. 85.
- ²⁷⁹ Скалон. С. 365; Янькова. С. 369.

- ²⁸⁰ ОдиД. Т. XI. № 163; ОдиД. Т. XI. № 519; ср.: Т. XIX. № 157; Т. XXIX. № 526; Т. XXXI. № 141, 243; РГИА. Ф. 796. Оп. 79. № 598; РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 790. № 59; ОдиД. Т. XI. № 383.
- ²⁸¹ ОдиД. Т. XXI. № 90.
- ²⁸² Скалон. С. 353; Аксаков. С. 42, 62; Печерин. С. 596.
- ²⁸³ ПСЗ. Т. XXI. № 15379. Ст. VIII–IX; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1465. Л. 31; Д. 947. Л. 4; РЭМ. Архив РГО. Разряд 61. Оп.1. Д. 10. Л. 18.
- ²⁸⁴ Цит. по: Костров. С. 34.
- ²⁸⁵ Симони. I. № 980; Симони. II. № 42; Шаповалова. № 53.
- ²⁸⁶ Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. Общий очерк за XVII и XVIII столетия. Томск, 1898. С. 107–108.
- ²⁸⁷ РГАДА. Ф. 629. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–21; Ф. 628. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–5об.; РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 911. Л. 10–110об.; Д. 320. Л. 35–183; Д. 914. Л. 10–168.
- ²⁸⁸ Потанин Г. Н. Юго-Западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник. 1864. Вып. IV. С. 54; Симони. I. № 300, 1008; II. № 1201.
- ²⁸⁹ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 59 (Шуйский уезд). Л. 7об.
- ²⁹⁰ Лотман. С. 55.
- ²⁹¹ Chartier R. The Practical Impact of Writing // Duby G., Ariés Ph. (Eds.) Histoire de la vie privée. V. 3. De la Renaissance aux Lumières. Paris, 1986. P. 111–159; Braunstein Ph. Annäherungen an die Intimität // Geschichte des privaten Lebens. Frankfurt am Main, 1990. Bd. 2. S. 550.
- ²⁹² Изгнание плода, прерывание беременности и даже предохранение от нее в равной мере считались предосудительными. «Чаше всего за помощью в “залечивании” обращаются к бабушкам... Замужние женщины не залечиваются никогда, гулящая женщина, выйдя замуж, бросает лекарства...» (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 68 (Шуйский уезд). Л. 3–4).
- ²⁹³ Симони. II. № 286; Быт. С. 276–277; Цатурова. С. 29–32. ПСЗ. Т. III. № 1612; Т. V. № 3006; Семенова. С. 22–23; Аксаков. С. 200–201.
- ²⁹⁴ «Она сама подавала Парашеньку кормилице и *не без зависти, не без огорчения* смотрела, как чужая, другая женщина кормила ее дочь...» (Аксаков. С. 201).
- ²⁹⁵ «Двадцати лет я перенесла ужасные роды. На восьмом месяце беременности я заболела страшной корью, которая едва не свела меня в могилу... Мои страдания были так велики, что мне дали опиуму, чтобы усыпить меня. Пробудившись через 12 часов после

- этой летаргии, я чувствовала себя слабой. Пришлось обратиться к инструментам. Я терпеливо перенесла эту жестокую операцию. Мой муж стоял возле меня, я видела, что силы его покидают... Ребенок умер через 24 часа, но я узнала об этом спустя 3 недели. Сама я была при смерти... Я поправилась быстро, но тяжелое душевное настроение осталось у меня на продолжительное время: я долго не могла равнодушно слышать детского крика...» (Головина. С. 9–10). Даже в самых зажиточных семьях, которые могли себе позволить консультации лучших акушеров, роды часто кончались неблагополучно. Е. Р. Дашкова рассказала в своих мемуарах, как она чуть было не погибла во время третьих родов (Дашкова. С. 99). «Я много мучилась, — вспоминала мать Н. И. Цылова о родах. — В продолжение целой ночи то ходила, то ложилась, то вставала, то садилась и, наконец, в семь часов... ты родился!» (Цылов. С. 41). Ср.: Аксаков. С. 200–202.
- ²⁹⁶ Довнар-Запольский М. В. Чародейство в Северо-Западном крае в XVII–XVIII вв. // Этнографическое обозрение. 1890. № 2. С. 49–72; Грицкевич В. П. Подготовка и уровень знаний женщин-врачевательниц детских и женских заболеваний в Литве и Белоруссии XVI–XVIII вв. // 100-летие высшего женского медицинского образования в СССР. Материалы научной конференции. Л., 1972. С. 95–97.
- ²⁹⁷ Цылов. С. 41; Рондо. С. 56. Сборник магических и календарно-астрологических памятников и сочинений по физиогномике 1730 г. // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета. № 2366. Л. 92об. — 105об.; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 32. Л. 56–57; Д. 60. Л. 1–1об.; 2об.; см. также: Быт. С. 264 («поение роженицы деревянным маслом»).
- ²⁹⁸ «Родильная ложка с солью с перцем», «Солоно и горько рожать» (обычай потчевать отца ребенка ложкой каши, сильно посоленной и наперченной). См. подробнее: Даль. С. 379.
- ²⁹⁹ Шаповалова. № 268.
- ³⁰⁰ Радишев. С. 213; Петр I — Екатерине Алексеевне // ПРГ. Т. I–II. № 83. С. 58; Басаргин. С. 35; «...получила простудную лихорадку которая прекратила ее жизнь на 29 году» (Винский. С. 140); «скончалась преждевременно от несчастных родов, вследствие ее падения с лестницы...» (Вишняков. С. 48).
- ³⁰¹ Толченев. С. 148; «...Когда матушка скончалась... ей было невступно 40 лет...» (Янькова. С. 27); РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 60 (Шуйский уезд). Л. 2; Ломоносов М. В. Проекты переустройства Академии наук // Ломоносов. Полн. собр. соч. М. — Л., 1957. Т. X. С. 54–55.

- ³⁰² М. В. Ломоносов — И. И. Шувалову // Ломоносов М. В. Сочинения. С. 471; Болотов. С. 644—645.
- ³⁰³ Толченев. С. 148.
- ³⁰⁴ Комаровский. С. 1—3; Селивановский. С. 521; Толченев. С. 32; о семье А. П. Волинского, в 5 лет оставшегося без матери, см.: Корсаков. С. 291.
- ³⁰⁵ Вишняков. С. 48; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1464. Л. 32; Д. 913. Л. 11; Д. 1452. Л. 17.
- ³⁰⁶ Янькова. С. 372.
- ³⁰⁷ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 68 (Шуйский уезд). Л. 1.
- ³⁰⁸ Комаровский. С. 1; Долгоруков. С. 488 («...восприемницей была сестра моя, княжна Прасковья Михайловна, пятилетний ребенок»); Сабанеева. С. 12.
- ³⁰⁹ Эделинг. С. 198
- ³¹⁰ Корсаков. С. 291; Смирнова. С. 168—170.
- ³¹¹ Николева. № 9. С. 108.
- ³¹² Е. Р. Дашкова воспитывала, например, с 7-летнего возраста младшего сына своей родственницы А. А. Воронцовой — «пока ему не исполнилось шестнадцать лет и он не вступил на службу в чине майора...» (Дашкова. С. 229). В семье Е. В. Татишевой (дочки историка В. Н. Татищева) воспитывались ее внуки (См.: Янькова. С. 23). См. также: Энгельгардт. С. 3.
- ³¹³ Данилов. С. 13—14; Янькова. С. 231; Николева. № 10. С. 134; Капнист-Скалон. С. 292; Шереметев С. Татьяна Васильевна Шлыкова. 1773—1863. СПб., 1889. С. 2.
- ³¹⁴ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 68. Л. 2; Янькова. С. 23, 252.
- ³¹⁵ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1 (Александровский уезд). Л. 11об. — 12; Сборник пословиц Е. Р. Романова // Записки Северо-Западного отдела РГО. Вильна, 1910. Кн. 1. № 635.
- ³¹⁶ Комаровский. С. 181; Толченев. С. 166; Аксаков. С. 26—27.
- ³¹⁷ Дашкова. С. 1—2; Радишев. С. 290.
- ³¹⁸ Незатейливое воспитание. С. 490; Ржевская. С. 2.
- ³¹⁹ Ивановская. С. 119; Даль. С. 379; Антidot. С. 409—410.
- ³²⁰ Закладная на дочь Овдотью крестьянина Василия Опиохина // РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 10. Л. 82—84об. (1703 г.); ср. также аналог: РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 11. Л. 452 и др; Миненко. С. 147—150.
- ³²¹ Кузнецов Я. О. Родители и дети по народным пословицам и поговоркам. Владимир, 1911. С. 2.
- ³²² Николева. № 10. С. 144. Ср.: «При родителях нас было пять сыновей и две дочери, но старший не превышал 16-летнего возраста...» (Алтуфьев. С. 34).

- 323 Янькова. С. 8 («у нея было только двое детей...»).
- 324 Николева. № 9. С. 108.
- 325 Лабзина. С. 1, 15.
- 326 Долгорукова. С. 42. Корсаков. С. 144.
- 327 «...мочно болше раду быть дочери, нежели двум сынам...» (Петр I — Екатерине Алексеевне. 8 янв. 1707 г. // ПРГ. Т. I—II. С. 1).
- 328 Печерин. С. 589 (события 1744 г.); Скалон. С. 352; Державин. С. 133.
- 329 Долгоруков. С. 487 (под 1764 г.); Толченев. С. 214—216; Аксаков. С. 497 («мать не была так ласкова и нежна к ней, как ко мне...»).
- 330 Дашкова. С. 106—107, 129, 131, 167; Аксаков. С. 199.
- 331 Брусилов. С. 15.
- 332 Болотов. С. 129. Ср.: «Семейство Нефедя Никитича было малое, дети, хотя и рождались, но умирали...» (См.: Корсаков. С. 40) «Шестнадцать лет прожила в замужестве Анна Алексеевна, имея от Петра Ивановича Панина семнадцать человек детей, которые все умирали во младенчестве...» (Карabanов П. Ф. Статс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII—XIX вв. // РС. 1871. Т. III. 1-е изд. С. 169).
- 333 Эделинг. С. 196.
- 334 Головина. С. 241.
- 335 Полилов. С. 25, 64—65; Печерин. С. 614; Дашкова. С. 167; Долгорукова. С. 46; Долгоруков. С. 488; Корсаков. С. 149; Вильмот Марта. С. 441; Аксаков. С. 202.
- 336 См., напр.: Толченев. С. 31; Дашкова. С. 106; Данилов. С. 61—62; Е. П. Янькова вообще отметила, что в ее «время было больше рябых, чем теперь». См.: Янькова. С. 23; Печерин. С. 596.
- 337 См. напр., переписку Марфы Петровны Долгоруковой и Марьи Петровны Салтыковой («Есть ли легче Николаюшке и Катеньке от лихоратки?...», «Болит грудь и левый бок», «Каровь (кровь. — *Н. П.*) с мокротою горлом идет», «Дала трав, из которых декохт варят, красных порошков и проносных лекарств...»; особенно озабочивали корреспонденток продолжительный кашель «Николашеньки» и «короста на голове» годовалой дочки Насти). Тексты писем см.: Корсаков. С. 181.
- 338 Печерин. С. 594.
- 339 Петр I — Екатерине Алексеевне. 10 июля 1717 г. // ПРГ. Т. I—II. № 101. С. 73, № 108. С. 77; Екатерина Алексеевна — Петру I // Там же. № 107. С. 76, № 113. С. 80—81 и др.
- 340 Толченев. С. 214.
- 341 Корсаков. С. 29.

- 342 Квашнина-Самарина. С. 39; Аксаков. С. 495.
- 343 «Грудных трав по 3 или 4 горсти, в четвертной воде вари докамест половина выкипит... от тою немощи поить сколько изволит...» (Из переписки М. П. Долгоруковой. Цит. по: Корсаков. С. 180–181).
- 344 Дашкова. С. 134; Скалон. С. 348.
- 345 Письмо Ивана Худякова // Тобольский филиал государственного архива Тюменской области. Ф. 156. Д. 99. Л. 58–59; Даль. С. 385, 387, 392–393; Сборник пословиц А. И. Богданова // Пословицы, поговорки, загадки... № 2658; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1139. Л. 40.
- 346 Даль. С. 384.
- 347 Незатейливое воспитание. С. 490–491. «Начиная с двух лет детей пугают всякими страстями, причем наряду с букой, домовым и лешим, пугают доктором и попом...» (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 60 (Шуйский уезд). Л. Зоб. — 4).
- 348 «До 7 лет к детям относятся мягко», а с 7 лет «дерка за виски и подзатыльники — обычное дело, за шалости взывают строго...» (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 995. Л. 28); Энгельгардт. С. 9.
- 349 ПСЗ. Т. XX. № 14392. Ст. 391; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 913. Л. 10.
- 350 РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Л. 8–9; Д. 1462. Л. 16.
- 351 Кантемир А. Д. Сатиры и другие стихотворения. СПб., 1762. С. 123.
- 352 Сабанеева. С. 15.
- 353 Комаровский. С. 181–182.
- 354 Дашкова. С. 94; Янькова. С. 231.
- 355 Н. М. Карамзин — П. А. Вяземскому. 11 сент. 1818 г. // Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому... С. 110; «...всем попечением обо мне обязан няне Агафье...» (Печерин. С. 594); Радищев. С. 149.
- 356 Смирнова. С. 171; Долгоруков. С. 505.
- 357 Скалон. С. 338; Толченев. С. 275; Лабзина. С. 9; Эделинг. С. 199.
- 358 Незатейливое воспитание. С. 490; Сабанеева. С. 17; Карпов В. Н. Воспоминания. М. — Л., 1933. С. 32.
- 359 РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 995. Л. 30; Д. 1654. Л. 10.
- 360 Назимова. С. 841; Марин С. Н. Полн. собр. соч. М., 1948. С. 48; Селивановский. С. 521; Глинка. С. 17–18.
- 361 Брусилов. С. 7; Керн. С. 113; Назимова. С. 847; Мещерская. С. 14–17; ср.: «Детей она очень любила и до того баловала, что всякий год посылала к ним в Петербург обоз с разными съестными припасами: вареньем, сухими фруктами, с маслом и с разным соленьем» (Скалон. С. 341). Брусилов Н. П. Воспоминания // ИВ. Т. II. 1893 г. № 4. С. 46–47. Глинка. С. 18.

- ³⁶² Ивановская. С. 150.
- ³⁶³ Мещерская. С. 17; ср.: Керн. С. 114.
- ³⁶⁴ Вишняков. С. 30.; Дашкова. С. 462.
- ³⁶⁵ Янькова. С. 26; Никифоров А. И. Кошей. Макар. Яга // Живая старина. 1994. № 2. С. 48–49.
- ³⁶⁶ ПРГ. Т. III–IV. С. 71–72, 80, 85–86, 93, 100.
- ³⁶⁷ Лопухин. С. 3, 4; Державин. С. 135; Записки Алексея Федоровича Львова // РА. 1884. Год 22-й. М., 1884. Кн. 2. № 3–4. С. 225.
- ³⁶⁸ Головина. С. 1–2, 239; Долгорукова. С. 42; Глинка. С. 4; Лабзина. С. 22–23; Вигель. С. 146; Лопухин. С. 3.
- ³⁶⁹ Мордвинова. С. 393
- ³⁷⁰ Татишев. С. 138; Антидот. С. 338.
- ³⁷¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 1761. Л. 1–2; Д. 1764. Л. 2–Зоб.; Миненко Н. А. Община и русская крестьянская семья в Юго-Западной Сибири (XVII — первая половина XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX вв. Новосибирск. 1977. С. 116; Глинка. С. 246.
- ³⁷² Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887. Т. I. С. 16–19 и др.
- ³⁷³ ПРГ. Т. III–IV (№ 76–5 мая 1713 г.). С. 53; Записки Г. И. Добрынина 1752–1823. СПб., 1872. С. 220.
- ³⁷⁴ Корсаков. С. 232–233.
- ³⁷⁵ Дашкова. С. С. 135–136, 167, 207; Корсаков. С. 143–164; Янькова. С. 230; Дашкова. С. 134.
- ³⁷⁶ Дашкова. С. 211.
- ³⁷⁷ Вильмот Кэтрин. С. 358, 371.
- ³⁷⁸ Скалон. С. 341
- ³⁷⁹ Янькова. С. 232 (о семье Голицыных в начале XIX в.); Керн. С. 333 (о семье Осиповых-Вульф).
- ³⁸⁰ «...Приехав в Москву и имея от матери поручение купить у господ Таптыковых на Вятке небольшую деревнишку душ на 30...» (Державин. С. 143).
- ³⁸¹ Дашкова. С. 193–194, 200, 235.
- ³⁸² Янькова. С. 337; Винский. С. 51.
- ³⁸³ Н. Н. Раевский — матери, Е. Н. Давыдовой. 9 июня 1792 г. // Архив Раевских. Изд. П. М. Раевского. Ред. Б. Л. Модзалевского. Т. I. СПб., 1908. С. 9; «Будьте уверены, что сколько понятия только моего доставать будет, конечно все к вашей и братьев пользе стараться буду выполнить...» (Н. Н. Раевский — Е. Н. Давыдовой. 4 мая 1803 г. // Там же. С. 22); ср. также: Н. Н. Раевский — Е. Н. Давыдовой. 26 апр. 1807 г. // Там же. С. 62).

- ³⁸⁴ Глинка. С. 241.
- ³⁸⁵ Болотов. С. 127; Протасьев. Страницы из старого дневника // Русский быт. Ч. 2. Вып. 3. С. 46.
- ³⁸⁶ В воспоминаниях мужчин тоже встречаются строки, воспевающие материнскую любовь и свое детство, — но лишь в тех, что были написаны в начале XIX в. См., напр.: Долгоруков. С. 487.
- ³⁸⁷ Энгельгардт. С. 3; Ростопчина. С. 52. См. также: «Роскошная обстановка и любовь среды, откружающей детство, благотворно действуют на все существо человека и если вдобавок, по счастливой случайности, не повредят сердца, то выйдет существо, не способное на все низкое и отвратительное...» (Керн. С. 101). Ср. рассуждения о воспитании А. Е. Лабзиной [«Говаривали многие моей матери: отчего она меня так грубо воспитывает? Она отвечала: “Я не знаю, в каком она положении будет, может быть, и в бедном... а всем будет довольна и все вытерпит... А ежели будет богата — то легко привыкнет к хорошему...”» (Лабзина. С. 19)], С. Н. Бибиковой [«человек с детства должен привыкать к мысли, что жизнь полна горя и страданий...» (Бибикова С. Н. Воспоминания о моем отце Никите Михайловиче Муравьеве // «В потомках ваше имя оживет...». Воспоминания о декабристах в Сибири. Иркутск, 1986. С. 65)].
- ³⁸⁸ Ржевская. С. 3.
- ³⁸⁹ Головина. С. 3; Лабзина. С. 18; Керн. С. 110.
- ³⁹⁰ ПРП XVIII. С. 45, 360.
- ³⁹¹ Ржевская. С. 4—33; Порошины. С. 214.
- ³⁹² Греч Н. И. Записки // РА. 1873. № 9. С. 75.
- ³⁹³ Николева. № 10. С. 129; Глинка. С. 365.
- ³⁹⁴ Глинка. С. 241.
- ³⁹⁵ Сумароков. С. 307. Высшей удачей почиталось попасть после института ко двору в качестве фрейлины императрицы или ее приближенной, но такая судьба ожидала немногих. Большинство становилось чиновницами, воспитательницами или учительницами в женских учебных заведениях, а то и просто приживалками. Все нововведения Екатерининской эпохи затронули (хотя среди смольнянок и присутствовали иногда провинциалки) прежде всего узкий круг столичных жительниц.
- ³⁹⁶ Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. 239. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 9; Исторический очерк деятельности Харьковского института благородных девиц. Харьков, 1912. С. 10.
- ³⁹⁷ ИА. Т. VI. М.: Л., 1951. С. 316.

- ³⁹⁸ Озерецкая Ф. С. Женское образование в XVIII в. // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII — первая половина XIX в. М., 1973. С. 133—143.
- ³⁹⁹ Порошины. С. 214; Ведомости. 1749 г. № 143.
- ⁴⁰⁰ Ведомости. 1749 г. № 167; 1764 г. № 20; 1769 г. № 89; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1965. Т. 26. Кн. XIII. С. 565.
- ⁴⁰¹ Кампе И. Г. Отеческие советы моей дочери. Ч. 1. СПб., 1803. С. 90—91.
- ⁴⁰² Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола. Т. 1. СПб., 1774. С. 93—94; ПСЗ. Т. XXII. СПб., 1830. № 16275. С. 465.
- ⁴⁰³ Фальборк Я. Г., Чарнолуцкий В. Народное образование в России. СПб., 1900. С. 19; Озерецкая Ф. С. Женское образование... С. 141.
- ⁴⁰⁴ Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания. СПб., 1899. С. 6—7; Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1872. Т. 1. С. 282—286; Курмачева М. Д. Крепостная интеллигенция в России. Вторая половина XVIII — начало XIX в. М., 1983. С. 94—99, 104—106; Узунова Н. М. Из истории формирования крепостной интеллигенции в России: по материалам вотчинного архива Голицыных // Ежегодник ГИМ. М., 1960. С. 114—124.
- ⁴⁰⁵ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1176. Л. 12.
- ⁴⁰⁶ Берхгольц. С. 70.
- ⁴⁰⁷ Болотов. С. 128; Державин. С. 6—11; Данилов. С. 20; Неплюев И. И. Записки. СПб., 1893. С. 4—9; Толченев. С. 29; Печерин. С. 595.
- ⁴⁰⁸ Головина. С. 2; Николева. № 10. С. 141; Брусилев. С. 7.
- ⁴⁰⁹ Дашкова. С. 105; Сабанеева. С. 89; Лабзина. С. 17—18; Скалон. С. 292, 352; Незатейливое воспитание. С. 493.
- ⁴¹⁰ Порошины. С. 214; Печерин. С. 595.
- ⁴¹¹ Озерецкая Ф. С. Женское образование... С. 135; Николева. № 9. С. 118; № 10. С. 142.
- ⁴¹² Блудова. Стб. 1221; Богословский М. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. М., 1906. С. 21; Ростопчина. С. 52; Долгоруков. С. 506.
- ⁴¹³ Квашнина-Самарина. С. 33.
- ⁴¹⁴ Бутковская. С. 601—602.
- ⁴¹⁵ Порошины. С. 214; Долгоруков. С. 489; Скалон. С. 347, 354.
- ⁴¹⁶ Мешерская. С. 6. Ср.: «...учились... у различных учителей. Большею частью это были французские эмигранты, которыми в то

- время была наполнена Россия после революции 1789 года, когда целые семьи выезжали из Франции, ища средств к пропитанию...» (Николева. № 9. С. 116)
- 417 Белькур. Москва и ее общество в 1774 г. // Русский быт. Ч. 2. Вып. 2. С. 29; Сабанеева. С. 89.
- 418 Смирнова. С. 167.
- 419 Державин. С. 570; Энгельгардт. С. 6; Керн. С. 117.
- 420 Ростопчина. С. 52; Хрущов. С. 554; Скалон. С. 362.
- 421 «Варен (ь) я посылаит ктебе Николушка амиот сварить пришлю повара спаваренным которой едит вкiew там засвидетелствуй письмо мое...» — образец женского письма, написанного по-русски в 1806 г. Его автор — бабушка будущей декабристки М. Н. Волконской и мать декабриста Николая Раевского — княгиня Е. Н. Давыдова (Н. Н. Раевский, Е. Н. Давыдова — графу А. Н. Самойлову. 12 ноября 1806 г. Каменка // Архив Раевских. Изд. П. М. Раевского. Ред. Б. Л. Модзалевского. Т. I. СПб., 1908. С. 33. Ср. также: Кунин В. В., Подольская И. И. Е. Н. Львова. 1788–1864 // Русские мемуары. С. 400.
- 422 Дашкова. С. 41, 46; Лопухин. С. 3; Скалон. С. 340; Смирнова. С. 166.
- 423 Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. СПб., 1852. С. 9.
- 424 Николева. № 10. С. 155.
- 425 Дашкова. С. 134–135; Долгорукова. С. 43.
- 426 Дашкова. С. 108.
- 427 Кавелин. С. 135; Сабанеева. С. 46; Полилов. С. 30.
- 428 Дашкова. С. 41.
- 429 Винский. С. 139; Аксаков. С. 91; Керн А. П. Воспоминания о Пушкине. М., 1987. С. 362.
- 430 Лабзина. С. 18; Данилов. С. 16; Николева. № 10. С. 135; Сабанеева. С. 44; Полилов. С. 42–43.
- 431 Полилов. С. 74; Полилова С. 84, 90.
- 432 «Воспитание шести старших сыновей было домашнее, и только младший Михаил воспитывался в кадетском корпусе. Образование заключалось в Русской грамоте, арифметике и геометрии...» (Муханова. С. 210). Николева. № 10. С. 156
- 433 Николева. С. 145.
- 434 «Она (гувернантка. — *Н. П.*) заставляла нас ложиться на ковер на полу, чтобы спины были ровны, или приказывала ходить по комнате и кланяться на ходу» (Керн. С. 118).
- 435 Назимова. С. 850; Николева. № 10. С. 144.

- ⁴³⁶ Янькова. С. 234.
- ⁴³⁷ Блудова. Стб. 1219; Скалон. С. 346; Николева. № 10. С. 145, 148.
- ⁴³⁸ Fortia de Piles. Voyage de deux francais en Allemagne, Danemark, Suede, Russie et Pologne, fait en 1790—1792. Paris, 1796. V. IV. P. 80.
- ⁴³⁹ Дашкова. С. 216; Порошины. С. 211 (о библиотеке бабушки в ее имени «близ Брест-Литовска»).
- ⁴⁴⁰ Дмитриев М. С. 427; Назимова. С. 851.
- ⁴⁴¹ Керн. С. 118; Квашнина-Самарина. С. 38.
- ⁴⁴² Незатейливое воспитание. С. 51; Лотман. С. 53; Сумароков. С. 307.
- ⁴⁴³ Блудова. Стб. 1217.
- ⁴⁴⁴ Дмитриев М. С. 442.
- ⁴⁴⁵ Дмитриев И. С. 201; Державин. С. 6—11; Аксаков; Фонвизин Д. И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях. СПб., 1830.
- ⁴⁴⁶ Блудова. Стб. 1218.
- ⁴⁴⁷ Переписка М. А. Волковой и В. И. Ланской... Стб. 2389—2390.
- ⁴⁴⁸ Эделинг. С. 206.
- ⁴⁴⁹ Керн. С. 331.; Николева. № 9. С. 113.
- ⁴⁵⁰ Николева. № 10. С. 172.
- ⁴⁵¹ Долгоорукова. С. 44.
- ⁴⁵² Янькова. С. 289, 371.
- ⁴⁵³ Толченев. С. 308; Головина. С. 2. Ср. аналог: Бутковская. С. 598.
- ⁴⁵⁴ Квашнина-Самарина. С. 34—43; Толченев. С. 379—382.
- ⁴⁵⁵ Скалон. С. 340, 346; Скалон. С. 346; Вильмот Марта. С. 273, 348; Керн. С. 104, 117.
- ⁴⁵⁶ Квашнина-Самарина. С. 35—37; Скалон. С. 340; Янькова. С. 366; Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука. М., 1982. С. 444.
- ⁴⁵⁷ Селивановский. С. 524—525.
- ⁴⁵⁸ Скалон. С. 348; Блудова. Стб. 1217; ср.: «...управление деревней зависело от одной моей матери, то и занятия ее требовали много времени...» (Лабзина. С. 9).
- ⁴⁵⁹ Скалон С. В. Воспоминания // Записки и воспоминания русских женщин XVIII — первой половины XIX в. Сост. Г. Н. Моисеева. М., 1990. С. 290.
- ⁴⁶⁰ Толченев. С. 48, 58, 87; Винский. С. 115—116; Глинка. С. 17—18; Янькова. С. 55; Русский быт. Ч. 2. Вып. 2. С. 9.
- ⁴⁶¹ Такова была, например, А. П. Кудрявцева, сумевшая — получив от отца наследственные вочины — скупить и ближайшие к родовым землям имения, доведя свою земельную собственность к 1743 г. до двадцати с лишним тысяч десятин. См.: Поливанов В. Н. Заметка // ИВ. 1887. Год XXX. С. 496; Никита Алферович Кудрявцев и его

- потомство // Корсаков. С. 37. Ср. также о хозяйствовании в имении одной из старших сестер Е. П. Янковой (Янькова. С. 366). Аналогичную ситуацию рассказал в своих мемуарах С. Н. Глинка, который, «исполняя волю матери, отдал сестре все наследство, движимое и недвижимое» (Глинка. С. 187).
- ⁴⁶² Бутковская. С. 618; Вильмот Кэтрин. С. 371.
- ⁴⁶³ Аксаков. С. 48–49.
- ⁴⁶⁴ Аксаков. С. 351; Толченев. С. 369, 387, 421; Мещерская. С. 18; Эделинг. С. 225; Янькова. С. 26.
- ⁴⁶⁵ Винский. С. 115; Керн. С. 107; Алтуфьев. С. 34.
- ⁴⁶⁶ Двенадцатый год в воспоминаниях современников. Сост. В. В. Каллаш. М., 1912. С. 275; ср.: Глинка. С. 6.
- ⁴⁶⁷ «Они жили открыто, были очень гостеприимны, и гости наполняли их дом постоянно. Стол был такой лакомый и изобильный, какой теперь трудно встретить... доходя иногда до изумительной роскоши. Их завтраки отличались изобилием и необыкновенною чопорностью. Несметное количество разных пирожков и много закусок, домашних и купленных, в особенности водки были верх изящества и разнообразия... Гостям приходилось отведывать их хотя по капельке, но пьяных я никогда не видала. Кутеж был тогда а l'ordre du jour» (Керн. С. 107) Ср.: «...всегда подавалось 10 кушаний, непременно 2 горячих. Славился у нее пирог с угрем. Мороженое подавали в хрустальной вазе... “Кушай все, непременно, хоть понемножку, но всего”, — говаривала она нам...» (Поленова М. А. Воспоминания о Державиной // Хрушов. С. 573).
- ⁴⁶⁸ Бутковская. С. 598; Вильмот Кэтрин. С. 358; Вильмот Марта. С. 255, 258–259, 271.
- ⁴⁶⁹ Вильмот Кэтрин. С. 302; аналогично — мать С. Т. Аксакова. См.: Аксаков. С. 140.
- ⁴⁷⁰ Янькова. С. 55; Вильмот Марта. С. 480; Мордвинова. С. 408.
- ⁴⁷¹ Керн. С. 335; Чечулин Н. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. СПб., 1889.
- ⁴⁷² Долгоруков И. М. Капище моего сердца. М., 1890. С. 112.
- ⁴⁷³ Глинка. С. 240–241; Аксаков. С. 141–142, 161, 447.
- ⁴⁷⁴ Де Бруин К. Путешествие через Московию. М., 1873. С. 96.
- ⁴⁷⁵ Эделинг. С. 225.
- ⁴⁷⁶ Глинка. С. 215. О строительстве и обустройстве собственного дома на Пречистенке см. также: Янькова. С. 202–212.
- ⁴⁷⁷ Ржевская. С. 39; Рондо. С. 126–127.
- ⁴⁷⁸ Янькова. С. 289; Vigee-Lebrun M. L. Souvenir de ma vie. Paris, 1869. P. 352.

- ⁴⁷⁹ Об этом упомянули и П. А. Болотов (сын А. Т. Болотова) в «Журнале или ежедневных записках препровожденного времени» и И. Толченев в своем дневнике. См.: Толченев. С. 308 (о Кунсткамере); Русский быт. Ч. 2. Вып. 1. С. 234–235.
- ⁴⁸⁰ Из переписки В. Н. Головиной 1796 г. // Русский быт. Ч. 2. Вып. 2. С. 217.
- ⁴⁸¹ Янькова. С. 216; Виже Лебрен. С. 231; Русский быт. Ч. 2. Вып. 1. С. 217; Щербатов. Репринт. С. 73.
- ⁴⁸² Рондо. С. 43.
- ⁴⁸³ Головина. С. 41.
- ⁴⁸⁴ Виже Лебрен. С. 23; см. также: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1980. С. 74.
- ⁴⁸⁵ Леди Рондо, побывавшая в России середины XVIII в., описала в своих письмах эпизод из жизни столичных дворянок, немислимый в чопорной и законопослушной Англии того времени: три или четыре «красавицы здешнего северного царства», сообщила Рондо, «присудили быть высеченным» легкомысленному лове-ласу, ухаживавшему сразу за всеми дамами (к тому же они были замужними), и когда «виновность была доказана, исполнили приговор в точности или поручили служанкам...» (Рондо. С. 43).
- ⁴⁸⁶ Болотов. С. 202; Янькова. С. 744–745; Глинка. С. 240, 311; Русский быт. Ч. 2. Вып. 1. С. 213–240, 243–303.
- ⁴⁸⁷ Головина. С. 88–89.
- ⁴⁸⁸ Янькова. С. 114–115, 198; Головина. 61–66. Е. П. Янькова, рассказывая о жизни в Москве, упоминает, что их дом в этой второй столице был «деревянный, с садом, огородом и огромным пустырем, где паслись наши коровы» — то есть домашняя жизнь в Москве весьма напоминала сельскую. См.: Янькова. С. 741–742.
- ⁴⁸⁹ Русский быт. Ч. 2. Вып. 1. С. 218–219; Вигель. С. 220–221.
- ⁴⁹⁰ Ржевская. С. 47–48; Головина. С. 183; Янькова. С. 213.
- ⁴⁹¹ Тем не менее сын Е. Р. Дашковой женился на купеческой дочери! См.: Дашкова. С. 200–201.
- ⁴⁹² Вишняков. С. 91–92; Полилов. С. 25.
- ⁴⁹³ Толченев. С. 437; Шукин Н. С. Чай и чайная торговля в России // Журнал Министерства внутренних дел. 1850. Ч. 30. Кн. 4. С. 69–91; 194–211; Винский. С. 115–116.
- ⁴⁹⁴ Вишняков. С. 85; Авдеева В. А. Детство в Брюсовском переулке. // Наше наследие. 1990. № 6. С. 110
- ⁴⁹⁵ Винский. С. 115; Вишняков. С. 92–93; Русская мысль. 1883. № 2. С. 267.
- ⁴⁹⁶ Мельников П. И. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М., 1963. С. 108.

- ⁴⁹⁷ Вишняков. С. 44; Вишнеков А.. Крестьянская пирушка // Брук. С. 129; Толченев. С. 434–437.
- ⁴⁹⁸ Семенова. С. 199–206; Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»... С. 74–79.
- ⁴⁹⁹ Ефименко А. Я. Народные юридические воззрения на брак // Знание. 1874. № 1; Ее же. Крестьянка женщина. Этнографический этюд // Дело. 1873. Год 7-й. Февраль. С. 173–207; Семевский В. И. Крестьяне в царствование... Т. I–II; Его же. Домашний быт и права крестьян XVIII в. // Устои. СПб., 1882. № 2; Желобовский.
- ⁵⁰⁰ Бояршинова З. Я. Крестьянская семья в Западной Сибири феодального периода // Вопросы истории Сибири. 1967. Вып. 3. Томск, 1967. С. 14–15.
- ⁵⁰¹ Громько М. М. Мир русской деревни. М., 1991; Власова И. В. Семья и семейные отношения // На путях из земли Пермской в Сибирь. М., 1989. С. 176–222 и др.
- ⁵⁰² Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 2. Кн. 1. СПб., 1786. С. 283–284; Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. СПб., 1824. С. 359–360.
- ⁵⁰³ Миненко. С. 111; Фальк. С. 348–360.
- ⁵⁰⁴ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 32. Л. 29–30; Д. 40. Л. 1об.; «...крестьяне крайне неопрятны... Избу моют лишь на Пасху» (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 51. Л. 11; Д. 8. Л. 6; Д. 71. Л. 13).
- ⁵⁰⁵ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 33. Л. 8–10; Быт. С. 282; РГАДА. Ф. 1252 (Шереметевы). № 376 (Останкино). Л. 10–10об.; Щепетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. 1708–1885. Л., 1945. С. 204–205; Семевский В. И. Крестьяне в царствование... Т. I. С. 286–287.
- ⁵⁰⁶ См., напр.: Лепренс Ж.-Б. Внутренность русской избы ночью. Рисунок // Брук. С. 67, цв. вкл.
- ⁵⁰⁷ Крюкова. С. 103; Ефименко А. Я. Крестьянская женщина. С. 205.
- ⁵⁰⁸ Семевский В. И. Домашний быт и права крестьян XVIII в. // Устои. СПб., 1882. № 2 С. 70.
- ⁵⁰⁹ См.: ПСЗ. Т. XII. № 9019. С. 197.
- ⁵¹⁰ Тема семейных разделов у русских крестьян прекрасно разработана американскими крестьяноведами. См., напр.: Frierson С. А. The Peasant Family Division and the Commune // Paper, Presented to the Conference on the Commune and Communal Forms in Russia. University of London. 7.11.07. 1986 (Published: Land Commune and Pesant Community in Russia. Ed. R. Bartlett. L., 1990. P. 303–321;

- Eadem. Razdel: The Peasant Family Divided // The Russian Review. Cambridge (Mass.), 1987. V. 46. P. 35–52.
- ⁵¹¹ Информатор фонда В. Н. Тенишева из Шуйского уезда привел поговорку: «Уж, видно и сама-то жох, коли из пяти снох ни одной хорошей не выискала», выразившую суть дела: большуха должна была уметь уживаться с молодыми (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 66 (Шуйский уезд). Л. 9).
- ⁵¹² Семевский В. И. Домашний быт... С. 78–84.
- ⁵¹³ «...группа женщин в пять-шесть человек, переходя из дома в дом..» (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–2).
- ⁵¹⁴ «Большуха — не всегда жена большака. Ею может являться не только замужня женщина, но и вдова или девушка или одна из снох. На большухе лежит распорядительство всеми женщинами...» (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 32 (Меленковский уезд). Л. 3).
- ⁵¹⁵ Даль. С. 392–393; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 50. Л. 2–6.
- ⁵¹⁶ См.: Брук. С. 159. Ил. 133–134, С. 178. Ил. 141.
- ⁵¹⁷ Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области в прошлом и настоящем. М., 1964. С. 117; Миненко. С. 155.
- ⁵¹⁸ Быт. С. 233–234; Миненко Н. А. Живая старина. Новосибирск, 1989. С. 113–126.
- ⁵¹⁹ Русские народные гулянья по рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева. М. — Л., 1948; Громько М. М. Мир русской деревни. С. 319–361.
- ⁵²⁰ Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768–1769 гг. СПб., 1795. Ч. 1. С. 9.
- ⁵²¹ Бернштам Т. А. Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX — начале XX в. // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л., 1978. С. 51.
- ⁵²² КК цит. по: Цатурова. С. 65; ПСЗ. Т. V. № 2789; Т. VI. № 3485 (Гл. IV. Ст. 8).
- ⁵²³ ОдиД. Т. VII. № 261; Т. VI. № 306; Т. IX. № 427; ПСПиР. Т. V. № 1867.
- ⁵²⁴ ОдиД. Т. II. Ч. I. № 31, 138; Т. III. № 67; Т. V. № 150; Т. VIII. № 107258; Т. XV. № 377; Т. XVI. № 327, 392; Т. XIX. № 26; ПСЗ. Т. X. № 7761. ПСПиР. Т. X. № 3309.
- ⁵²⁵ Способин А. Д. О разводе в России. М., 1881. С. 38; ПСЗ. Т. V. № 4022. П. 5.
- ⁵²⁶ Павлов А. С. Курс церковного права. СПб., 1874. С. 388; Загоровский А. И. О разводе по русскому праву. Харьков, 1884; Победоносцев К. П. Курс гражданского права. СПб., 1889. Ч. I–III; Завья-

- лов А. А. К вопросу о браке и брачном разводе // Странник. 1892. № 3. С. 453.
- 527 ОдиД. Т. VI. № 218. 1726 г.; ОдиД. Т. XI. № 364. 1731 г.
- 528 Вебер. Стб. 1368; ОдиД. Т. I. № 514 (1721—1722 гг.); ОдиД. Т. VI. 1718—1719 гг. Стб. 378—380.
- 529 ПСПиР. Т. V. С. 452.
- 530 ПСЗ. Т. V. № 4022 (П. 4); ПСПиР. Т. III. № 1044. П. XI; ПСЗ. Т. VII. № 4190.
- 531 Загоровский А. И. Курс семейного права. Одесса, 1909. С. 119—120; Розанов Н. И. История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода 1721—1821. Ч. 1. Кн. 1. С. 87—88; ОдиД. Т. III. № 394/360. С. 402; Т. VII. № 26/325. С. 271; ПСПиР. Т. I. № 219. С. 235. Т. V. № 1867. С. 447; и др.
- 532 РГИА. Ф. 796. Оп. 39. № 254, 258, 259; Оп. 43. № 287, 366; Оп. 44. № 283; Оп. 52. № 340; Оп. 53. № 331; Оп. 59. № 349; Оп. 66. № 368, 370, 371, 373—376, 395; Оп. 67. № 363; Оп. 78. № 461; Оп. 79. № 567, 594; Ф. 797. Оп. 1. № 11/439; РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. III. № 205. Ч. VII. № 146, 280, 296; Ч. VIII. № 14, 166, 194; Ч. XIV. № 52, 67, 105; Ч. XXIII. № 269; Ч. XXIV. № 124.
- 533 РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 782. № 31; ОдиД. Т. VII. № 302; Т. IX. № 140; Т. XI. № 269; Т. XII. № 368; Т. XX. № 290; Т. XXVI. № 223; Т. XXXI. № 269; РГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2931. Л. 1; Ф. 796. Оп. 26. № 325; Оп. 26. № 401.
- 534 ПСЗ. Т. XIX. № 14229; ПСПиР. Т. VII. № 2335, 2553; РГИА. Ф. 796. Оп. 66. № 306; РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. XXI. № 289.
- 535 ОдиД. Т. VI. № 308; РГИА. Ф. 796. Оп. 31. № 164; Оп. 43. № 223; Оп. 66. № 380, 484; РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. VII. № 291.
- 536 Загоровский А. И. О разводе по русскому праву. С. 199—200; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1108. Л. 27—28.
- 537 Седерберг Г. Заметки о религии и нравах русского народа. 1709—1718. М., 1873. С. 22; Рейтенфельс. С. 177; Лотман Ю. М. К вопросу об историкокультурном значении высказываний иностранцев о России // Сравнительное изучение культур. Л., 1976. С. 125.
- 538 ОААНЛ. Т. II. Стб. 397; Указ 11 декабря 1730 г. // ПСЗ. Т. VIII. № 5655; Т. XVIII. № 12935.
- 539 ПСЗ. Т. VI. № 3963; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1465. Л. 34; Д. 947. Л. 4.
- 540 ПСПиР. Т. III. № 1154. П. 5—6; Решения Синода по делам духовно-судным. 4 окт. 1745 г. Синодальный протокол № 83 // Православное обозрение. 1891. Т. 2. С. 528.
- 541 Сборник пословиц А. И. Богданова... № 1242, 3232; Шаповалова. № 265.

- ⁵⁴² См., напр.: Дашкова. С. 87; Янькова. С. 8, 13; Назимова. С. 844 и др.
- ⁵⁴³ «Вины разводов брачных. I. Причины прелюбодейства и челобитье о том брачных друг на друга...» (ПСЗ. Т. VI. № 3963); КК. Гл. 44, 48, 49. С. 349; 400, 494).
- ⁵⁴⁴ КК. Правила Василия Великого. № 21. С. 226.
- ⁵⁴⁵ ПСЗ. Т. VI. № 4081. С. 764; Руднев М. Церковное судопроизводство по делам о расторжении брака по причине супружеской неверности // Христианское чтение. 1902. Ч. 1. С. 116.
- ⁵⁴⁶ См., напр.: Прощение о расторжении брака Прасковьи Михайловны жены генерал-майора Давида Тимофеева фон Нагина. Дело архива Тульской духовной консистории за 1800 г. // Христианское чтение. 1902. № 1–4. Церковное судопроизводство по делам о расторжении брака. № 30. С. 107; Симони. I. № 411.
- ⁵⁴⁷ Сборник пословиц Библиотеки Академии наук // Пословицы, поговорки, загадки... № 943.
- ⁵⁴⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 39. № 262; Оп. 41. № 244; Оп. 43. № 228, 230; Оп. 52. № 349, 350; Оп. 54. № 347, 349; Оп. 59. № 358; Оп. 78. № 475; Оп. 79. № 585, 587, 590, 591, 592, 593. Ф. 797. Оп. 1. № 10/155, 10/203; Ф. 1348. Оп. 51. Ч. 1. № 9/60. РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. VII. № 291, 365, 471; Ч. VIII. № 6; Ч. IX. № 37; Ч. XIV. № 134.
- ⁵⁴⁹ ОдиД. Т. VI. № 197; Т. VIII. № 133, 310, 473, 631; Т. IX. № 30; Т. XVI. № 182; Т. XX. № 168; Т. XXII. № 233, 462; ПСЗ. Т. XIX. № 14160. С. 654.
- ⁵⁵⁰ Седерберг Г. Заметки... С. 22–23; ОААНл. Т. I. Стб. 711–713 (Дело петербургского мастерового А. Р. Звездочетова 1714 г.); ОААНл. Т. II. Стб. 1077–1079 (Дело токаря Л. Косогова 1719 г.).
- ⁵⁵¹ Янькова С. 8, 13; Назимова. С. 844–846.
- ⁵⁵² Назимова. С. 846.
- ⁵⁵³ Сегюр Л. Ф. де. Записки // Помещичья Россия. С. 42.
- ⁵⁵⁴ Щербатов. Репринт. С. 115–116.
- ⁵⁵⁵ ПСЗ. Т. XII. СПб., 1830. № 9011 (1744 г.). С. 191; Головина. С. 77.
- ⁵⁵⁶ Дашкова. С. 87.
- ⁵⁵⁷ Радишев. С. 290–291; ПСПиР. Т. IX. № 3095.
- ⁵⁵⁸ РГИА. Ф. 796. № 566; РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. VII. № 296, 390; Ч. VIII. 124, 166, 194, 216; Ф. 248. Оп. 14. Кн. 782. № 31; ОдиД. Т. XXI. № 466.
- ⁵⁵⁹ КК. Правило шестого вселенского собора в Трулле. № 93. С. 178; Правила Василия Великого. № 31, 36, 46. С. 224–259; РсвСпДДС. № 228. С. 539.

- 560 ПСЗ. Т. XII. № 9087; КК. Глава 8. Грань 11. С. 260; ПСПиР. Т. V. № 1841; ОдиД. Т. IV. № 203; РГИА. Ф. 796. Оп. 79. № 599; РсвСпДДС. № 24, № 371), № 572 и др. С. 530–531.
- 561 ОдиД. Т. VIII. № 326; ср. аналог: ПСПиР. Т. VI. № 2150.
- 562 Семенова. С. 60; РсвСпДДС. № 350. С. 530–531.
- 563 РсвСпДДС. № 96. С. 532 (1803 г.).
- 564 ПСЗ. Т. VI. № 3628; Т. XVII. № 10086.
- 565 Загоровский А. И. О разводе по русскому праву. С. 199–200; Кузьмин А. Г. Татишев. М., 1981. С. 328.
- 566 ОдиД. Т. XXVI. № 278; ср. аналоги: Т. XI. № 10, 353; ПСПиР. Т. VII. № 2493.
- 567 ОААНл. Т. I. Стб. 711–713; ОдиД. Т. II. Стб. 532–536 (1712 г.); Берхгольц. С. 23; Т. XV. № 193, 221; ПСПиР. Т. IX. № 2924; Т. X. № 3556; Т. XX. № 14886 и др.
- 568 ОдиД. Т. II. Ч. I. № 99. С. 67–68. Сохранилось письмо А. Г. Салтыковой к М. И. Балк, в котором она рассказывает подруге, как была от мужа «два раз (а) бита» и «совсем (об) обрана», приведенное в исследовании В. И. Семевского. См.: Царица Екатерина Алексеевна. С. 286–287.
- 569 Керн. С. 331. Цылов. С. 44–45; Дело о прощении Балакирева 4 окт. 1735 г. РсвСпДДС. С. 528.
- 570 Капнист-Скалон. С. 371, 373.
- 571 Дашкова. С. 87; «...детей у них не было, и они скоро разъехались, дав друг другу подписку, чтобы некоторому из них после другого седьмой части не брать...» (Янькова. С. 8).
- 572 Суворов А. В. Письма. М., 1986. С. 323; Лотман. С. 122.
- 573 Челобитную Агафьи Васильевой 1785 г. цит. по: Миненко. С. 134.
- 574 Костров. С. 26; Миненко. С. 134; Ядринцев Н. М. Женщина в Сибири в XVII и XVIII столетиях // Женский вестник. 1867. № 8. С. 116.
- 575 РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 32. Л. 65–66; Д. 58. Л. 10; Д. 1885. Л. 7; ср. также: Григоровский Н. П. Очерки Нарымского края // Записки Западно-Сибирского отделения РГО. 1882. Кн. IV. С. 9.
- 576 Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. Т. II. Семейное право, наследство опека. СПб., 1879. Т. II. С. 85–119.
- 577 О брачных разводах по архивным документам Харьковской и Курской духовных консисторий. Сообщил А. Лебедев. М., 1887. С. 4. (1726 г.); ОдиД. Т. V (1725 г.). С. 601–602; Т. VI (1726 г.). С. 534 и др.
- 578 Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края... С. 107–108; Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву, семейному и наследственному. СПб., 1877. С. 27.

- ⁵⁷⁹ Спасский Г. Нечто о русских в Сибири старожилах // Сибирский вестник. 1818. Ч. 1. С. 13 (125); РГАДА. Ф. 628. Оп. 1. Д. 42. Л. 1—5об. (1741 г.)
- ⁵⁸⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 911. Л. 100—110об.; Д. 320. Л. 35—183; Д. 914. Л. 10—168об. (все дела — 1800—1806 гг.); Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник. СПб., 1864. Вып. IV. С. 54.
- ⁵⁸¹ Розанов Н. История Московского епархиального управления. СПб., 1889. Кн. 1. Ч. 1. Примеч. 204; Ч. 2. Примеч. 79; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1465. Л. 34; Д. 947. Л. 4; РГИА. Ф. 468. Оп. 20. Д. 320. Л. 103; Д. 914. Л. 168об.; Д. 967. Л. 366.

Список сокращений

- ААЭ* Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Т. 1–4. Спб., 1836.
- Аксаков* Аксаков С. Т. Семейная хроника. М., 1982.
- Александров* Александров В. А. Сельская община в России XVII — начала XIX вв. М., 1976.
- Алтуфьев* Алтуфьев В. И. Памятные записки. 1785–1831 гг. // ШСб. Вып. 8. М., 1909.
- Антидот* Антидот (противоядие). Полемическое сочинение государыни императрицы Екатерины Второй. Перевод с французского подлинника // Осмнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым. М., 1869.
- Басаргин* Басаргин Н. В. Записки. Пг., 1917.
- Басевич* Басевич Г. Ф. Записки // РА. Т. 3. М., 1865.
- Березина* Березина Е. Я. Жизнь моей матери, или Судьбы провидения // ИВ. 1894. Т. 58. № 12.
- Берхгольц* Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. Т. 1–2. М., 1902–1903.

- Блудова* Блудова А. Д. Записки графини Антонины Дмитриевны Блудовой // РА. 1872. № 7/8.
- Болотов* Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим. СПб., 1871.
- Болтин* Примечания на историю древняя и нынешняя г-на Леклерка. СПб., 1788. Т. I.
- Брук* Брук Я. В. У истоков русского жанра. XVIII век. М., 1990.
- Брусилов* Брусилов Н. П. Императрица Екатерина в домашнем быту // Помещичья Россия.
- Бутковская* Бутковская А. Я. Рассказы бабушки // ИВ. 1884. Т. 18. № 12.
- Быт* Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. Сост. Фирсов Б. М., Киселев И. Г. СПб., 1993.
- Вебер* Вебер Х. Ф. Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // РА. 1872. Т. 6.
- Ведомости* Санкт-Петербургские ведомости.
- Вейсброд* Вейсброд Л. Частная переписка // Сборник РИО. СПб., 1888. Т. 61.
- Вигель* Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1928.
- Виже Лебрэн* Виже Лебрэн. В России 1795—1801 гг. // Русский быт. Ч. 2. Вып. 1.
- Вильмот Кэтрин* Письма Кэтрин Вильмот 1803—1805 гг. // Записки княгини Е. Р. Дашковой и письма сестер Вильмот из России. Под ред. С. С. Дмитриева и Г. А. Веселой. М., 1991.
- Вильмот Марта* Письма Марты Вильмот 1803—1805 гг. // Записки княгини Е. Р. Дашковой и письма сестер Вильмот из России.
- Винский* Винский Г. С. Мое время. СПб., 1914.
- Вишняков* Вишняков Н. Сведения о купеческом роде Вишняковых. 1762—1847. М., 1905.

- Вяземский* Вяземский П. А. Московское семейство старого быта // Русские мемуары.
- ГИМ* Государственный исторический музей.
- Глинка* Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895.
- Головина* Записки графини Варвары Николаевны Головиной (1716—1819). Ред. и примеч. Е. С. Шумигорского. СПб., 1900.
- Давид* Давид И. Современное состояние великой России или Московии // ВИ, 1968. № 4.
- Даль* Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.
- Данилов* Данилов М. В. Записки // РА. Год 21-й. М., 1883. Кн. 2. Вып. 3.
- Дашкова* Дашкова Е. Р. Записки княгини Дашковой. Под ред. С. С. Дмитриева. М., 1991.
- Державин* Державин Г. Р. Записки из известных всем происшествий и подлинных дел // Державин Г. Р. Сочинения. Т. VI. М., 1871.
- Дмитриев И.* Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь // Русские мемуары.
- Дмитриев М.* Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти // Русские мемуары.
- Долгоруков* Долгоруков И. М. Записки // Долгоруков И. М. Сочинения. Т. 2. СПб., 1849.
- Долгорукова* Долгорукова Н. Б. Своеручные записки // Записки русских женщин XVII — первой половины XIX века. М., 1990.
- Желобовский* Желобовский А. И. Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества. Воронеж, 1892.
- ИА* Исторический архив.
- ИВ* Исторический вестник.
- Ивановская* Ивановская Т. Дети в пословицах и поговорках // Вестник воспитания. Год XIX. М., 1908.

- Кавелин* Кавелин К. Д. Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х гг. XIX в. Мемуары современников. М., 1989.
- Капнист-Скалон* Капнист-Скалон С. В. Воспоминания // Записки и воспоминания русских женщин XVIII — первой половины XIX в. Сост. Г. Н. Моисеева. М., 1990.
- Квашнина-Самарина* Квашнина-Самарина Е. П. Дневник // Сборник Новгородского общества любителей древности. 1928. № 9.
- Керн* Керн А. П. Воспоминания, дневники, переписка. М., 1974.
- КК* Кормчая книга. Перепечатано с оригинала патриарха Иосифа. М., 1913.
- Коллинз* Коллинз С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. М., 1846.
- Комаровский* Комаровский Е. Ф. Записки. СПб., 1914.
- Корсаков* Корсаков Д. А. Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891.
- Костров* Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876.
- Крюкова* Крюкова С. С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994.
- Кузнецов* Кузнецов Я. О. Семейное и наследственное право в народных пословицах и поговорках. СПб., 1910.
- Лабзина* Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной (1758—1828). СПб., 1903.
- Листовский* Листовский И. Из недавней старины // РА. М., 1884. (Год 22-й). Кн. 1. № 1—2.
- Лотман* Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре XVIII — начала XIX в. СПб., 1994.
- Мещерская* Мещерская С. В. Воспоминания княгини Софьи Васильевны Мещерской. Тверь, 1902.

- Миненко* Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX вв.). Новосибирск. 1979.
- Мордвинова* Мордвинова Н. Н. Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и о его семье. Записки дочери // Записки и воспоминания русских женщин XVIII — первой половины XIX века. М., 1990.
- Муханова* Муханова М. С. Из записок // РА. 1878. Кн. 1. Вып. 2.
- Назимова* Назимова М. Г. Бабушка графиня М. Г. Разумовская // ИВ. 1899. Т. 75. № 3.
- Незатейливое воспитание* Незатейливое воспитание. Из записок А. Ш. // Атеней. 1858. Ч. 5. № 10.
- Николева* Николева М. С. Черты старинного дворянского быта. Воспоминания // РА. 1893.
- ОААНл* Описание архива Александро-Невской лавры. СПб., 1903.
- ОДиД* Описание документов и дел, хранящихся в архиве правительствующего Синода.
- Олеарий* Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1905.
- Печерин* Записки Федора Пантелеймоновича Печерина 1737—1816 гг. // РС. Год 22-й. 1891. № 12.
- Полилов* Полилов Г. Т. Из дедовской хроники // Полилов-Северцев Г. Т. Наши деды-купцы. Бытовые картины начала XIX столетия. СПб., 1907.
- Полилова* Полилова Ю. Дневник купеческой девушки // Полилов-Северцев Г. Т. Наши деды-купцы.
- Помещичья Россия* Помещичья Россия по запискам современников. М., 1911.
- Порошины* Порошины. Семейные воспоминания, представленные С. С. Порошиным // РС. Год XIII. 1882. Том XXXVI.

- Посошков* Посошков И. Т. Завешание отеческое. СПб., 1893.
- ПРГ* Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1861–1862.
- ПРП XVIII* Письма русских писателей XVIII в. М., 1980.
- ПРП* Памятники русского права.
- ПСЗ* Полное собрание законов Российской империи.
- ПСПиР* Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи.
- РА* Русский архив
- Рабинович* Рабинович М. Г. Город и городской образ жизни // Очерки русской культуры XVIII в. Ч. IV. М., 1990.
- Радищев* Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Репринт издания: London, 1858. М., 1983.
- РГАДА* Российский государственный архив древних актов (Москва).
- РГИА* Российский государственный исторический архив.
- РГО* Русское географическое общество.
- Рейтенфельс* Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905.
- Ржевская* Ржевская Г. И. Памятные записки // РА. 1871. Кн. 1. Вып. 1.
- РИО* Русское историческое общество.
- РО РНБ* Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
- РО СПбФ ИРИ* Рукописный отдел Санкт-Петербургского филиала Института российской истории.
- Ровинский* Русские народные картинки. СПб., 1881.
- Рондо* Письма леди Рондо. Перевод с англ. С. Н. Шубинского. СПб., 1874.

- Ростопчина* Ростопчина Л. А. Правда о моей бабушке. Отрывок из воспоминаний // ИВ. 1904. Т. 95. № 1.
- РС* Русская старина.
- РсвСпДДС* Решения св. Синода по делам духовно-судным 1752—1810 гг. // Православное обозрение. 1891. Май—июнь.
- Русские мемуары* Русские мемуары: XVIII век. М., 1988.
- Русский быт* Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. М., 1914—1923.
- РЭМ* Российский этнографический музей (Санкт-Петербург).
- РЭМ. Ф. 7. Оп. 1* Материалы этнографического бюро князя В. Н. Тенишева в Российском этнографическом музее.
- Сабанеева* Сабанеева Л. А. Воспоминания о былом. Из семейной хроники 1770—1838 гг. СПб., 1914.
- Селивановский* Селивановский Н. С. Записки // Биографические записки. 1858. № 17.
- Семенова* Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982.
- Симони* Симони П. К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1899.
- Скалон* Скалон С. В. Воспоминания С. В. Скалон (урожденной Капнист) // ИВ. 1891. Т. 44. № 4.
- Смирнова* Смирнова А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929.
- Стрейтс* Стрейтс Я. Три путешествия. М., 1935.
- Сумароков* Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957.
- Татищев* Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979.
- Толченев* Толченев И. А. Журнал или записка жизни и приключений. М., 1974.

- Хрущов* Хрущов И. Милена, вторая жена Державина // Русский вестник. 1903. Т. 283. Кн. 2.
- Цатурова* Цатурова М. К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. М., 1991.
- Цылов* Цылов Н. И. Описание жизни Н. И. Цылова // ШСб. Вып. 6. М., 1907.
- Шаповалова* Шаповалова Г. Г. Псковский рукописный сборник начала XVIII века // Русский фольклор: материалы и исследования. М. — Л., 1959. Вып. 4.
- Шимко* Шимко Н. И. Новые данные к биографии Антиоха Дмитриевича Кантемира. СПб., 1891.
- Шлейссингер* Шлейссингер Г. Полное описание России // ВИ, 1970. № 1.
- Щербатов. Репринт* Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. Репринт. изд. London, 1858. М., 1993.
- Щербатов. Сочинения* Щербатов М. М. Сочинения. СПб., 1898.
- ШСб* Шукинский сборник.
- Эделинг* Эделинг Р. С. Из записок графини Эделинг, урожденной Стурдзы // РА. 1887. Кн. 1. № 2.
- Энгельгардт* Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1867.
- Юль* Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. М., 1900.
- Янькова* Янькова Е. П. Рассказы бабушки: из воспоминаний пяти поколений. Записки, собранные ее внуком Д. Д. Благово. М., 1878.

Именной указатель

- Авдеева В. А.* 171
Адриан, патриарх (1690—1700)
16
Аксаков С. Т., писатель 24, 35,
60, 66, 74, 99, 102, 106, 148,
149, 152, 154—156, 158—164,
168—170, 178
Александр I Павлович, импера-
тор 24, 35, 60, 66, 70, 74, 99,
103, 106, 148, 149, 152, 154—
156, 158—164, 168—170, 178
Александров В. А. 178
Алексеев-Яковлев А. Я. 173
Алексей Петрович, царевич,
сын Петра I 36, 78, 80, 155
Алтуфьев В. И. 162, 170, 178
Алферова А. С., жена
М. И. Дашкова 34
Амалия Ивановна, няня
в семье А. О. Смирновой 92
Анна Иоанновна, императри-
ца 91, 119
Анохина Л. А. 173
Апраксин Петр Алексеевич,
граф 125
Апраксина (Голицына)
Анна Борисовна, жена
П. А. Апраксина 124
Аракчеев Алексей Андреевич,
граф 158
Аракчеева Елисавета, коррес-
пондентка А. А. Аракчее-
ва 158
Аргунов И. П., крепостной
художник 32, 151
Арьес Ф. см. *Ariès Ph.*
А. Ш., мемуаристка 70, 77, 182
Балк М. И., подруга А. Г. Сал-
тыковой 176
Басаргин Николай Васильевич,
декабрист 20, 52, 146, 148,
151, 155, 157, 161, 178
Бассевич Г. Ф., мемуарист 143,
147, 178
Бастидонова Екатерина, неве-
ста Г. Р. Державина 20, 35
Беликов Д. Н. 63, 160, 176
Белькур 168
Бердников П. С. 144
Березина Е. Я. 57, 148, 158, 178
Березина П. Г., мать Е. Я. Бере-
зиной 24
Бернштам Т. А. 173

- Берхгольц Ф. В., камер-юнкер, мемуарист 8, 15, 19, 25, 39, 40, 90, 143, 144, 146, 148, 154, 156, 167, 176, 178
- Бецкой Иван Иванович, русский общественный деятель 25, 86, 87
- Бибикина С. Н., дочь Н. М. Муравьева 166
- Бирон Э. И.* 157
- Благово Д. Д., внук Е. П. Янковой 23, 185
- Блудова Антонина Дмитриевна, графиня, мемуаристка 96, 98, 99, 167, 169, 179
- Богданов А. И., русский писатель и книговед 164, 174
- Богданович И. П., русский поэт *Богословский М. М.* 167
- Болотов А. Т., мемуарист 23, 33, 48, 49, 67, 72, 78, 83, 84, 104, 107, 147, 152, 156, 162, 163, 166, 167, 171, 179
- Болотов П. А., сын А. Т. Болотова 171
- Болтунов С., слуга Г. Племянникова 151
- Бояшинова З. Я.* 172
- Бруин Корнелий де, голландский живописец 106, 170
- Брук Я. В.* 144, 150, 151, 155, 158, 172, 173, 179
- Брусилев Н. П. 163, 164, 167, 179
- Булгаков Н. М., московский дворянин 104
- Булгакова П. М., жена Н. М. Булгакова 104
- Бунаков Я. Ф., помещик 71
- Бутковская А. Я., мемуаристка 91, 105, 148, 167, 169, 170, 179
- Бутурлин Иван Иванович, генерал-аншеф 124
- Бутурлина Анна Семеновна, жена И. И. Бутурлина 124
- Василий Великий, православный богослов 123, 148, 149, 175
- Васильева Агафья, сибирская крестьянка 176
- Вебер Х. Ф.* 119, 143, 174, 179
- Вейсброд Л., секретарь английского посольства 23, 147, 153, 179
- Вигель Ф. Ф., автор записок и мемуаров 110, 165, 171, 179
- Виже Лебрен см. *Viegee Lebgrun M. L.*
- Вильме, уфимский учитель-француз 95
- Вильмот Кэтрин, англичанка, писавшая о России 14, 82, 103, 105, 144, 147, 152, 154, 165, 170, 179
- Вильмот Марта, англичанка, писавшая о России 20, 30, 38, 61, 102, 105, 146, 148, 150, 154, 158, 159, 163, 169, 170, 179
- Виниус А. А. 145
- Винцлер М., мемуарист 143
- Винский Григорий Степанович, мемуарист 18, 23, 24, 31, 46, 56, 95, 103, 104, 145–148, 150, 155, 157, 158, 161, 165, 168–171, 179
- Вишняков Н., купец, мемуарист 61, 78, 111, 143, 144, 147, 148, 159, 161, 162, 165, 171, 172, 179
- Владимирский-Буданов М. Ф.* 149

- Власова И. В.* 149, 172
 Волкова М. А., дворянка 158, 169
 Волконская М. Н., княгиня, мемуаристка 168
 Волинский Артемий Петрович, дипломат, астраханский губернатор 17, 33, 69, 145, 162
Воронина Т. А. 157
 Воронцова А. А., родственница Е. Р. Дашковой 162
Воскресенский Н. А. 153, 154
 Вяземский П. А., князь, мемуарист 22, 147, 158, 164, 180
- Гагарина А. И., княгиня 68
 Гедеонов Дмитрий Яковлевич, астраханский губернатор 148
 Гельвеций К. А., французский философ 95
 Глинка Г. Б., родственник С. Н. Глинки 87
 Глинка С. Н., писатель, мемуарист 50, 53, 77, 80, 83, 87, 155, 157, 158, 164–166, 169–171, 180
 Голицын Александр Михайлович, князь 152
 Голицын Борис Владимирович, князь 152
 Голицына Наталья Петровна, княгиня 29
 Головина Варвара Николаевна (урожд. Голицына), графиня, мемуаристка 18, 24, 38, 102, 108, 144, 146, 148, 157–159, 161, 163, 165–167, 169, 171, 175, 180
 Головкин Михаил Гаврилович, граф 146, 157
 Головкина (Ромодановская) Екатерина Ивановна, жена М. Г. Головкина 52, 146, 157
Гребенюк В. П. 142
 Грибоедов Александр Сергеевич, поэт 88, 97
Григоровский Н. 176
Грицкевич В. П. 161
Громыко М. М. 172, 173
- Давид Иржи, чешский путешественник 6, 142, 180
 Давыдова Е. Н., мать Н. Н. Раевского 83, 165, 168
Даль В. И. 150, 161, 162, 164, 173, 180
 Данилов М. В., дворянин, мемуарист 10, 20, 24, 32, 33, 48, 49, 79, 146, 148, 151, 152, 156, 162, 163, 167, 168, 180
 Данилова А. В., сестра М. В. Данилова 24
 Дашков М. И., сын Е. Р. Дашковой 24, 34, 82
 Дашкова (Воронцова) Екатерина Романовна, княгиня, мемуаристка 14, 23, 34, 57, 61, 64, 66, 72, 76, 78, 81, 82, 93–95, 97, 105, 108, 147–149, 152, 157, 158, 161–165, 167–169, 171, 175, 176, 179, 180
 Державин Гавриил Романович, поэт, мемуарист 20, 26, 30, 32, 35, 46, 49, 50, 72, 79, 99, 146, 148, 151, 156, 163, 165, 167–170, 180
 Дмитриев И. И., поэт 99, 156, 158, 169, 180
 Дмитриев М. А., мемуарист 21, 30, 97, 98, 146, 148, 150, 157, 169, 180

- Добрынин Г. И., мемуарист 8, 165
- Довнар-Запольский М. В.* 145, 161
- Долгоруков Василий Владимирович, князь, генерал-фельдмаршал 125
- Долгоруков А. В., князь 119, 120
- Долгоруков Иван Михайлович, внук Н. Б. Долгоруковой 92, 155, 162–164, 166, 167, 170, 180
- Долгорукова Марфа Петровна, княгиня 163, 164
- Долгорукова (Шереметева) Наталья Борисовна, княгиня, мемуаристка 12, 18, 20, 39, 47, 52–54, 71, 81, 143, 144, 146, 152, 153, 155, 157, 158, 163, 165, 168, 180
- Друцкой-Соколинский Михаил, князь 121
- Дубакин А.* 154
- Дьякова А. А., дочь обер-прокурора Сената, жена В. В. Скалона 36
- Дьякова Д. А., жена Г. Р. Державина 22, 26, 49
- Дьякова М. А., сестра Д. А. Дьяковой 22
- Евдокия Федоровна Лопухина, первая жена Петра I 15, 78, 155, 158
- Екатерина I Алексеевна (Скавронская Марта), императрица 46, 47, 151, 155, 156, 158, 159, 161, 163
- Екатерина II Алексеевна, императрица 33, 37, 42, 80, 86, 91, 127, 143, 167, 178
- Екимов А. П.* 144
- Елагина (Бунина) Авдотья Петровна, хозяйка литературного салона, поэтесса 21, 53, 94, 181
- Елизарова Н. А.* 151
- Ефименко А. Я.* 114, 172
- Желобовский А. И.* 159, 172, 180
- Завьялов А. А.* 119, 173
- Загоровский А. И.* 127, 173, 174, 176
- Звездочетов А. Р., петербургский мастеровой 175
- Звонков А. П.* 149, 150
- Зубина С. Н., уфимская дворянка 95
- Зубов Н. А., зять А. В. Суворова 72
- Зубова (Суворова) Н. А., жена Н. А. Зубова 72
- Кавелин К. Д.* 94, 146, 157, 168, 181
- Калаш В. В.* 170
- Кампе И. Г., автор мемуаров 167
- Кантемир Антиох Дмитриевич, поэт 33, 35, 75, 164, 185
- Кантемир Дмитрий Константинович, отец А. Д. Кантемира 81, 145
- Кантемир К. Д., пасынок А. Д. Кантемира 81
- Кантемир Мария Дмитриевна, княгиня, сестра А. Д. Кантемира 35
- Кантемир Матвей Дмитриевич, князь, брат А. Д. Кантемира 35

- Кантемир Настасья Ивановна, мать А. Д. Кантемира 81
- Капнист (Делонвиль) Екатерина Армановна, жена П. Н. Капниста 128
- Капнист П. Н., граф 128
- Карабанов П. Ф. 163
- Карамзин Н. М.* 54, 79, 97, 98, 99, 158, 164
- Карамышев Александр Матвеевич, член Петербургской академии наук 23
- Карпов В. Н.* 77, 164
- Квашнина-Самарина Е. П., валдайская помещица 98, 102, 164, 167, 169, 181
- Керн Анна Петровна, мемуаристка 20, 28, 84, 92, 93, 95, 97, 146, 148, 149, 157, 158, 164–166, 168–170, 176, 181
- Киреевский В. И.* 21, 53
- Кириллова Марья, крестьянка деревни Атамановой 159
- Кирпичников А.* 158
- Княжнин Яков Борисович, поэт, драматург 81
- Ковалева-Жемчугова Праксovia Ивановна, жена Н. П. Шереметева 32, 151
- Кокс Уильям, англичанин, путешественник по России 27, 149
- Комаровская Е. Е., жена Е. Ф. Комаровского 52
- Комаровский Евграф Федотович, генерал-адъютант 19, 69, 146, 152, 157, 162, 164, 181
- Комаровский Егор Евграфович, сын Е. Ф. Комаровского 69
- Корб И., секретарь австрийского посольства 6
- Корсаков Д. А.* 146, 148, 152, 162–165, 170, 181
- Коплан Б. И.* 148
- Костров Н. А.* 160, 176, 181
- Круш Юхан, солдат, первый муж Екатерины I 151
- Крюкова С. С.* 144, 147–149, 154, 157, 172, 181
- Кудрявцев Никита Алферович, правитель Казанского края 74, 169
- Кудрявцева, жена А. А. Трошинского 26
- Кудрявцева А. П., жена Н. А. Кудрявцева 169
- Кузнецов Я. О.* 148–150, 152, 154, 156, 159, 162, 181
- Кузьмин А. Г.* 176
- Кулакова Л. Н.* 157
- Кунин В. В.* 158, 168
- Куракин Александр Борисович, князь, вице-канцлер 17
- Куракин Борис Иванович, князь, дипломат 7, 142
- Куракин Федор Алексеевич, князь, архивист 142
- Куракина Е. С., княгиня 124
- Курганов Николай Гаврилович, автор «Письмовника» 158
- Курмачева М. Д.* 167
- Лабзина Анна Евдокимовна, мемуаристка 13, 20, 23, 28, 55, 71, 144, 146, 147, 149, 158, 163–169, 181
- Ланская В. И., дворянка 158, 169
- Лафрон, преподавательница Смольного института 23

- Лебедев А.* 176
Левашова Наталья Сергеевна, уфимская дворянка 95
Лепехин Иван Иванович, ботаник, академик 117, 173
Лепренс Ж.-Б., художник 172
Липинская В. А. 144
Листовский И., мемуарист 143, 147, 181
Ломоносов Михаил Васильевич 16, 27, 67, 145, 149, 161, 162
Лопухин Иван Владимирович, мемуарист 79, 165, 168
Лопухин Степан Васильевич, вице-адмирал 52
Лопухина А. Ф., дворянка, мемуаристка 151
Лопухина Наталья Федоровна, жена С. В. Лопухина 52
Лотман Ю. М. 155, 158, 160, 169, 171, 172
Львов Алексей Федорович, композитор, скрипач 165
Львов Николай Александрович, архитектор 22, 26, 147
Львов Федор Петрович, отец А. Ф. Львова 26, 28, 79
Львова Елизавета Николаевна, писательница, мемуаристка 168
Мабли Габриель-Бонно, французский писатель 95
Макаров 143
Марин Сергей Никифорович, поэт, переводчик 164
Марина Марфа Антипьевна, дворянка 29
Марчинский, студент 93
Мельников-Печерский Павел Иванович, беллетрист-этнограф 171
Мерсье Луи-Себастьян, французский писатель 95
Меттенлейтер И. Я., художник 116
Мещерская Софья Васильевна, княгиня 23, 53, 78, 92, 157, 164, 165, 167, 170, 181
Миненко Н. А. 144, 150, 154, 159, 162, 165, 172, 173, 176, 182
Михайлов О. Н. 156
Модзалевский Б. Л. 165, 168
Моисеева Г. Н. 155, 169, 181
Мордвинов Николай Семенович, адмирал 182
Мордвинова Н. Н., дочь Н. С. Мордвинова 25, 148, 155, 156, 165, 170, 182
Муравьев Михаил Никитич, поэт 54, 157
Муравьев Н. А., отец М. Н. Муравьева 157
Муравьев Никита Михайлович, отец С. Н. Бибиковой 166
Муравьева Ф. Н., сестра М. Н. Муравьева 157
Мусина-Пушкина Татьяна, дворянка 127
Муханова М. С., мемуаристка 22, 147, 168, 182
Нагин Давид Тимофеевич, генерал-майор 175
Нагина Прасковья Михайловна, жена Д. Т. Нагина 175
Назимова М. Г. 96, 97, 155, 164, 168, 169, 175, 182

- Нарышкина Александра Львовна, жена А. П. Волинского 33
- Нарышкина (Салтыкова) А. П., жена Б. П. Шереметева 25
- Нарышкина Е., жена князя Щербатова 26
- Нарышкина М. А., дворянка 56
- Наталья Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича, великая княгиня 6
- Наталья Кирилловна, жена царя Алексея Михайловича, великая княгиня 80
- Небольсин В. А., дворянин 158
- Немцова Р. А.* 157
- Немчинов Иван, дворецкий А. П. Волинского 145
- Неплюев Иван Иванович, мемуарист 167
- Никифоров А. И.* 165
- Николева А. А., жена тобольского губернатора 69
- Николева М. С., мемуаристка 12, 68, 71, 91, 94, 96, 97, 143, 148, 149, 154, 155, 157, 162, 163, 166–169, 182
- Новиков Николай Иванович, писатель, издатель 98
- Новокшенова Т. Я., девица 15
- Оболенская В. П., жена князя А. Ф. Щербатова 22
- Озерецкая Ф. С.* 167
- Олеарий Адам, путешественник 147, 182
- Опихохин Василий, крестьянин 162
- Опихохина Авдотья, дочь В. Опихохина 162
- Оршанский И. Г.* 176
- Осипова-Вульф П. А., соседка А. С. Пушкина 95, 100
- Павел Петрович, император 22, 35, 128
- Павлов А. С.* 119, 147, 153, 173
- Паллас Петр-Симон, путешественник и натуралист 172
- Панин Никита Иванович, граф, дипломат 149
- Панин Петр Иванович, граф, военный деятель 156, 163
- Панина Анна Алексеевна, жена П. И. Панина 163
- Пассек Н. Ф., жена Д. Я. Геденова 148
- Пахман С. В.* 176
- Перри Джон, капитан, путешественник 7, 142
- Петр I Алексеевич, император 5, 6, 8, 13, 15, 16, 23, 31–33, 36, 38, 39, 45–47, 56, 80, 100, 119, 125, 130, 151, 153–156, 158, 159, 161, 163, 165, 179, 185
- Петр II Алексеевич, император 78
- Петров А. П., редактор журнала 98
- Печерин Федор Пантелеймонович, мемуарист 30, 150, 155, 160, 163, 164, 167, 182
- Племянников Г., дворянин 151, 187
- Плещеева Н. И., дворянка, мемуаристка 99
- Победоносцев К. П.* 119, 173
- Подольская И. И.* 158, 168
- Поленова М. А.* 170
- Поливанов В. Н.* 169

- Полилов Г. Т., мемуарист 143, 148, 163, 168, 171, 182
- Полилова Т., жена Ф. И. Григорьева 26
- Полилова Ю. Е., мемуаристка 143, 146, 148, 168, 182
- Порецкий Дмитрий, бригадир 61
- Порошин С. С., дворянин, мемуарист 182
- Порошины, дворянский род 166, 167, 169, 182
- Посошков И. Т., писатель, экономист 144, 145, 151, 183
- Потемкин Григорий Александрович, князь 81
- Потемкина Мария, бригадирша 61
- Потанин Г. Н.* 160, 177
- Прокопович Феофан, церковный деятель, писатель 145
- Протасьев, мемуарист 84, 166
- Пукирев В. В., художник 25
- Пушкин А. С. 92, 95, 97, 132, 150, 168, 171, 172
- Рабинович М. Г.* 143, 183
- Радзивилл, графиня 56
- Радишев Александр Николаевич, писатель 16, 27, 40, 45, 52, 55, 59, 67, 70, 145, 148, 149, 154, 155, 157–159, 161, 162, 164, 175, 183
- Раевский Николай Николаевич, генерал от кавалерии 83, 165, 168
- Раевский П. М., дворянин, издатель 165, 168
- Раевская (Давыдова) Е. Н., мать Н. Н. Раевского 83
- Рейтенфельс Яков, посол Рима в Москве 5, 121, 142, 174, 183
- Репнин Н. И., князь 125
- Ржевская (Алымова) Глафира Ивановна, смольнянка, мемуаристка, жена А. А. Ржевского 25, 70, 84, 147, 148, 162, 166, 170, 171, 183
- Ржевский Алексей Андреевич, писатель 25
- Ровинский Д. А.* 157, 183
- Розанов Н. И.* 174, 177
- Романов Е. Р.* 154, 162
- Рондо (Вард), леди, жена английского резидента, писательница 42, 66, 108, 155, 161, 170, 171, 183
- Ростопчина Л. А., мемуаристка 46, 155, 166–168, 184
- Руднев М.* 175
- Рукин, сын В. В. Долгорукого 125
- Румянцев-Задунайский Петр Александрович, граф-фельдмаршал 17, 34
- Руссо Жан-Жак, философ, просветитель 65, 84, 95
- Сабанеева Л. А., дворянка, мемуаристка 76, 77, 92, 94, 146, 155, 162, 164, 167, 168, 184
- Саламанова Федосья, жена поручика 62
- Салтыков В. Ф., дворянин 128
- Салтыков С. А., генерал-аншеф 69
- Салтыкова А. Г., жена В. Ф. Салтыкова 128, 176

- Самойлов Александр Николаевич, граф 168
Сафьянова А. В. 144
Сахаров И. П. 111
 Сегюр Луи Филипп, де, граф, французский посол в Петербурге 124, 175
 Седерберг Г., шведский пастор 124, 174, 175
 Селивановский Н. С., мемуарист 77, 103, 162, 164, 169, 184
Семевский В. И. 151, 167, 172, 173, 176
Семенова Л. Н. 143, 145, 151, 152, 160, 172, 176, 184
 Сильвестр, священник московского Благовещенского собора, автор Домостроя 150
Симони П. К. 149, 154, 156, 160, 175, 184
 Скалон В. А., преподаватель Полтавского кадетского корпуса 27
 Скалон В. В., отец С. В. Скалон 147
 Скалон Н. В., дядя С. В. Скалон 62
 Скалон (Капнист) С. В., жена В. А. Скалона, мемуаристка 21, 27, 36, 61, 62, 74, 92, 96, 143, 147, 148, 153, 156, 158–165, 167–169, 176, 181, 184
Смирнов А. 143
 Смирнов Николай, крепостной интеллигент 152
 Смирнова-Россет Александра Осиповна, мемуаристка 92, 162, 164, 168, 184
Снегирев И. 149, 159
 Собакин М. Г., дворянин 15
Соловьев С. М. 174, 167
Спасский Г. 177
Способин А. Д. 173
 Строганова (Воронцова) Анна Михайловна, графиня 93
 Суворов Александр Васильевич, граф-генералиссимус 17, 47, 72, 128, 176
Суворов А. 144, 156
 Суворова Варвара Ивановна, жена А. В. Суворова 129
 Сукина Е. Ф., дворянка 100
 Сумароков Александр Петрович, поэт 88, 166, 169, 184

Татарина Л. В. 155
 Татишев А. Д., генерал-аншеф 125
Татищев В. Н. 17, 37, 47, 48, 80, 127, 146, 152, 153, 156, 162, 165, 176, 184
 Татишева (Андреевская) Анна Васильевна, жена В. Н. Татишева 127
 Татишева А. Ф., дворянка 110
 Татишева Е. В., дочь Татишева В. Н. 162
 Текели Савва, мемуарист 27, 149
Тенишев В. Н. 144, 173, 179, 184
 Толстой Ф. П., вице-президент Академии художеств 21
 Толченев Иван, купец, автор «Дневника» 19, 67, 69, 73, 102, 112, 146, 150, 154, 161–164, 167, 169, 170–172, 184
 Толченева Анна Алексеевна, жена И. А. Толченова 69, 112

- Третьяковский Василий Кириллович, поэт 45, 155
- Трошинский А. А., князь 26
- Трубецкой Иван Юрьевич, князь, генерал-фельдмаршал 125
- Трубецкой Юрий Юрьевич, князь, сенатор 25
- Тэт У. Ф.* 158
- Узунова Н. М.* 167
- Уокер Д., гравер 150
- Устрялов Н. Г.* 151
- Ушаков Степан Федорович, писатель 124
- Фальборк Я. Г.* 167
- Фальк Иоганн Петр, шведский врач и естествоиспытатель 172
- Филарет, московский митрополит 29
- Фонвизин Денис Иванович, драматург 99, 169
- Фрагонар Оноре, французский живописец и график 114
- Фукс В.* 143
- Херасков Михаил Михайлович, писатель, драматург 50
- Хераскова Елизавета Васильевна, жена М. М. Хераскова 50
- Хрущов И. П.* 22, 150, 156, 168, 170, 185
- Худяков Иван, сибирский крестьянин 59, 80, 164
- Худякова Анна Васильевна, крестьянка, жена И. Худякова 59
- Цатурова М. К.* 144, 150, 153, 160, 173, 185
- Цылов Н. И., мемуарист 60, 61, 66, 155, 159, 161, 176, 185
- Чарнолуцкий В.* 167
- Черкасская Варвара, княжна 33, 152
- Черкасский М. А., князь 145
- Чечулин Н. Д.* 170
- Чичагов П. И., помещик, сосед С. Т. Аксакова по имению 102
- Чукмалдин Н. М., мемуарист 167
- Шаповалова Г. Г.* 160, 161, 174, 185
- Шапп, аббат 70
- Шарлотта, жена царевича Алексея Петровича 36
- Шашков С. С.* 158
- Шепелев Д. А.* 145
- Шепелев Л. Е.* 151
- Шереметев Борис Петрович, фельдмаршал 25
- Шереметев Н. П., граф 17, 145
- Шереметев Петр Борисович, князь, обер-камергер 152
- Шереметева Н. Б., графиня 20, 71, 94
- Шимко Н. И.* 152, 185
- Шипов Н., крестьянский сын 12, 143
- Шлейссингер Г., автор описания России 6, 12, 142, 143, 185
- Шлыкова Татьяна Васильевна, крепостная актриса 162
- Штейн П. В.* 156
- Шувалов Иван Иванович, государственный деятель 162

Шумахер Иван Данилович
(Иоанн Даниил), ученый 155

Шепетов К. Н. 172

Шербатов А. Ф., князь 22

Шербатов Михаил Михайло-
вич, князь, историк 7, 17, 29,
57, 108, 124, 142, 145, 156,
157, 171, 175, 185

Щукин Н. С. 171

Эделинг Р. С., графиня, мемуа-
ристка 56, 76, 104, 152, 155,
156, 158, 162–164, 169, 170,
185

Энгельгардт Л. Н., мемуарист
75, 92, 153, 162, 164, 166,
168, 185

Эриксен В., художник 150

Юрий Владимирович Долго-
рукий, великий князь Киев-
ский 23

Юст Юль, датский посланник
23, 151, 185

Ядринцев Н. М. 129, 176

Якушкин Иван Дмитриевич,
декабрист 148

Янькова Е. П., мемуарист-
ка 9, 22, 23, 29, 32, 68, 100,
103–105, 110, 143, 146–
148, 150–152, 159, 161–
65, 169–171, 175, 176,
185

Ariés Ph. 155, 160

Braunstein Ph. 160

Chartier R. 160

Duby G. 160

Fortia de Piles 169

Frierson C. A. 172

Levin E. (Левина Е.) 146

*Viegee-Lebrun M. L. (Виже Леб-
рен)* 170

Предметно-терминологический указатель

- Адюльтер *см.*: измена
- Ассамблея как форма досуга
дворянок 7, 8, 112
- Бабушка 27, 75, 76–79, 93, 103,
106, 115, 134, 138, 160, 179,
184, 185
- Бал 7–9, 34, 46, 64, 72, 100, 109
- Баня, банное дело 38, 60, 115
- Бастарды *см.*: дети внебрачные
- Безбрачие 62
- Беременность 65, 66, 67
- Благословение родительское;
см. также: венчание, усло-
вия заключения брака 13, 14,
39, 80, 131, 144
- Блуд, добрачная сексуальная
связь; *см. также*: измена
40, 124
- Брак близкородственный 18,
28, 29, 131
- Брак, брачность
второй (повторный) 29, 30,
126, 149
третий 29, 30
- четвертый 29, 31, 119, 120
противозаконный 120
равный брак, ровня в браке
35, 131
тайный 22, 30, 38
этнически смешанный 36,
131;
см. также: венчание
- Быт семейный, бытовой уклад
см.: образ жизни
- Вдовство 68, 118
- Вековуша *см.*: старая дева
- Венечный собор 37
- Венчание, чин венчания, про-
цедура венчания 10, 12, 15,
16, 19, 22, 35, 37–42, 65, 120,
131
- Внук, внучка 27, 77, 78, 121
- Возраст брачный; *см. также*:
брак, условия заключения
брака 17, 22–24, 26, 27, 120,
131, 147, 148
- Воспитание детей (материн-
ское воспитание и его мето-

- ды) 6, 54, 64, 68, 69, 74–77, 83–85, 87, 89–91, 94, 96, 98, 100, 132–134, 167
- Воспитатель 84, 87, 94, 125, 137
- Воспитательница *см.*: мамка
- Врачевательница, целительница 161
- Вскармливание грудное 73, 133
- Гости, гостеванье, гостеприимство 8, 13, 15, 38, 60, 61, 77, 102–105, 107, 112, 116, 123, 170
- Грамота рядная, сговорная 121, 122, 148
- Гувернантка, гувернер 90, 92–94, 134
- Гулянье уличное 109, 173
- Двоебрачие 120
- Двоеженство 120
- Двоемужество 120
- Двор скотный 113
- Дворничиха 111
- Девичество (девство, девственность) 24, 39, 40, 116, 126
- Дед (дедушка) 10, 24, 46, 70, 73, 79, 94, 182
- Дела бракоразводные 61, 122, 134, 135
- Дети внебрачные (дети добрачные, бастарды, выблядки, крапивники) 33, 65, 125, 149
- Дети строптивые 75
- Деторождение *см.*: роды
- Детоубийство, детоубийцы 158
- Детство 12, 28, 72, 76–79, 83, 84, 96–99, 103, 133, 166, 171
- Договор брачный 13, 15
- Документ сговорный *см.*: грамота сговорная
- Дом смирительный 75
- Домосодержание 88
- Досуг 9, 98, 105, 109, 112, 138, 140
- Дядя 149
- Жена 13, 26, 27, 32, 42, 46–51, 55, 58, 59, 62, 63, 79, 102, 103, 106, 109, 111, 114, 115, 119, 120, 123, 126–131, 136, 138, 144, 146, 150, 156, 157, 158
- модная жена 56, 132, 158
- Жених 10, 12, 15, 17–20, 25, 28, 29, 32, 34, 35, 38, 40, 46, 48, 112, 143, 148, 149, 154
- Жизнь женская
- интимная, сексуальная 28, 40, 46, 110, 138
- частная (частная сфера) 43, 84, 85, 105, 135–139
- эмоциональная 59, 65, 68, 74, 83, 132, 134, 136–138, 140, 141
- Завтрак 102, 108, 111, 170
- Замужество (замужняя жизнь) 8–14, 16, 19–22, 24, 26–30, 35, 52, 58, 65, 88, 111, 118, 120, 126, 130, 131, 139, 150
- Затворничество теремное 5
- Зять 27, 33, 42, 63
- Игра, игры детские, девичьи, женские 8, 13, 38, 77, 84, 105, 110, 112, 116, 117, 133
- Изба 13, 60, 172
- Измена (адюльтер, прелюбодейство, прелюбодеяние, женская неверность, супружеская неверность)

- 51, 120–123, 127–129, 132, 139, 175
- Контакты интимные *см.*: жизнь женская интимная
- Конфликт внутрисемейный межпоколенный (в том числе матери—дети) 30, 60, 61, 63, 75
- Крапивники *см.*: дети внебрачные
- Крестины 68
- Крестница 68, 103
- Кровное родство *см.*: связи близкородственные
- Кружево, кружева 88, 112, 113
- Ласка 46, 47, 55, 59, 75, 99, 133
- Лирика любовная и женская тема в ней 44, 132
- Любовник (полюбовник) 20, 55, 110, 124, 138, 158
- Любовница (полюбовница) 32, 57, 125, 158
- Любовь как эмоция детей к матери 79, 81 материнская 64, 79, 81, 82, 166 платоническая 18 родительская 81, 83 «скотская» (чувственная) 54, 55 супружеская 57
- Мамка (воспитательница, кормилица, няня) 35, 68, 75, 76, 78, 133, 160
- Манеры женские 8, 88, 105
- Мать (мама, матушка) 13, 14, 19–21, 33, 48, 53, 59–61, 65–84, 86, 88–100, 103, 106, 109–112, 114–116, 125, 132–134, 136, 138, 140, 156, 161, 163, 165, 166, 170
- Мать крестная 68
- Мастеровые 175
- Материнство 64, 65, 85, 140
- Мезальянс 34, 35, 82
- Мертворождение 73
- Милость, милосивость, милосердие 53, 128, 145
- Мир детский 83 женщины 8, 44, 132, 137 душевный 58, 97 эмоциональный 132, 141 крестьянский 28, 48, 129 чувств 43, 53, 56, 63
- Миска 115
- Многодетность, многочадие 67, 71, 133
- Мода детская 83
- Молодуха 116
- Молоко (млеко) 9, 48, 102
- Мороженое 170
- Мужеубийство 63, 130
- Музицирование, музыка как форма женского досуга 112
- Наследство 81, 170, 176
- Натура женская 54, 156
- Неверность женская *см.*: измена
- Неверность супружеская *см.*: измена
- Невеста, новобрачная 10, 12, 13, 15, 16, 18–25, 27, 28, 32–35, 39, 40, 46, 48, 50, 52, 93, 125, 130, 136, 143, 149, 154, 156, 173
- Невестка 14, 93, 115

- Невинность добрачная (целомудрие) 40, 55
- Невнимание к ребенку 76
- Новобрачная *см.*: невеста
- Недвижимость 33, 41, 82, 103, 118, 127
- Нежность женская 57, 59
- Незамужняя 9, 24, 103, 151
- Ненависть в семье 130
- Ненасильственность брака 16
- Непокорность женская 128
- Нормы бракоразводные 41
- Обед 39, 97, 102, 104, 105, 109, 116, 143
- Обер-гофмейстера 31, 151
- Облик духовный, нравственный 99
- Образование домашнее (семейное) 36, 89, 100
- Образ жизни (быт семейный, бытовой уклад) 5, 6, 13, 20, 41, 42, 56, 63, 64, 85, 100, 106–109, 111, 117, 129, 130, 132, 134, 183
- Образы женские литературные 45, 98
- Обручение новобрачных 14, 15, 37, 144
- Обрядность предбрачная 173
- Обучение детей 74, 87, 90, 94, 111, 133
- Оглашение 37, 154
- Омовение (туалет утренний, умывание утреннее) 102, 108
- Память вечная 37, 153
- Пансион женский 26, 88, 91, 93, 133, 134
- Партия брачная 18
- Партнер брачный 19, 25, 31, 138
- Пасынок 69, 81
- Патриархальность семьи 133
- Пение 96, 112, 117
- Первенцы и отношение к ним матерей 67, 69–71, 76, 150
- Первой брачной ночи право 40
- Перестарок *см.*: старая дева
- Период добрачный 15, 130, 144
- Племянница 20, 28, 29, 114, 149
- Повитуха 66
- Повседневность (повседневный быт, повседневная жизнь) 6, 43, 59, 60, 101, 106, 107, 109, 110, 112, 115–117, 130, 132, 134–140
- Подкидыш 69
- Покорность женская 62, 116
- Посиделки 13, 110, 116, 117
- Послушание женское 62
- Пострижение (постриг) 22, 119, 120, 128, 129
- Похоть 34
- Право на выбор брачного партнера 18
- Право на развод 118, 120, 121, 123, 126, 127, 129
- Право обычное 132, 138, 143
- Право семейное 176, 181, 185
- Праздник 6, 13, 39, 108, 116, 159
- Преданность женская 76, 92
- Приданое 10, 34, 35, 38, 48, 112, 119, 120, 135, 154
- Примак, влазень 42
- Принципы брачные:
 - единой семейной фамилии 41, 43, 131
 - общего местожительства 41, 42, 131

- единого социального статуса
41, 42, 151
- Прислуга 111
- Продажа детей 70
- Пушеница 125
- Развлечение 8, 106, 112, 117
- Развод, поводы к нему:
 прелюбодеяние 122–124, 129
 безвестное отсутствие 125,
 126
 бездетность брака 126
 вечная ссылка 127
 имущественная несостоя-
 тельность мужа 129
 побои 63, 124, 127
- Раздел семейный, имуществен-
ный 114, 172
- Раздумья, размышления жен-
ские 100, 108
- Разлука 59, 120
- Разум женщины 48, 99
- Разъезд утренний как форма
досуга дворянок 109
- Растление 66
- Расторжение брака *см.*: развод
- Ревность 60, 61, 159
- Родители 10–16, 18–24, 27,
31, 34, 36, 49, 57, 59–61, 68,
70–76, 79–81, 83, 85, 87–91,
93, 94, 104, 111, 130, 131,
133, 145, 146, 150, 162
- Родовспоможение *см. также*:
роды 66
- Родственники (родственницы),
родственные связи и отно-
шения 8, 10, 14–16, 18, 19,
21, 22, 27–30, 34, 38, 41, 42,
56, 61, 69, 74, 76, 78, 80, 94,
95, 101, 104, 106, 131, 137,
138, 146, 147
- Роды 66, 67, 70, 160, 161
- Рукоделие 95, 112
- Самопожертвование женское
54, 79
- Самостоятельность женская 18,
44, 127
- Самоубийство женщин 63, 130
- Сватовство 10, 12, 21, 23
- Свекровь 13, 14, 36, 58
- Связи близкородственные
(кровное родство) *см. так-
же*: инцест, брак близкород-
ственный 28, 33, 38, 109
- Сговор брачный 14, 144
- Сестра 21, 25, 48, 68, 90, 92, 97,
106, 114, 138, 140
- Сирота 68, 69
- Слуга, слуги 94, 137
- Смертность детская 67, 73
- Смольнянки 87
- Сноха 28, 115, 143, 173
- Снохачество 27, 28
- Сожительство (сожитие,
сожительница) 27, 28, 40,
51, 59, 122–124, 126, 129,
148, 151
- Сосед (соседи) 35, 53, 61, 71,
75, 104, 137, 138
- Сплетни (женская болтли-
вость) 104, 105
- Ссора 14, 59–61, 63
- Старая дева (вековуша, неза-
мужняя, однокоска, пере-
старок, привередница, про-
кисшая невеста) 27
- Старость, старуха 83
- Статская советница 31
- Страсть 44, 45, 54, 56, 60, 73,
84, 145, 157
- Страхи женские 119

- Стыдливость женская, стыд, скромность женская 16, 55
- Супруг, супруга, супружество 18, 19, 21, 24, 25, 27, 29, 31, 35, 37, 41, 42, 50–59, 61, 62, 66, 96, 118, 120, 121–135, 138, 151
- Тайная советница 31
- Танцы *см. также*: бал 6, 8, 9, 65, 88, 96, 105
- Тесть 61, 63, 149
- Тетка 68, 114, 150
- Теща 19, 27, 35, 63, 103
- Труд женский, работа женская 13, 27, 48, 50, 58, 60, 66, 84, 96, 97, 103, 110–113, 115–117, 156
- Убийство
детей 158
мужа 63, 130
- Украшения женские 108, 113
- Усадьба 102, 103, 105, 106
- Условия заключения брака *см. также*: мезальянс, целомудрие 11, 12, 28, 35, 41, 130
- Учеба, ученье девочек, девушек 14, 15, 37, 44, 74, 87–91, 93–96, 100, 111, 133, 144
- Фамилия единая семейная 41, 42, 131
- Фрейлина 109, 151, 163, 166
- Хозяйка дома 42, 77, 102, 105, 106, 111, 136
- Хозяйство, хозяйственные вопросы 27, 49, 50, 64, 100, 102, 103, 105, 127, 156
- Целомудрие *см.* невинность добрая
- Честолюбие 34
- Честь девичья, женская 9
- Чтение 84, 85, 89, 97–99, 175
- Чувства 25, 42–49, 53, 54–60, 63, 85, 146, 157
- Чувственность 46, 47
- Шитье как работа, как досуг 84, 88, 95, 111, 116
- Штопка одежды 111, 116
- Экономика домашняя 50, 107
- Эмоции женские, в связи с интимной сферой 52–54, 59, 65, 132, 136, 139–141
- Этикет семейный 44, 54, 106

Содержание

Предисловие	5
Глава I. «Какие нонче браки бывают...»	11
Глава II. «Дрожайшее сокровище мое!»	43
Глава III. «Чего не вынесет материнская любовь!»	64
Глава IV. «Она старалась ничего не упустить в науках...»	86
Глава V. «Любезная картина вседневного счастья...»	101
Глава VI. «Не люб муж — да куды его деть?»	118
Заключение.	136
<i>Примечания</i>	<i>142</i>
<i>Список сокращений</i>	<i>178</i>
<i>Именной указатель</i>	<i>186</i>
<i>Предметно-терминологический указатель</i>	<i>197</i>

- Пушкарева Н.
- П91 Частная жизнь русской женщины XVIII века / Наталья Пушкарева. — М. : Ломоносовъ, — 2012. — 208 с. — (История. География. Этнография).
- ISBN 978-5-91678-137-3

Галантный XVIII век в корне изменил представления о русской женщине, ее правах, роли, значимости и месте в обществе. То, что поначалу казалось лишь игрой аристократии в европейскую жизнь — указами Петра I дамам было велено носить «образцовые немецкие» платья с корсетом и юбками до шиколоток, головы вместо венцов и кик украшать высоченными прическами, а прежнюю одежду «резать и драть» и, кроме того, участвовать в празднествах, ассамблеях и ночных балах, — с годами стало нормой и ориентиром для купеческого и мешанского сословий. При этом новые обычаи удивительным, порой невероятным образом сочетались с традициями, которые выработывались столетиями. Из чего складывался повседневный быт русской женщины XVIII века, как выходили замуж, как воспитывали детей, как любили в браке и вне брака — об этом и еще о многом другом рассказывается в книге Натальи Пушкаревой.

Наталья Пушкарева — доктор исторических наук, профессор, глава Российской ассоциации исследователей женской истории. В издательстве «Ломоносовъ» вышла ее книга «Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница».

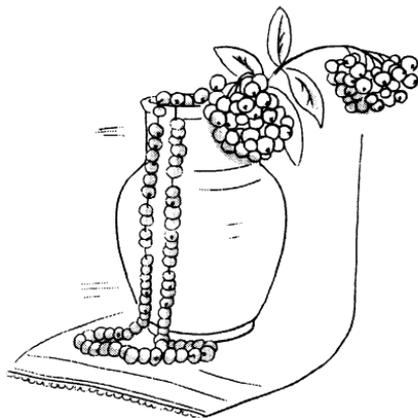
УДК 396

ББК 63.3.(2)4

История. География. Этнография

Наталья Пушкарева

Частная жизнь
русской женщины XVIII века

Редактор В. Кукушкин
Художественный редактор Е. Трушина
Верстка А. Кашафутдиновой

Подписано в печать 25.04.2012.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 13. Тираж 1500 экз. Заказ № 8482.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3

Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО

«Можайский полиграфический комбинат»
143200 г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.pф

тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

В СЕРИИ также ВЫШЛИ:

Лев Минц. Котелок дядюшки Ляо
Виталий Бабенко. Земля — вид сверху
Ольга Семенова-Тян-Шанская. Жизнь «Ивана»
Владислав Петров. Три карты усатой княгини
Свен Хедин В сердце Азии
Геннадий Коваленко. Русские и шведы от Рюрика до Ленина
Лев Минц. Придуманные люди с острова Минданао
Бенгт Янгфельдт. От варягов до Нобеля
Олег Ивик. История человеческих жертвоприношений
Анна Мурадова. Кельты анфас и в профиль
Даниэль Клугер. Тайна капитана Немо
Валерий Гуляев. Доколумбовы плавания в Америку
Светлана Плетнева. Половцы
Ким Малаховский. Пираты британской короны
Фрэнсис Дрейк и Уильям Дампир
Алексис Трубецкой. Крымская война
Валерий Гуляев. Загадки индейских цивилизаций
Олег Ивик. Женщины-воины: от амазонок до куноити
Виолет Вануайек. Великие загадки Древнего Египта
Яков Свет. За кормой сто тысяч ли
Лев Минц. Блистательный Химьяр и плиссировка юбок
Аксель Одельберг. Невыдуманные приключения
Свена Хедина

Гомбожаб Цыбиков. Буддист-паломник у святынь
Тибета

Никита Кривцов. Сейшелы — осколки трех континентов

Олег Ивик. История сексуальных запретов
и предписаний

Виктор Бердинских. Речи немых

Светлана Федорова. Русская Америка:
от первых поселений до продажи Аляски

Стаффан Скотт. Династия Бернадотов: короли, принцы
и прочие...

Геннадий Левицкий. Самые богатые люди Древнего мира

Георгий Вернадский. Монголы и Русь

Наталья Пушкарева. Частная жизнь женщины
в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница

Виталий Белявский. Вавилон легендарный и Вавилон
исторический

Олег Ивик. История и зоология мифических животных

Лев Карсавин. Монашество в Средние века

Владислав Петров. Древняя история смерти

Олег Ивик. Еда Древнего мира

Стефан Цвейг. Подвиг Магеллана

Вашингтон Ирвинг. Жизнь пророка Мухаммеда

Владимир Новиков. Русская литературная усадьба

Отечественная война 1812 года глазами современников

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

наш
информационный
партнер

Р А Д И О

ГОВОРИТ
МОСКВА 92,0_{FM}

Наталья
Пушкарева
Частная жизнь
русской
женщины
XVIII века

Галантный XVIII век в корне изменил представления о русской женщине, ее правах, роли, значимости в семье и обществе. То, что поначалу могло показаться лишь игрой аристократии в европейскую жизнь, с годами стало нормой и ориентиром для купеческого и мещанского сословий. При этом новые обычаи удивительным, порой невероятным образом сочетались с традициями, которые вырабатывались столетиями. Из чего складывался повседневный быт русской женщины XVIII века, как выходили замуж, как воспитывали детей, как любили в браке и как изменяли мужьям, как проводили досуг — об этом и еще о многом другом рассказывается в книге Натальи Пушкаревой.

Наталья Пушкарева — доктор исторических наук, профессор, глава Российской ассоциации исследователей женской истории. В издательстве «Ломоносовъ» вышла ее книга «Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница».

ISBN 978-5-91678-137-3

9 785916 781373